

**ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ТАДЖИКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
КАФЕДРА ТАДЖИКСКОГО СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА**

УДК: 491.550 - 3

ББК: 81. 2 (2 Т)

Ш – 26

На правах рукописи

ШАРОФИДДИНОВА АМИНА СИРОЖЕВНА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ
САДРИДДИНА АЙНИ “РАБЫ”**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(таджикский язык)

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Мирзоева М. М.

ДУШАНБЕ – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3-22
ГЛАВА I. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ «РАБЫ»	23-62
1.1. Идиомы.....	26-41
1.2. Фраземы.....	41-51
1.3. Фразеологизмы неидиоматического характера.....	51-62
ГЛАВА II. СЕМАСИОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОИЗВЕДЕНИИ С. АЙНИ	63-100
2.1. Полисемия фразеологических единиц.....	63-71
2.2. Синонимия фразеологических единиц.....	71-84
2.3. Антонимия фразеологических единиц.....	84-94
2.4. Фразеологическая омонимия и вариантность.....	94-100
ГЛАВА III. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СТИЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	101-142
Раздел I. Стилиевая принадлежность фразеологизмов	104
3.1.1. Фразеологические единицы с точки зрения их окраски и выразительности.....	104-113
3.1.2. Фразеологические вульгаризмы.....	113-119
3.1.3. Фразеологические эвфемизмы.....	119-125
Раздел II. Стилистические слои фразеологических единиц	125-126
3.2.1. Общеупотребительные фразеологические единицы.....	126-131
3.2.2. Разговорные фразеологические единицы.....	132-138
3.2.3. Книжные фразеологические единицы.....	138-142
Заключение	143-145
Список использованной литературы	146-163
Список сокращений	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Закономерности становления и развития языка обусловлены реальной жизнью человеческого общества. Писатель как очевидец явлений и событий своего времени и изображаемой эпохи реалистически отражает их в своём творчестве, опираясь на возможности и законы литературного языка. Поскольку закономерности становления и совершенствования литературного языка и в целом языка того или иного народа находят свое отражение в творчестве великих писателей современности, изучение художественного языка известных мастеров слова является основным источником исследования литературного языка любой эпохи. Корифеей таджикской литературы, широко почитаемый в народе, великий мастер художественного слова Садриддин Айни является одной из самых значительных фигур в таджикской культуре XX века, а его творчество зеркально отражает реальную жизнь таджикского и узбекского народа. Кроме того, как отметил Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, творческое наследие Садриддина Айни можно считать и достоянием узбекского народа и узбекской литературы прошлого столетия. “Он был из когорты великих новаторов. Новаторство его проявилось в том, что он внес коренные преобразования в литературу своего народа, которые стали фундаментом новой словесности, полностью изменившей представления об основных принципах изображения человека и жизни” [203, 5].

Таким образом, Садриддин Айни является великим учителем языка. “Язык он считал одной из основ существования и единства нации. Его произведения — неиссякаемая сокровищница, в которой слились воедино словарное богатство, фразеологическая емкость, грамматическое совершенство дошедшего до нас из глубины веков языка во всей его красоте, изяществе и достоинстве. Садриддин Айни значительно расширил возможности нашего языка, поднял его на высочайший уровень” [43, 59-61].

Одна из великих заслуг выдающегося писателя Садриддина Айни в том, что он проявил себя как создатель нового стиля современного таджикского литературного языка. Он изучил все богатства языков иранских народностей, штудировал их как азбуку и в простом, общепонятном виде возвратил своему народу. Язык художественных произведений и научных трудов Садриддина Айни по качеству новый, весьма демократичный и понятный широкой массе народа.

Нет сомнения и в том, что художественное и научное творчество Садриддина Айни, его сладкий и разнообразный язык, поднял таджикский народ на новый высокий уровень собственной культуры, литературы и науки [144, 84-88].

Анализ языка произведений Садриддина Айни, с одной стороны, позволяет конкретизировать закономерности становления и совершенствования литературного таджикского языка, как всеохватывающее зеркало, отражает его словарное богатство, его большие стилистические и грамматические возможности, а с другой стороны, в тончайших деталях передает их содержание и смысл. Поэтому языковые особенности произведений Садриддина Айни находятся в центре внимания ученых-языковедов, литературоведов и других исследователей его творчества. Все это и определяет **актуальность** нашего исследования. Исходя из этого, изучение творчества Садриддина Айни в сопоставлении с данными словарей, словников и других языковых и литературных научных источников становится важным источником и, конечно же, основным первоисточником исследования.

Цель и задачи данного исследования исходят из того, что анализ творчества этого писателя, отзывавшегося на все жизненные реалии, выявляет многие не освещенные до сих пор закономерности развития таджикского литературного языка.

Садриддин Айни был знатоком жизни и быта таджикского народа и создавал свои произведения на ясном, понятном и безупречном языке. Все богатства национального языка таджиков отразились в творчестве

Садриддина Айни благодаря яркому и многогранному художественному повествованию. Это наиболее ясно и конкретно видно на примере использования мастером художественного слова различных фразеологических единиц. Как известно, фразеологические единицы являются тем элементом языка, в котором находят свое отражение жизненный опыт людей, их мечты и чаяния, стремления, их личные качества и характер и в целом духовный мир и повседневная жизнь. Неутомимый труженик Садриддин Айни мастерски использует в своем творчестве эти ценнейшие отшлифованные веками шедевры народного языка. Таджикский ученый-лингвист Н. Маъсуми пишет о Садриддине Айни: “В творчестве Садриддина Айни собраны воедино словарное и грамматическое богатства, все разнообразие способов и форм самовыражения, сила и изящество таджикского общенародного и литературного языка, которые посредством его мастерства возвышаются до образцового уровня. И поэтому изучение языка Садриддина Айни и языка отдельных его произведений не только позволяет определить своеобразие языка и стиля писателя, но и предоставляет возможность для изучения истории литературного языка, определения места и роли Садриддина Айни в становлении и развитии современного таджикского языка” [103, 11].

Казалось бы, о творчестве Садриддина Айни, о достоинствах его литературного наследия, о значении и роли его в истории формирования и развития таджикского литературного языка XX века все уже сказано. А по существу все осуществленные в этом направлении исследования лишь положили начало будущим фундаментальным научным трудам, охватывающим разные стороны его творчества и с точки зрения литературоведения, и с позиций языковедения, и, конечно же, богатого творческого опыта великого Садриддина Айни [142, 5].

С точки зрения литературоведения все грани творчества Садриддина Айни исследованы относительно подробно и обстоятельно, и это особенно касается исследований последних лет, в которых

авторами проанализированы различные стороны творчества выдающегося писателя в рамках таджикского литературоведения. В доказательство этого можно привести немало примеров. Вне всякого сомнения, в них показан неоценимый вклад великого учителя в становление и укрепление таджикского литературного языка. Тем не менее, язык его художественных произведений был проанализирован недостаточно полно. Важнейшей целью данного исследования является изучение именно этого аспекта творчества мастера слова, что делает данное исследование **актуальным**.

Степень научной разработанности проблемы. В таджикской лингвистике словарное и грамматическое своеобразие произведений Садриддина Айни до сегодняшнего дня изучено недостаточно. Одним из первых трудов в области таджикского языковедения, посвященных своеобразию его языка, была книга Н. Маъсуми “Очерки по развитию таджикского литературного языка”, вышедшая в свет в 1959 году. Исследователь обстоятельно проанализировал усилия писателя по становлению и развитию таджикского литературного языка, дал высокую оценку языку его художественных произведений, признав их непревзойденными образцами литературного языка. Вклад Садриддина Айни в совершенствование таджикского литературного языка ученый определяет так: “В своем творчестве Садриддин Айни в полной мере использовал основные богатства литературного языка, заменяя устаревшие конструкции элементами народного языка, тем самым оказав практическую помощь в становлении ясной, чистой и близкой к народу речи. В этом смысле Садриддин Айни объединил богатства литературного и общенародного языка, широко использовал разговорную речь, обогатил современный таджикский литературный язык, придав художественной прозе новые краски и ритм и тем самым определив ее будущее” [103, 10-11].

В 1971 году в сборнике научных статей таджикского лингвиста Р. Гафарова под названием “Язык и стиль исторического очерка “Герой

таджикского народа Тимур-Малик” были освещены важнейшие вопросы изучения языка произведений Садриддина Айни [42, 180-202].

В 1974 году в таджикском языковедении появился плод научных исканий таджикского ученого-языковеда С. Халимова под названием “Садриддин Айни и некоторые вопросы становления и развития таджикского литературного языка”. В этом труде, посвященном титаническим усилиям Садриддина Айни по развитию таджикского литературного языка, дается достойная оценка языку произведений замечательного писателя [176, 135].

В 1978 году таджикский языковед Х. Раупов издал книгу под названием “Садриддин Айни и развитие лексики таджикского литературного языка”. Данный труд охватывает вопросы анализа и изучения языковых особенностей художественных произведений Садриддина Айни. Однако эта небольшая по объему работа была посвящена относительно общим вопросам языковедения и не содержала анализа ни одного художественного произведения из литературного наследия основоположника таджикской литературы новой эпохи [133, 46].

В последние годы в свет вышел труд Н. Насими “Словарь словообразующих глаголов в прозе Айни”, исследующий особенности художественных произведений писателя. Следует отметить, что, затронув одну из сложнейших частей речи таджикского языка — глагол, исследователь добился значительных результатов [120, 74].

К числу авторов, которые изложили в своих статьях и отдельных научных и научно-популярных трудах различные взгляды на творчество Садриддина Айни и особенности языка его произведений, относятся лингвисты-языковеды Б. Ниёзмухаммадов, Д. Тожиев, М. Косимова, Р. Гаффоров, М. Шукуров, Б. Камолиддинов, А. Сайфуллоев, Х. Хусейнов, Х. Турсунов, З. Муллоджонова и др.

Однако до настоящего времени особенности фразеологизмов в произведениях Садриддина Айни не становились объектом отдельных исследований.

Каждый писатель при создании художественного произведения использует разнообразные выражения из поговорок и пословиц, преданий и легенд, и эти элементы являются фундаментом эффективного и реального изображения жизни народа. В этой связи фразеологические единицы достойны пристального внимания. Таджикский язык – один из древнейших языков мира – характеризуется богатством и необычайной выразительностью. Фразеологизмы составляют значительную часть этого богатства, они являются средством передачи красоты и изящества национального языка. Лексико-фразеологическая система таджикского языка – это важнейшее средство, используемое для образной передачи мысли в лаконичной форме и имеющее большое значение для детализации художественного образа. Во фразеологических единицах любого языка нашли свое отражение жизненный опыт, вкусы и настроения, обычаи и нравы, история и культура того народа, которому они принадлежат. И по этой причине смысл, выраженный во фразеологизмах, более тонок, скрыт и в то же время более ярок и выразителен.

Фразеологические единицы свойственны в основном языку художественных произведений и живой речи. Возникновение фразеологизмов – не случайное явление, они – закономерные и реальные единицы языка. В течение столетий они развиваются как неотъемлемая часть лексико-семантической системы языка.

Каждый писатель, опираясь на уровень своих знаний о жизни и на свое мастерство, используя элементы из кладезя образных выражений народного языка, с одной стороны, закреплял за ними место в литературном языке, а с другой стороны, путем использования живого языка и его диалектных ветвей, обеспечивал внедрение в живой язык наиболее ярких фразеологических единиц. Посредством создания таких

выражений, опираясь на хороший вкус, мастера слова постепенно наращивали число фразеологизмов в общенациональном языке. На самом деле изучение фразеологических единиц в творчестве отдельных писателей имеет большое научное значение, как для оценки их словесного мастерства, так и для совершенствования художественного процесса в целом [37, 64-65].

Первые теоретические исследования в области таджикской фразеологии относятся к 1940-1950-м годам. В таджикском языкознании впервые данный вопрос осветил академик Абдулгани Мирзоев. В процессе лингвистического анализа произведений Саидо Насафи он остановился на народных выражениях. Ученый пишет: “Полноценной особенностью языка Саидо является использование им таджикских идиом, и даже ни один поэт XVII века не мог сравниться с ним в этом” [106, 115].

В 60-х годах XX столетия в изучении и исследовании фразеологии был сделан значительный шаг. Одним из несомненных достижений в этой области была публикация “Словаря фразеологических выражений” М. Фозилова. Данный словарь был издан в 2-х томах и содержал около 1000 фразеологических выражений [223, 452; 224, 802]. «Изучив литературу, посвященную фразеологии, в предисловии словаря исследователь отмечает, что источником ФЕ является живой народный язык, и фразеологизмы в обилии существуют во всех языках. Также констатирует, что ФЕ, являясь исторической категорией, имеют особую закономерность и ряд свойств. Не изучив фразеологию, нельзя знать душу и природу языка и, собственно, сам язык. Фразеология каждого языка отличается своими грамматическими и стилистическими особенностями» [111, 8].

Более подробные научные сведения о таджикской фразеологии приводятся в труде лингвиста Н. Маъсуми “Очерки о развитии современного таджикского литературного языка”. Разделив фразеологические выражения в повести Садриддина Айни “Смерть

ростовщика” на глагольные фразеологизмы и фразеологизмы глагольного характера, исследователь определил и проанализировал их лексические и стилистические особенности [103, 145-159].

Известный лингвист-языковед Д. Таджиев в своем труде, посвященном анализу фразеологических единиц с опорным лексическим компонентом “об” (вода), анализирует некоторые лексические и семантические особенности этого слова в составе фразеологических единиц, особо подчеркивая его продуктивность в составе фразеологизмов [153, 42-60].

Известный языковед Р. Гаффоров разделяет фразеологизмы на три семантические группы:

- а) отдельные выражения;
- б) аллегорические выражения;
- в) фразеологические компоненты.

Относительно этого разделения автор пишет: “На основе двух предыдущих возникает третья группа, одним из компонентов которой является символическое выражение” [36, 67].

Монография С. Хушеновой под названием “Изафетные фразеологические единицы таджикского языка” посвящена одному из типов фразеологических единиц – изафетным фразеологическим единицам. Автор представил морфологическую классификацию изафетных фразеологических выражений и, указывая на их отличие от синтаксически свободных выражений, пишет: “В составе изафетных фразеологических выражений имя, качество и некоторые субстантивированные части речи наподобие масдара выполняют функции основного компонента” [175, 109].

Другим трудом, где объектом подробного исследования стали вопросы фразеологии в ирано-таджикском языкознании и в целом в ирановедении, является книга известного ирановеда Ю. А. Рубинчика под названием “Основы фразеологии персидского языка”. Данный фундаментальный научный труд 1970-1980-х годов и по сей день не

утратил своей актуальности. Книга состоит из четырех частей, в первой из которых освещаются общие вопросы фразеологии. Вторая часть посвящена именным фразеологизмам, а третья – глагольным. И, наконец, в четвертой части ведется дискуссия о фразеологических выражениях. Как уже было указано, данный труд до сегодняшнего дня не утратил своей актуальности и используется как важный научно-исследовательский источник [136, 274].

Ученые-языковеды Т. Максудов, Ф. Зикриёев, Х. Халилов в своем совместном труде под названием “Фразеологические единицы и их синтаксические функции” классифицировали фразеологические единицы с точки зрения семантики, прокомментировали многозначность, синонимичность, омонимичность и вариативность фразеологизмов. Кроме того, в данной работе определены синтаксические функции именных, адъективных и глагольных фразеологизмов [93, 86].

В 1974 году языковед И. Хасанов издал книгу под названием “Лексика и фразеология” (на основе романа Дж. Икрами “Дочь огня”). В отдельной главе данной работы, посвященной фразеологизмам, глубоко проанализирована каждая фразеологическая единица, встречающаяся в произведении [179, 157].

В области таджикской фразеологии следует особо отметить заслуги известного лингвиста Х. Маджидова. В своём исследовании “Фразеология современного таджикского языка” он освещает теоретические вопросы и народные источники как общественное достояние, дает четкую классификацию фразеологических единиц и частично анализирует народные фразеологизмы. При рассмотрении и решении отдельных вопросов, поставленных в настоящем исследовании, мы в основном опираемся на указанный труд Х. Маджидова и детально анализируем его [98, 104].

В другом издании этого же автора – «Фразеологическая система современного таджикского языка» рассмотрены существующие теоретические разработки по таджикской фразеологии, обобщено её

современное состояние и намечены проблемы её дальнейшего исследования [91].

В исследованиях, посвященных диалектологии, в частности, в разработках Т. Максудова, М. Махмудова, Г. Джураева, З. Зайниддиновой, А. Захидова, Б. Бердиева, Б.А. Осимовой, П.О. Холова и других¹ наряду с другими проблемами освещены вопросы фразеологии определенных говоров, где также встречаются и интересные заметки. В специальном научном труде по фразеологии южных диалектов, который принадлежит Н. Гадоеву – «Фразеологические единицы южных диалектов Куляба», речь идёт о способах формирования фразеологизмов указанных говоров, об их структуре и семантике. В частности, относительно роли частей речи в формировании фразеологических словосочетаний он отмечает: «В образовании и формировании фразеологизмов заметна роль частей речи, особенно существительных и глаголов. Фразеологические единицы, в образовании которых участвуют существительные и глаголы, в основном являются изафетными (именными) фразеологическими словосочетаниями. Существительные, выражающие человека, животных, названия органов человека и абстрактные существительные, связанные с ними, и т.д., употребляясь в составе фразеологических словосочетаний, делают язык носителей диалекта привлекательным и красочным» [32, 288].

К числу наиболее основательных статей, подготовленных в 1990-х годах, где речь идёт также о фразеологизмах, относятся статьи исследователей Ш. Кабирова (“Узуальные выражения в исторических сочинениях XIX века”) [72, 20-25] и Х. Талбаковой (“Антонимические фразеологические единицы”) [157, 46-50]. Однако наряду с несомненными теоретическими достижениями в области фразеологии отдельные ее аспекты еще требуют изучения.

¹ Махмудов, М., Хоркашев, С. Каталог литературы по диалектологии / М. Махмудов, С. Хоркашев. – Душанбе, 2010. – 64 с.

Известный таджикский лингвист профессор Р. Гаффоров в свое время обращал особое внимание на необходимость полноценного исследования фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни. Подобная необходимость была обусловлена рядом причин. При этом ученый выделял три важнейших мотива, которые мы считаем необходимым привести здесь. Р. Гаффоров писал: “Первая причина зиждется на том, что великий учитель Садриддин Айни является большим и редким мастером слова. Он стоял у истоков преобразования и постреволюционного развития норм таджикского литературного языка, благодаря своему зрелому уму и дальновидности спаял воедино общедоступные богатства классического языка и бесконечные возможности живого языка и посредством этого утвердил в нашем родном языке новые принципы, которые стали образцом и объектом для подражания для всех таджикских литераторов.

Во-вторых, Садриддин Айни, наряду с тысячами известными словарными элементами из народной речи, мастерски использовал сотни совершенно необходимых фразеологических единиц, которые шаг за шагом, от одного произведения к другому обогатили его язык, укрепили национальную основу его сочинений.

В-третьих, стиль Садриддина Айни на протяжении его творчества не оставался прежним, пережил определенное обновление. Великий наставник до 1930-х годов редко обращался к устному народному творчеству, этому кладезю живого языка, фразеологическим единицам, которые являются его составной частью и наилучшим образом отражают национальный характер и природу нашего народа. Однако после 1930-х годов, взяв пример с Максима Горького, он стал больше обращаться к этой неиссякаемой сокровищнице словесности [41, 97-103].

В этой связи необходимо вспомнить и такие слова Р. Гаффорова: “Народные устойчивые выражения, пословицы и поговорки, сравнения, притчи и легенды в предыдущих его произведениях малочисленны, но начиная с романа “Рабы” он стал чаще обращаться ко всем жанрам

фольклора, и в этом отношении значительное влияние на него оказало творчество Максима Горького” [41].

Устное народное творчество оказало существенную помощь наравне с обеспечением реализма слова и повышения его выразительности и красоты для определения правильности или несоответствия некоторых речевых, фразеологических, грамматических и эстетических явлений при выборе простого, правильного и красивого языка Садриддином Айни.

Кандидатская диссертация исследователя М.М. Мирзоевой посвящена сравнительной типологии фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни и их переводу на русский язык, способам и средствам перевода. Масштабное исследование охватывает фразеологические единицы в произведениях “Воспоминания” и “Смерть ростовщика”. В отдельной главе данного исследования нашли свое толкование лексико-семантические особенности фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни [109, 22].

Интерес к творчеству мастера слова – устода Айни, проявляется и в докторской диссертации вышеуказанного автора. М.М. Мирзоева в своей докторской диссертации – «Лексическая и фразеологическая синонимия в художественных произведениях С. Айни» уделяет особое внимание вопросу изучения лексических, фразеологических, лексико-фразеологических синонимов, фразеологической семантике и её разновидности, классификации фразеологических синонимов, индивидуальному стилю писателя в их употреблении, синонимии лексических единиц с фразеологизмом, синонимии отфразеологических дериватов и фразеологических единиц в художественных произведениях С. Айни [111].

На основе материала произведений Садриддина Айни выполнен и труд М. Юсуповой под названием “Синонимия фразеологизмов”. Эта работа посвящена вопросу использования фразеологических синонимов в произведениях Садриддина Айни как составной части творческого

метода писателя, полностью соответствующей своеобразию его стилю, определению роли фразеологических синонимов в создании образа, типа или характера персонажа [208, 139-159].

Здесь следует упомянуть исследование Т. Чориева под названием «Язык и стиль публицистических произведений Садриддина Айни», которое посвящено определению и выявлению специфических особенностей фразеологии С.Айни, описанию стилистических особенностей фразеологизмов и их роли в повышении эффективности произведения. Автор анализируемого исследования отмечает, что мастерство Садриддина Айни как публициста в большей мере основано на употреблении фразеологизмов, что его роль в становлении таджикского художественно-публицистического стиля велика [187].

В исследовании Г. Зогаковой «Идиомы в современном таджикском литературном языке (на материале художественных произведений С. Айни)», посвященной вопросу идиом в таджикском современном литературном языке, наряду с теоретическими вопросами идиом, делается акцент на их образную основу, прямое и образное значение, смысл, содержание и семантические разряды идиоматичных выражений, а также на вопрос использования выразительных средств в идиомах [62; 63].

Устод Айни был не только могущественным писателем и поэтом, но и талантливым переводчиком. Ряд работ в таджикской филологии посвящены его переводческой деятельности, так как в современном периоде развития таджикской литературы прогресс сферы переводоведения тесно связан с именем Садриддина Айни. Литератор С. Табаров отмечает, что «мы не ошибемся, если назовём устода Айни одним из основоположников таджикской переводоведческой школы»² [152, 65]. В действительности, писатель, осуществив перевод произведения Фердинанда Дюшена – «Камар», обосновал

²Цит. Из книги Шукурова М. Забони мо ҳастии мост. – Душанбе: Маориф. 1991. – 231 с.

переводоведческую школу современного периода. Помимо этого он редактировал переведенные произведения других писателей и писал отзывы на них. Один из таких отзывов он написал на перевод книги «Математика» («Ҳисоб» в переводе Саидризо Ализода), который опубликовал 30-ого июня и 5-ого июля 1926 года в «Овози тоҷик» (Голос таджика). Писатель наряду с достижениями переводчика отмечает и недостатки его перевода: «Полагается, что в большинстве недочетов возникло под влиянием исходного языка книги. Товарищ Саидризо ... оказался под влиянием исходного текста» [199, 72]. Устод Айни в нашей республике является одним из первых личностей, который в своих отзывах отмечал необходимость «избежания переводчика от ига перевода». Писатель в конце 20-ых годов, в то время, когда вёл борьбу «за язык таджикского народа», обсуждал вопрос языка перевода с этой позиции [199, 72].

Литератор М. Шукуров в своей статье – «Тарчума ва услуби хоси нависанда» (Перевод и индивидуальный стиль писателя) по этому поводу (не оказаться под влиянием исходного текста) отмечал: «Перевод – это творческая деятельность. Никак нельзя, чтобы переводчик полностью оказался под воздействием оригинала и не отходил ни на шаг. Иногда переводчику приходится формально уйти от исходного текста для того, чтобы лучше передать его суть. Перевод – это не калькирование, и русский переводчик, как правило, создаёт русскую версию произведения иноязычного писателя. Тогда он должен свободно действовать на своё усмотрение и в соответствии с требованиями правил русского языка. Однако, свобода действий должно иметь грани, и нельзя злоупотреблять ею» [197, 118].

В этой же статье М. Шукуров оценивает перевод произведений С. Айни – «Фуломон» (Рабы) и «Ёддоштҳо» (Воспоминания). Переводчиком этих произведений является С. Бородин, и он «... добился успеха в передаче национального колорита произведений Айни, так как был тесно связан с эстетическими взглядами народа, с традициями фольклора

и персидско-таджикской литературы» [197, 117]. Для подтверждения своих слов литератор демонстрирует ряд верных удачных переводов, и выражает своё удовлетворение. Наряду с достижениями исследователь отмечает и недостатки перевода С. Бородина и приводит ряд примеров. «... он меньше уделил внимание особенностям индивидуального стиля Айни», – отмечает он [197, 117]. Переводчик заменил распространенные предложения писателя, которые точно описывают события, происшествия и образ героев и персонажей, их духовное состояние, короткими. Он смешивает имена героев, даже вносит дополнение, и как говорится, хотел улучшить язык писателя. Однако язык устода Айни не нуждается в дополнениях и улучшении, та как он могучий писатель и в совершенстве владел таджикским языком и литературой, чувствовал его тонкости и без причины не изменял место языковых единиц.

Устод Айни является выдающимся мастером слова и могучим писателем. В его произведениях фразеологические единицы использованы с особым чутём и талантом. Поэтому основная задача переводчика воспринять и донести все эти прелести до русского читателя, чтобы тот смог распознать реального, настоящего Айни, чтобы читатель одновременно чувствовал печаль и горе, радовался в счастливых моментах, испытывал наслаждение любви, мог бороться за свободную жизнь, которую описал писатель в своих произведениях. Одним словом, перевод должен восприниматься одновременно с исходным текстом.

Как мы видим, несмотря на наличие огромного количества работ, посвященных языку и стилю Садриддина Айни, анализ и оценка русского перевода романа «Фуломон» (Рабы) остаётся неизученной. Именно поэтому впервые на богатом фактическом материале вышеназванного произведения писателя нами сделана попытка исследования фразеологических единиц романа и их отражения в русской версии в форме отдельной монографии.

Цель и задачи диссертационного исследования. Так как Садриддин Айни в своем творчестве достаточно плодотворно и продуктивно

использовал фразеологические единицы, то **целью** данного исследования является их глубокий анализ на материале всемирно известного и уникального романа “Рабы” (“Фуломон”): на конкретном языковом материале показать своеобразие индивидуальных приёмов писателя в использовании фразеологизмов как богатого средства для создания ярких образов и картин.

В соответствии с целью определены основные **задачи** исследования, в том числе:

- оценка вклада Садриддина Айни в формирование и становление художественного стиля таджикского языка;
- определение уровня употребления фразеологических единиц в данном произведении;
- общая классификация фразеологических единиц;
- изучение фразеологических единиц с точки зрения их семантических свойств и сферы употребления;
- демонстрация стилистических возможностей фразеологических единиц на материале романа «Рабы»;
- оценка мастерства Садриддина Айни в выборе и использовании фразеологических единиц;
- обоснование мотивировки выбора Садриддином Айни фразеологических единиц, соответствующих идейному содержанию, языку и стилю художественного произведения;
- оценка русского перевода фразеологических единиц романа «Фуломон» (Рабы).

Объект исследования. Во всех художественных произведениях С.Айни уделяется внимание выбору и употреблению языковых единиц. Писатель всегда стремился своеобразно и уместно использовать выразительные средства языка, в частности фразеологических единиц. Настоящая работа охватывает материал романа «Фуломон» («Рабы») в оригинале и переводе Сергея Бородина.

Предмет исследования – рассмотрение фразеологических единиц в семантическом и стилистическом плане, характеристика их русского перевода.

Методологическая и теоретическая основы работы. Основными методами исследования при написании диссертационной работы являются описательный, лексико-стилистический, структурно-семантический, хронологический и компонентного анализа. Данные методы позволили диссертанту достичь поставленных перед ним задач. Местами использованы методы словарных толкований, этимологического и количественного анализов. Для наблюдения, описания, оценки и точной характеристики русского перевода фразеологических единиц использовались ряд толковых, двуязычных и фразеологических словарей (см. раздел «Литература»).

Общетеоретической основой работы послужили научные труды известных учёных-лингвистов Н. Маъсуми [1959], Х. Маджидова [1982; 2006; 2007], Б. Камолиддинова [1973; 1989; 2005; 2009; 2012], Л. С. Пейсикова [1975], Ю. А. Рубинчика [1981], М.М. Мирзоевой [2008; 2017], Н. Гадоева [2019] и других.

Научная новизна исследования, прежде всего, заключается в том, что здесь впервые подробно изучено и проанализировано использование фразеологизмов Садриддином Айни в художественной речи (на примере известного романа “Рабы”), выявлено индивидуальный стиль писателя в уместном употреблении устойчивых единиц и местами сопоставлено с русской версией произведения.

Теоретическая ценность исследования. Значение диссертации состоит в том, что она вносит ясность в нераскрытые стороны таджикской фразеологии, в то же время, может стать путеводителем для будущих специалистов в данной области и, конечно же, научно-теоретическим источником. Материалы исследования могут быть использованы при составлении специальных фразеологических словарей

языка Садриддина Айни, и при составлении общих словарей таджикской фразеологии.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут иметь существенное значение при написании учебников, учебных программ по таджикскому языку, при проведении лексических и практических занятий по таджикской фразеологии, теории и практики перевода, художественному переводу, а также в процессе чтения спецкурсов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследованы тонкие смысловые оттенки фразеологизмов творчества С. Айни, так как писатель уделял особое внимание тонким смысловым оттенкам и стилистическим окраскам фразеологических единиц. Он не допускал, чтобы отдельные слова и выражения повторялись в определенном контексте художественного произведения. Именно поэтому в исследуемом произведении наблюдается все семантические виды фразеологизмов: идиомы, фраземы и фразеологизмы неидиоматичного характера. В плане выразительности идиомы превосходят других семантических типов.

2. Выявлено, что фразеологические единицы не ограничиваются выражением одного цельного значения, они, как и лексические единицы, способны выражать систему различных значений и в силу этого в контексте могут быть полисемантическими, проявлять синонимичные, антонимичные, омонимичные отношения, иметь определенное количество вариантов. Все перечисленные семантические явления служат для разнообразия речи, прояснения цели писателя, точного выражения цели, естественного описания образов персонажей, предметов и объектов, описываемых в произведении.

3. Доказано мастерство и умение С. Айни в использовании фразеологических единиц. Он использует их отдельно или нанизывает в одном контексте, преследуя при этом определенную цель. Зачастую писатель не употребляет одну и ту же единицу, использованную в одном

произведении в другом, т.е. для выражения своих целей он часто обращается к фразеологическим вариантам и синонимам. И в случае отсутствия точной фразеологической единицы он создаёт соответствующий вариант на основе существующей единицы.

4. Доказано, что стиль Айни характеризуется разнообразием при использовании ФЕ, употребляя их в отдельности в различных контекстах и в сочетании с лексическими синонимами. Писатель вносит изменения в состав ФЕ, с тем самым развивая основное значение единицы. В процессе исследования выявляется индивидуальный стиль писателя в употреблении фразеологизмов в романе «Фуломон» («Рабы»).

5. Выявлено огромное количество ФЕ с различной стилистической окраской. В романе «Фуломон» («Рабы») С. Айни употребил фразеологические вульгаризмы, эвфемизмы, общеупотребительные, разговорные и книжные фразеологизмы. Писатель, как сторонник экологии литературного языка, больше всего предпочитает употребить литературно-книжные фразеологизмы. Разговорные ФЕ или фразеологические вульгаризмы он употребляет в речи персонажей и строго следит за уместным их использованием.

6. Прослежено тонкость и чуткость писателя в употреблении ФЕ романа «Рабы», которое можно наглядно изучить различными способами. Один из подобных путей является анализ фразеологизмов и сравнение с их русской версией.

Апробация результатов исследования. Апробация результатов исследования. По теме диссертации в газетах и научных журналах опубликованы научные статьи, издана программа для студентов и преподавателей таджикского языка и литературы. На областных (1997, 1999), республиканских (1996, 2000) и международных (2005) научно-практических конференциях прочитаны доклады.

Тема работы утверждена на кафедре современного таджикского языка (№ 11 от 06.06.2023 г.).

Основное содержание диссертации отражены в 1 монографии и 3

научных статьях, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК РФ, перечень которых прилагается в конце автореферата. Отдельные положения диссертации апробированы при чтении лекций по курсу «Теория фразеологии таджикского языка», «Современный таджикский язык», «Практический курс по лексике и фразеологии таджикского языка», «Стилистика и культура речи».

Диссертационная работа была обсуждена на расширенном заседании кафедры современного таджикского языка ТНУ (протокол №4, от 12 декабря 2023 года) и рекомендована к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы в объеме 163 страниц компьютерного набора. При выполнении исследования было использовано 226 научных источников и источников языкового материала.

ГЛАВА I. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ «РАБЫ»

Вводные замечания. Фразеологические единицы составляют довольно выразительную и вместе с тем сложную часть языка. Некоторые фразеологические единицы образуются в языке на протяжении длительного времени, и этот процесс может продолжаться столетиями.

Фразеологические единицы занимают в языке немаловажное место, они являются наиболее наглядной, выразительной, первостепенной категорией и вместе с тем наиболее спорной. Таджикский языковед Х. Маджидов так говорил об их значении: “Фразеологические единицы или фразеологизмы являются одним из важных элементов языка. Они, подобно приправе, в течение долгих веков используются в форме готовых трафаретов с заранее известным смыслом в целях придания языку выразительности и неповторимости” [98, 4].

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью языка, без них его существование становится ограниченным, обособленным и даже невозможным. Вместе с тем они как нельзя лучше выражают опыт, мышление и мировоззрение народа.

Что касается классификации, распространенности и своеобразия фразеологических единиц, то в этом направлении неоднократно проводились отдельные исследования. Однако они не могут охватить все существующие в области фразеологии проблемы. К тому же в классификации фразеологических единиц по сей день много неясного, и вопросы исследования фразеологических единиц и их принадлежности к той или иной группе до настоящего времени находятся в центре внимания ученых-лингвистов. Классификация фразеологических единиц является весьма многоаспектным процессом и считается одним из сложнейших направлений в науке. Фразеологические единицы могут быть классифицированы и сгруппированы по семантическим,

стилистическим особенностям, по образованию, семасиологическим связям и тому подобным признакам. В диссертации на основе изучения научной литературы и анализа произведений Садриддина Айни приводится их семантико-стилистическая классификация, и на этой основе излагаются выводы об образовании фразеологических единиц. На основе сделанных выводов выявляются и определяются стилистические функции фразеологических единиц и особенности их творческого использования в художественных произведениях.

При исследовании таджикского литературного языка XX века художественные произведения знаменитого писателя и ученого Садриддина Айни признаются ценнейшим источником и богатейшей сокровищницей. Наиболее сильной стороной Садриддина Айни как писателя является анализ реальной жизни и своего жизненного опыта. Именно в этой функции наиболее продуктивно используются писателем фразеологические единицы, которые усиливают мощь изображения реальных событий в его произведениях. Таким образом, вне всякого сомнения, можно сказать, что фразеологические единицы отражают основные аспекты реальной жизни. С этой точки зрения их изучение при исследовании языка является весьма важным фактором.

Особенности фразеологических единиц таджикского литературного языка на сегодняшний день рассмотрены на должном уровне. Более того, классификация и изучение фразеологических единиц в языкознании бывшего Союза являлись наиболее разработанным направлением, связанным, прежде всего, с именами таких ученых-лингвистов, как В. Виноградов, А. Молотков, Б. Ларин, И. Чернышева, Н. Амосова, С. Ожегов, Ю. Рубинчик, Я. Ройзензон, В. Телия. А в таджикском языкознании исследования в области классификации и определения особенностей фразеологических единиц проводили ученые Р. Гаффоров, Х. Маджидов, С. Хусенова, М. Фозилов, Т. Максудов и др.

В узбекском языкознании вопросам фразеологии посвящены многочисленные исследования, авторами которых являются Н.Рахимов,

О.Тогаев, Р.Кунгиров, Э.Бегматов, М.Кушжанов, Ш.Рахматуллаев, Б.Уринбоев, Б.Йулдошев, Р.Расулов, Х.Бердиёров и другие. Следует особо подчеркнуть и то, что произведения Садриддина Айни во времена грандиозных преобразований сыграли большую историческую роль в духовном воспитании двух близких народов — таджиков и узбеков. Его произведения наилучшим образом познакомили эти два народа с его историей, стали путеводителем для приобретения знаний и просвещения. Обычное использование узбекских слов с их таджикскими синонимами, свидетельствует о том, что Садриддин Айни в совершенстве знал и таджикский и узбекский языки, и конечно, мастерски использовал словарные единицы в своих произведениях. То, что роман “Рабы” (“Фуломон”) сначала был написан и издан под названием “Қулбобо” (“Старый раб”) на узбекском языке, выступает неотразимым доказательством данной версии.

В вопросах классификации и изучения фразеологических единиц таджикского языка особого внимания заслуживают усилия исследователя Х. Маджидова. Фразеологические единицы, как и другие элементы языка, классифицируются семантически и по образованию. В этом разделе фразеологические единицы будут классифицированы и рассмотрены, исходя из их семантических особенностей.

Согласно классификации Х. Маджидова, по своим семантическим особенностям фразеологические единицы делятся на идиомы, фраземы и фразеологизмы неидиоматического характера [98, 29-36].

Произведения выдающегося писателя Садриддина Айни, которые отражают состояние таджикского литературного языка, считаются богатейшим литературным источником в части употребления фразеологических единиц в современном таджикском языке. В художественных произведениях писателя фразеологические единицы занимают особое место, являясь изобразительными средствами, в совершенстве передающими смысл и содержание произведения и во многом определяющими их построение.

Фразеологические единицы являются важнейшими элементами языка, благодаря которым оригинальность и богатство живого народного языка становится нормой литературного языка. Так, языковед Р. Абдуллазаде в своей монографии “Народные выражения” пишет: “Фразеологические выражения составляют большую долю в словарной сокровищнице каждого диалекта, они как готовые единицы, имеющие целостный смысл и обладающие особыми преимуществами благодаря своему строению, весьма широко и ярко используются в диалектной речи” [225, 5].

С уверенностью можно сделать вывод о том, что фразеологические единицы как ядро живого народного языка способствуют обогащению литературного языка. Не существует ни одного произведения, в котором бы не использовались перлы этой ценнейшей сокровищницы. Учитывая приведенные выше выводы, произведения Садриддина Айни выступают несомненным доказательством этого.

Своим творчеством Садриддин Айни доказал, что он всегда был с народом, служил ему, трудился на его благо, создавая свои произведения. Большинство фразеологических единиц, содержащихся в произведениях Садриддина Айни, которые и сегодня необходимы в повседневной жизни людей, используются другими писателями и не утратили своей выразительности. Как уже указывалось, фразеологические единицы, используемые в творческом наследии Садриддина Айни и являющиеся объектом нашего исследования, делятся на три группы, самую большую среди которых составляют идиоматические фразеологические единицы. В произведениях Садриддина Айни преобладают фразеологические единицы первой группы – идиомы (идиоматические фразеологические единицы).

1.1. Идиомы

В отношении идиом очень показательным является мнение таджикского ученого-лингвиста Х. Маджидова. По семантической выраженности идиомы (греч. *idioma* – “своеобразное выражение”, “особое

предложение”) или идиоматические выражения составляют такие особые и своеобразные фразеологические единицы нашего языка, которые выразительно передают целостный смысл, неделимы по своей конструкции и стоят близко к словам” [98, 29]. В целом, к группе идиом относятся фразеологические обороты, фразеологизмы и фразеологизмы-предложения, которые передают целостный смысл и содержание и в основном имеют в своем составе неотделимые друг от друга части. Они придают тексту особую сочность, яркость, выразительность, эффективность, своеобразные оттенки.

Идиомы, которые «по своей семантике ... являются такими особыми фразеологическими единицами языка, которые со своим своеобразным, цельнооформленным содержанием и своей нерасчленимостью близки к словам» [98, 29], должны быть заменены аналогичными им единицами. Одна из ярко выраженных особенностей идиом это – их непереводаемость на другие языки. Идиомы подобно другим единицам языка являются его готовым материалом, выражающим в слитной форме одно целое понятие. К примеру, *ҳар чи бодо бод – будь что будет – риск, гӯш ба қимор – догадливый, арақи чабин рехтан – сильно трудится, нӯстаки касеро афшондан – наказать, ругать кого-то, чаими касе кушода шуд – осведомиться, майнаро об кардан – думать (мозгами)* и т.п. относятся к данной группе единиц.

Исследователь А. Лилова по поводу перевода идиом пишет: «Идиомы – душа языка, и их необходимо в неприкосновенности донести до поэта - переводчика. Пусть три четверти этого богатства пропадет зря – умение его использовать целиком зависит от таланта поэта, но утаивать хоть одну из таких жемчужин автор подстрочника не имеет право» [87, 164].

В действительности, для передачи идиом в переводном тексте необходимо выбрать готовый продукт второго – переводного языка, который соответствует по выражаемой семантике, так как они в силу своей слитности, отдельнооформленности, устойчивости не подлежат

буквальному переводу. Или же передать идиому исходного языка строго лексическим способом, поскольку в плане выражения цельного значения они близки к словам.

Автор «Очерков по фразеологии осетинского языка» М. И. Исаев, отмечая основные признаки фразеологизмов, отмечает: «Характерной чертой для огромного большинства фразеологизмов (например, идиом) является также трудность или невозможность перевода с одного языка на другой. Буквальный перевод, если он и допустим, не даёт представления о настоящем значении фразеологизма. ... буквальное значение расходится с настоящим смыслом словосочетаний» [70, 3-4].

Следует подчеркнуть и то, что идиомы выражают аллегорический смысл, то есть составляющие их компоненты весьма своеобразны, и эта особенность отличает их от фразем и фразеологизмов неидиоматического характера. Аллегорический смысл составных частей фразем выражен слабо, и во фразеологизмах неидиоматического характера эта особенность отсутствует. Великий наставник Садриддин Айни, будучи совершенным знатоком родного языка, приложил все усилия к тому, чтобы максимально оправданно использовать исконные элементы таджикского языка, оберегая и сохраняя их. И по этой причине в своих художественных произведениях он использовал исконные элементы народного языка как оригинальные составляющие своего литературного языка, совершенствуя его во времени.

Так, следует указать и на то, что великий учитель Садриддин Айни, часто используя идиомы в своих произведениях, дышал этой атмосферой, благодаря этому выразительно изображал мировоззрение, чаяния, нравственный и духовный мир героев своих произведений. Например, фразеологизмы в качестве идиом используются в тексте очень органично: “Ҳамаи шумоён дузд, хамаатон **забонҳоятонро як кардаед**, — гуфт Мулло Наврӯз аз чояш хеста” [2.1, 177]. — “Все вы воры! Вы тут сговорились! — встал с места Мулла Науруз” [2.2, 136].

В этом случае выражение “забон як кардан” выступает как фразеологическая единица и является ярко выраженной идиомой, ибо слово “забон” (язык) аллегорически передает значение ‘мнение, точка зрения, убеждение’, а компонент “як кардан” (объединить) имеет смысл ‘советовать, обобщать’. Или же в другом случае: фразеологическое выражение “кулчаҳои ширмол сӯхтан” (сгорели молочные лепешки) было использовано весьма кстати и понимается как неудачное начало работы, неудачное продолжение дел и иллюстрирует недостижение человеком поставленной цели. Например: “Қаландар аспи аз димоғаш хун чакида истодаашро даст гирифта омада, ин ҳолро дида, лаъличаи дар зери по пачакшуда афтодаашро гирифта бар хӯрчинаш андохт ва сӯтаашро ба даст гирифта, ба аспаш савор шуда: — Дар ин миён кулчаҳои ширмоли ман сӯхт, — гӯён ин ҳам гурехт” [1. 1. 187]. — “...дервиш стоял, держа пойманную лошадь, у которой из рассеченной морды капала кровь. — Зря пропали мои молочные лепешки, — с досадой проговорил дервиш. Вскочив в седло, он ускакал от места...” [2.1, 178; 2.2, 137].

Слово “кулча” (лепешка) вообще не имеет отношения к событию, о котором идет речь в тексте, оно означает ‘мечта, замысел, цель’, а слово “сӯхтан” (гореть) выражает недостижение цели, то есть полную неудачу. И поэтому фразеологизм-предложение “кулчаҳои ширмол сӯхтан” (сгорели молочные лепешки) является идиоматическим фразеологизмом. На наш взгляд, данная ФЕ является вариантом фразеологизма **меҳнати касе сӯхт** (сгорел мой труд // пропал труд), который соответствует значению «недостижение цели». Писатель в зависимости от ситуации речи со стилистической целью создал вариант фразеологизма.

Мастерство Садриддина Айни состоит в том, что он смог правильно подобрать и использовать истинно народные шедевры и, что также показательно, использованные им фразеологические выражения весьма редко встречаются в языке.

Более того, великий мастер слова Садриддин Айни во многих случаях смог избежать повторного использования тех или иных фразеологических выражений. Для каждого мгновения изображаемого явления или события он находит одно-единственное средство языка и неповторимую фразеологическую единицу.

Психологическую проблему потери надежды, отсутствия умения сделать правильный выбор писатель выражает фразеологизмом “**даст хушк мондан**” (остаться с пустыми руками). Например: “Барои ин ки, — гуфт имом, — вақте ки каси дигаре омада ичораи ин вақфро зиёд карда мегирад ва Орифи рангубор аз миёна мебарад, он **дасти хушк монад**, харочоти ба қозихона васика кардааш **ширинкомаи** ба мадраса додааш **насӯзад** ва чанд рӯзе, ки дар пайи ин кор сарф кардааст, муфт наравад” [2.1, 181]. — “Потому что, если придет кто-нибудь другой и даст за аренду дороже, Ариф выпадает из дела. Чтобы он не остался с пустыми руками, этой тысячью мы возмещаем ему расходы по составлению договора у судьи и затраты, сделанные им в медресе при заключении сделок” [2.2, 139].

Приведенные выше выражения “**даст хушк мондан**” (остаться с пустыми руками) и “**ширинкома сӯхтан**” (сгорели затраты, сделанные при составлении договора) являются идиоматическими фразеологизмами, которые использованы в значении негативной оценки происходящего (глагол) и означают ‘остаться ни с чем, ничего не достигнуть, потерять надежду, попасть в безвыходное положение’, и можно сказать, что они взаимно дополняют друг друга в определенной последовательности:

Кулчаҳои ширмол сӯхтан;

Дасти хушк мондан;

Ширинкома сӯхтан.

Ширинкома сӯхтан также является вариантом ФЕ **меҳнати касе сӯхт**.

Языковед Ю. Рубинчик разделил фразеологические единицы по смысловым особенностям на три группы: немотивированные — идиомы; частично мотивированные — фраземы; мотивированные — фразеологические единицы неидиоматического характера [135, 30-31].

Так, анализ и изучение показывает, что фразеологические единицы, которые встречаются в произведениях Садриддина Айни с точки зрения содержания, практически полностью соответствует этим трем вышеназванным группам.

Ю. Рубинчик, имея в виду идиомы — фразеологические единицы с немотивированным значением, отмечает, что под немотивированным значением понимается такое, при котором целостное значение фразеологической единицы не вытекает из суммы значений составляющих ее компонентов и не создается в результате частичного изменения или ослабления этих значений, а образуется как бы заново [135, 30].

Идиомы являются одним из важнейших средств языка литературно-художественных произведений, они упорядочивают и уточняют смысл и содержание художественного описания. И поэтому использование их в произведениях Садриддина Айни занимает особое и достойное внимания положение. Писатель тщательно отбирал эти единицы и использовал их с учетом ситуации. Например: “Чим шин, сахройй, — гуфта мударрис он муллабчаро дам кард ва мутаваллй давом намуд: — **Хатто думчаҳои** вақфкорони масҷид ва мадрасаҳои дигар ҳам **об мегирад**, ки дар он сурат як душвории калон барои ҳамаи авқоф рӯй медиҳад” [2.1, 186]. — “Сиди тихо, степняк! — одернул его мударрис. Настоятель говорил: — С этих крестьян могут взять пример и другие. И получается беда для вакуфных земель” [2.2, 142].

По замыслу писателя, значение фразеологической единицы “**думи касе об гирад**” (попала водичка на хвост человечка) таково: стать самоуверенным, обнаглеть. Значение и смысл вышеназванной фразеологической единицы (“думи касе об гирифтан”) и фразеологизма-

предложения “ҳаво гирифтан” (возвышаться) состоят во взаимодополняемости. Данная фразеологическая единица используется в тексте или в речи с целью выражения отрицательного отношения говорящего к кому-либо. То есть в вышеприведенном примере говорящий отрицательно относиться к держателям вакуфов – междида и медресе и поэтому считает напрасным делом прикладывать усилия для их пользы. Садриддин Айни посредством использования таких фразеологических единиц заранее определяет отношение говорящего к таким людям, то есть более конкретно указывает на отдельные личности. И такой выразительный язык придает тексту цельность и эффективность.

Фразеологизм “думи касе об гирифтан” в другом случае используется в другом значении: “Ҳозир ҳар бало аз кори одамони фақир ба бечора баромада истодааст. Аз бозе, ки дар Русия ва Туркистон ҳукумат ба дасти большевикон афтадааст, думчаи фақир ба бечорагон об гирифтааст” [2.1, 296]. – “Теперь все безобразия творятся такими вот бедными, смиренными. Как только в России и в Туркестане власть взяли рабочие, такие вот бедные и смиренные подняли голову” [2.2, 210].

Другой фразеологизм идиоматического характера, который широко распространен в таджикском языке — “димоғи касе сӯхт”, означает ‘обидеться’ и по смыслу близок отфразеологическому деривату “дилхунук шудан”. Садриддин Айни использует его в качестве приложения: “Марҳамат кунед, фикратонро гӯед, — гуфт мударрис ба мутаваллӣ, ки аз сухани муллои серҳучра **димоғаш сӯхта, пешонаашро турш карда** нишаста буд” [2.1, 185].

Из текста известно, что настоятель — мутавалли приходит в уныние от слов муллы, владеющего множеством келий. Здесь выражение “пешонаро турш кардан” используется в качестве фразеологической единицы, и слово “турш” в ее составе означает сжатие, подпрыгивание или оттяжка нервных струн, которые появляются в состоянии нервозности.

Фразеологическое выражение, использованное в предложении, действительно придает ему законченность и выразительность, а описание события становится более естественным и эффективным.

Фразеологическое выражение **“имрӯзро ёфта, фардору наёфтан”** является фразеологизмом идиоматического характера и используется в значении ‘едва сводить концы с концами, т.е. быть бедными’. Устод Айни использовал его в тексте для точного описания тяжелой жизни бедных: “Подшохро доноҳои урус бекор накардаанд, гуфт Ҷрмон-полвон ва ба эзоҳ даромад: — Ба сабаби он чанги дурудароз мамлакат хароб шуда, мардум ба гуруснагӣ афтоданд. Аз ин гуруснагӣ пойбараҳнагоне, ки **имрӯзро ёбанд, фардору намеёбанд**, бештар зарар диданд. Ба ҳамин тариқа коргарони фабрика ва заводҳо, солдатҳои бачонрасида ва дигар пойбараҳнагон ба муқобили подшоҳ хестанд” [2.1, 196]. — “Падишаха свергли не “умные” русские, — сказал Урман-палван. — Вследствие долгой войны страна разрушалась, люди начали голодать. Особенно пострадали оборванцы, которые день находят, что кушать, другой день нет. Вот эти оборванцы, а также рабочие фабрик и заводов, солдаты, которым надоело воевать, они восстали против царя” [2.2, 149].

Выше приведенный фразеологизм переведен буквальным способом, когда существует, на наш взгляд, более соответствующее выражение: едва сводить концы с концами. В этом случае исходная единица более эффективно описывает положение бедняков, однако в переводе наблюдается нейтральный оттенок.

В другом случае писатель использует фразеологизм **“устухон сахт шудан”**, который означает ‘достижение зрелости, расставание с юностью, достижение какого-либо уровня или положения’. Например: “Маслихати амин дуруст аст, - гуфт Нор-қаровулбеги, — агар ба ягон кас “ту одами ганда” гуфта чакидан гиред, ночор ба кӯчаи бадӣ афтода меравад. Чунончи, ба миршаби тумани Вағонзе Мирзо Усмон аз чор тараф “ту чадид” гуфта чакидан гирифтанд. Охир, ки ба чонош расид, миршаби ро партофта рафта ба чадиӣ ҳамроҳ шуд. Вағарна касе, ки устухонаш аз

нону намаки чаноби олі сахт шудаст, магар ба чаноби олі тег мекашад?” [2.1, 206]. — “Амин верно говорит, — сказал Нормурад-караулбеги, — зря нельзя приставать к людям. Так и хороших людей можно сбить с толку. Начали, например, все упрекать начальника полиции в тумане Варданзе, Мирзу Усмана, в том, что он джадид. В конце концов, это его задело и так надоело, что он бросил полицию и присоединился к джадидам. Вот до чего довели даже начальника полиции, у которого кости затвердели на эмирских хлебах” [2.2, 155].

Фразеологическое выражение “устухон сахт шудан” (кости затвердели) имеет и значение ‘набираться сил, расти, часто заниматься определенной работой’. На примере этого идиоматического выражения можно продемонстрировать целостность значения фразеологизмов, которые чаще всего используются в разговорной речи. “Идиомы, как и все фразеологические единицы, выражают целостное значение. Два или более слова в составе идиоматического выражения передают целостный и не распадающийся на части смысл” (1. 98, 30). Этот вывод вытекает из анализа фразеологических выражений, приведенных выше. Итак, “устухон аз нону намаки касе сахт шудан” выражает два полярных значения, то есть “устухон” и “сахт шудан” являются двумя полярными понятиями целостного фразеологизма, которые не могут существовать друг без друга. В случае отсутствия одного из них целостность их значения была бы утрачена. В идиоматическом выражении важна приоритетность целостности смысла и значения. Кстати, во фразеологическом выражении “дили касеро бардоштан” эта особенность проявляется еще ярче. “Ман бисту ҳаштсола шудам, — гуфт Сафар-Ғулом, бо вучуди ин ки касе аз вай солашро напурсида буд, — лекин агар ба ҳолаш монам, сафедии ришам аз сиёҳаш зиёдтар мешуд. Аммо барои бардоштани дили келинатон ҳар пагоҳ торҳои сафедшудаи ришамро канда мегирам” [2.1, 232]. — “Мне двадцать восемь, — сказал Сафаргулям, хотя никто не спрашивал его о возрасте. — Но если б я дал бороде расти, как она хочет, в ней было бы седых волос больше, чем черных.

Чтоб не огорчать вашу невестку, я каждое утро выщипываю из бороды все седые волосы” [2.2, 170]. Выражение “дили касеро бардоштан” употребляется и в форме отфразеологической лексемы “дилбардорй кардан”. Оно означает ‘радовать душу человека, не дать ему упасть духом или расстроиться, то есть порадовать, утешить’.

Следует отметить, что большинство фразеологических выражений передает душевное состояние человека. В произведении Садриддина Айни такие случаи использования фразеологических единиц широко распространены. Кстати, выражение “дили шикаста” означает ‘опечаленное, грустное сердце’. Например: “Ба завқ худатон хӯрдан гиред, — гуфт Шокир дар чавоб бо оҳанги дилгирона. — Шокир ака, — гуфт Қулмурад бо як оҳанги узрхоҳона, — “аз хурдон гуноҳ кардан, аз калонон бахшидан” гуфтаанд. Агар аз мо беодобие гузашта бошад, бубахшед. Дили моро, ки дар асл шикастагӣ аст, боз ҳам шикастатар накунад. Марҳамат карда ба оши камбағалонаи мо илтифот кунед” [2.1, 239]. — “Шакир отмахнулся с расстроенным видом: — Ешьте сами. — Шакир-ака! — “Если младшие ошибаются, старшие их прощают”, как говорится. Уж вы не омрачайте наши сердца, они и так мрачны. Отведайте нашего бедняцкого угощения” [2.2, 174].

В приведенном фрагменте писатель благодаря фразеологическому выражению построил совершенную фразу, которая наилучшим образом определяет душевное состояние и переживания человека. Выражение “дили шикаста” используется и в глагольной форме “дил шикастан” и всегда свидетельствует об упадке духа. Например: “Мо дар вақте ки ҳезумкашӣ мекардем, ҳафт нафар будем. Дар вақти дастгир шуданамон яке аз мо гурехта, шумораи моро ба шаш фаро оварда **диламонро шикаста** рафта буд. Ҳар чи дар вақти мурданамон ту омада шумораи моро боз ба ҳафт расонида, моро хурсанд кардӣ. Боз мо ҳафт тан шудем” [2.1, 314]. — “Когда мы собирали топливо, нас было семеро. Когда нас схватили, один убежал, уменьшив наше число и опечалив наши сердца. И вот, в минуту смерти, снова нас семеро” [2.2, 221].

Сравнив исходный текст с переводным, обнаруживаем, что ФЕ переведена удачно, однако неудачно выбрано слово «топливо», вернее бы использовать лексему «дрова». К сожалению, упущено также выражение «моро хурсанд кардӣ», которое наглядно демонстрирует радость заключенных. В переводном тексте оттенок радости не чувствуется. В таких случаях намерение писателя полностью не доходит до русского читателя.

Подобное встречается и в другом месте: “Ў дар пиронсолӣ аз сари нав чавон гардида, сар то пояш мучассамаи ҳайрат шуда, барои то охир ниқоргири аз душмани синфӣ миён бастааст. Дили ин гуна одамро шикастан мумкин нест” [2.1, 395]. — “Старик, нашедший новые силы и молодость в классовой борьбе, будет мстить классовым врагам до конца. Не нужно его огорчать” [2.2, 269].

По нашему мнению, выражение «классовая борьба» вернее бы заменить оборотом «в пожилом возрасте», так как оно отсутствует в исходном тексте. Вероятно, переводчик использовал его из общего контекста, а не самого предложения. Следовало бы и вместо глагола «будет» использовать «взялся», который соответствует исходной единице «миён бастан».

Как видим, фразеологические единицы в большинстве случаев используются в речи персонажей. Писатель через язык говорящего точно и ясно указывает, кем он является на самом деле, и посредством фразеологических единиц наилучшим образом передает его идеалы и стремления, мышление и взгляды, демонстрирует богатство речи героев. Благодаря использованию фразеологических единиц можно наглядно представить личность героя произведения. В связи с этим видный ученый-лингвист Н. Маъсуми в одном из своих трудов пишет: “Когда мы говорим о народности языка писателя и его произведений, кроме словарного богатства, мы имеем в виду, каким образом и по каким меркам он пользуется фразеологическим богатством народного языка, потому что само по себе это богатство представляет собой средство

передачи оригинальности живого народного языка, облик народа, к которому принадлежит писатель” [103, 144].

Нет секрета в том, что язык Садриддина Айни является наиболее отточенным и совершенным. Так, писатель глубоко изучил важнейшие особенности таджикских диалектов, народные пословицы, поговорки и фразеологические выражения. И это сразу бросается в глаза в приведенных примерах. А теперь обратимся к некоторым примерам, свидетельствующим о том, как Садриддин Айни посредством фразеологических единиц показал психологическое состояние героя и его отношение к другим персонажам. Так, писатель благодаря фразеологизму **“бурути касеро табар набуридан”** определяет через язык другого персонажа изменение состояния человека за определенное время. **“Замона ҳар касро нарм мекунад, — гуфт Қулмурод, — дар замони амир бурути инро табар намебурид. Пас аз инқилоб хеле нарм шуда мондааст. Имрӯз бояд комиссияи аз Бухоро омадаро шунида бошад, ки дами дирӯзааш ҳам намондааст”** [2.1, 337]. — **“Это наше время его размягчило. При эмире ему уста и топором нельзя было разрубить. Верно, узнал, что комиссия из Бухары приехала, вот и поджал хвост”** [2.2, 236].

В тексте писатель дает характеристику Урман-палвану, который до революции был очень высокомерным, а после революции притих, и другой персонаж, Кулмурад, характеризует его через фразеологическое выражение **“бурути касеро табар набуридан”**, а остаток его прежнего высокомерия и чванства передает с помощью выражений **“дами дурӯзааш намондааст”** и **“нарм шуда мондааст”**.

В отдельных случаях герои произведения, чтобы разъяснить свои взгляды и определить свою позицию по отношению к собеседнику, используют только идиоматические фразеологические единицы. Например: **“Агар раиси комиссия, — гуфт Шокир, — одами дуруст мебуд, бе пурсиш ва бе тафтиш ба сухани Ҷрмон-полвон даромада магар хамин қадар мезад? Об аз сар лой, — гуфт Ғоиб. Ту “сари об гуфта марказро мехохӣ, — гуфт Сафар-Ғулом, — лекин инро бояд бидонӣ, ки**

бадқирдорӣ, ё ин нофаҳмии раиси комиссия ба ҳукуматҳо чӣ дахл дорад?» [2.1, 339-340]. — “Если б председатель комиссии был нашим человеком, он не решал бы нашего дела с чужих слов, а сперва сам расспросил бы нас. — Река мутится в своих истоках! — сказал Гаиб. — Под истоками ты подразумеваешь Бухару? — спросил Сафар-гулям. — А я думаю, недомыслие и грубость председателя еще не говорят об отношении властей. Власти еще не знают всех людей, через которых проводят свою работу” [2.2, 237].

В приведенном тексте пословица “об аз сар лой” (река мутится в своих истоках // рыба гниёт с головы), которая стоит в центре беседы персонажей, выполняет синтаксическую функцию дополнения и этим приравнивается фразеологизму. В этом случае наиболее ярко проявляется одна привлекательная особенность фразеологических единиц — краткость изложения, и суждение говорящего точно попадает в цель.

Относительно универсальных особенностей фразеологических единиц таджикский ученый-языковед Х. Маджидов говорит так: “По форме идиоматического выражения можно судить о высшей степени фразеологической абстракции и о процессе фразеологизации. Эта своеобразная фразеологическая абстракция в результате постепенно способствует становлению образности идиоматического выражения. Образность таджикских идиоматических выражений набирает темпы на аллегорической основе” [98, 31]. Действительно, образность идиоматического выражения формируется посредством аллегории, и об этом мы можем судить по фразеологическим выражениям «нури чашм» (21) «як даҳан нон» (33), луччаку пӯстканда (37), «дил додан» (72), «хушк барнагаштан» (81), «тир аз камон част», «мурғ аз дом раст» (95), «аз даҳони касе бӯйи шир омадан» (99), «ҳар чӣ бодо бод» (100), «кути лоямут» (150), «бо шушҳои пухта» (174), «хун хӯрдан» (235), «хун гиристан» (255), «ба ҷонашон мерасад» (282), «қолаб тихӣ кардан» (322), «рӯбоҳи пир» (337), «корро пазондан» (339), «ба рӯи касе давидан» (340),

«таги дил» (357), «чашми касе кушода шуд» (374), «дил шикастан» (395), «гулӯи касеро равған кардан» (448), «мурғи дил мурдан» (506), «як курта пештар дарондан» (539), «ба хаёлот фарқ шудан» (579).

Являясь мастером слова и знатоком тонкостей языка, устод Айни развивает основное значение фразеологизма, и при этом создаёт новые лексические варианты. К примеру, фразеологическая единица **ба сари касе об рехтан** обозначает уничтожать, ликвидировать кого-либо, но писатель заменяет выражение *об рехтан* сочетанием *оташи даргирондан*, усиливая основное значение устойчивой единицы:

... **ба сари бойхо ва кулакҳо об рехта бошад**, ба сари боқимондаҳои онҳо оташ хоҳанд даргиронд... (2.1, 609) //на головы богачей и кулаков польют водой, на головы остальных зажгут огонь (букв.) // ... если богачей и кулаков уничтожит, то их остатков ликвидирует и вовсе.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в следующем примере:

Пашшаро фил, хаббаро кубба карда нишон дода хонаамонро месӯзонад (2.1, 156) // Он показывает муху как слона, пилюлю как купол и сжигает наш дом (букв.) // Сделает из мухи слона и уничтожит нас.

Данное предложение отличается от других тем, что построено только из фразеологизмов, которые обеспечивают экспрессивность текста и естественно, привлекают внимание читателей.

Писатель в своих произведениях придерживается традицией наших классиков, которые зачастую предпочитали рифмованную прозу. К примеру, использование созвучных слов **ош** и **мош** в составе фразеологизма:

... балки ту як дузди номарде хастӣ, ки рӯзона дар пеши чашми хама кас, бе он ки ба касе фаҳмонӣ, ҳам **аз ош**, ҳам **аз мош**, ҳам **аз пуд**, **хам аз тор медуздӣ**... (2.1, 97) // ...а ты вор, который ежедневно ворует у всех на глазах, никому не объясняя, и из еды, и из моша, и из нитки, и из утока (букв.) // ...а ты вор, который днем у всех на глазах, никому не объясняя, ворует из еды, из моша, из основы и из утока.

В употреблении фразеологизмов устод Айни проявляет особое мастерство. Писатель использует редкие варианты ФЕ. К примеру, в таджикском языке понятие «быть в удивлении, удивляться» выражаются посредством устойчивых оборотов **дар хайрат мондан (афтидан), ангушти хайрат ба дандон газидан, дар хайрат будан**. В романе «Рабы» писатель для выражения данного понятия употребил ФЕ **дар шаш дари хайрат мондан** (оказаться у шести дверей удивления (букв.) // сильно удивиться), которая не зафиксирована во «Фразеологическом словаре таджикского языка»:

Шокир, ки ин суханҳои Қулмудро шунид, сурх шуда **дар шаш дари хайрат монд** ва чӣ ҷавоб гуфтандро надониста, сари худро ҳам кард (2.1, 150) // Шакир, услышав слова Кулмурада, покраснел и сильно удивившись, не знал, что сказать и опустил голову.

Некоторые идиомы сформированы в форме междометных предложений. К примеру:

– Холет **аз сарат гардад**, – гӯён занак ба ҳикоя даромад (2.1, 386) // – Да будет твоей жертвой твоя тетушка, – сказав это, начала свой рассказ женщина.

Ряд идиом в романе «Рабы» сформированы в различных грамматических моделях. Под грамматическими моделями фразеологических единиц подразумевается та или иная структура сочетания, словосочетания и предложения, которая состоит из ряда слов, т.е. цельнооформленная и устойчивая. К примеру, компаративные фразеологизмы романа сконструированы в нескольких грамматических моделях. Компаративные фразеологические единицы: **монанди мурдаи кӯхна** (подобно старому трупу) «вонючий», **монанди роҳи мӯрчагон** (как муравьиная тропа) «извилистый» сформированы в модели «предлог+существительное+изафет+прилагательное»:

Инҳо монанди ҳашароти мурдорхор мехостанд аз бадани фарбеҳи чиркини корвонбошӣ, ки аз пеши амир ба обу арақ ғӯтида **монанди мурдаи кӯхна** бӯй гирифта баромада буд, порчаҳои равғанин канда

гиранд (2.1, 62) // Они словно насекомые, питающиеся мертвечиной, хотели оторвать жирные куски от жирного и грязного тела караванщика, который вышел от эмира промокший от воды и пота и вонявшего старым трупом. Акнун нишонаҳои хунҳои чакида **монанди роҳи мӯрчагон** ба як тарафи маълум дароз шуда мунтазам мерафт (2.1, 105) // Теперь следы стекающей крови, как и муравьиная тропа, тянулись в определенном направлении и шли размеренно.

Фразеологизм **чаннат барин обод** (благоустроенный как рай) сформирован по модели «существительное+послелог+прилагательное»:

Чунончи, Туркия ва Эрон баъд аз хуррият **чаннат барин обод** шудаанд (2.1, 238) // Например, Турция и Иран после обретения независимости развились как в раю.

Или фразеологизм **чун бистари пар нарм** состоит из четырех компонентов и сконструирован по модели: «предлог+существительное+существительное+прилагательное»:

Гуломон ва ятимон ҳам ба рӯйи рег, ки баъд аз меҳнатҳои сахти рӯзона, **чун бистари пар нарм** ва роҳатгоҳ менамуд, ёзида буданд (2.1, 135) // Рабы и сироты тоже лёжа вытянулись на песке, который после тяжелого рабочего дня казался мягким и уютным, как перина.

Таким образом, идиоматические выражения в составе фразеологических единиц с точки зрения содержания являются наиболее универсальными при создании художественного произведения, ярко характеризуют язык литературного персонажа, служат созданию образа и являются очень важным и выразительным средством повествования.

1.2. Фраземы

Фраземы представляют собой вторую группу фразеологических оборотов и, как и идиомы, эффективно выражают целостный смысл. С точки зрения семантики они несколько отличаются от идиом. «Фраземы отличаются от других семантических групп особым способом выражения и образуется в результате изменения смысла всех его составных

компонентов, то целостное содержание фраземы набирает темпы за счет изменений на почве обособления, видоизменения, связанности или изменения сферы употребления одного или нескольких составных компонентов” [98, 32].

Садриддин Айни очень часто использовал такой вид фразеологических единиц в соответствии с ситуацией, посредством их выражая совершенство художественного изображения и реальность языка персонажей. В произведениях Садриддина Айни фраземы продуктивно используются как идиомы для характеристики персонажей, их поведения и целей, отношения к событиям, их мировоззрения. Например:

Набӣ-Полвон, ки то хол аз суханҳои сарбастаи бой чизеро нафаҳмида ҳайрон шуда истода буд, пас аз кушода шудани мақсади бой хурсанд шуда, худ б а худ:

– Ана чони гап дар ин чо будааст, — гуфт ва ба бой нигоҳ карда (2.1, 85) // Наби-полвон ничего не понял от непонятных слов бая, узнав его цель, повеселел и сам по себе:

– Вот в чём дело, - сказал, глядя на бая (авторский перевод).

В словах Урман-палвана присутствует другая фразеологическая единица **“суханҳои сарбаста”**, которая тоже по своим особенностям относится к фраземам, ибо первая ее часть имеет изначальный смысл, а другая — **“сарбаста”** — означает ‘непонятная, скрытая, трудно усваиваемая’. Писатель снова приводит в речи Урман-палвана эту фразему со словом **“сухан”** немного в ином виде, но с похожим значением: **“Дуруст аст, ки холо ин як сухани хушку холӣ аст, як тап-тапи зағома аст, аз дасти даҳ, сад ва ё ҳазор пойбараҳна чӣ ояд мегӯяд? Лекин “то бад нагӯйӣ, нек наояд” гуфтанд, агар бесарии мамлақати Русия давом кашидан гирад, осуда истодани мамлақати мо ҳам душвор хоҳад шуд”** [2.1, 198]. — **“Все это пока пустые слова, звенящие подобно пустой чашке весов. Что сумеют сделать десятки или хотя бы сотни, ну даже, предположим, тысячи босяков? — Но, подумав, сказал: — Если же**

в России не установят твердый порядок, нашему государству будет трудно. Покой у нас кончится” [2.2, 151].

Как видим, в начале предложения говорящий использует фразу “суханҳои хушку холи”, усиливая тем самым прежнюю. Отличие фразеологической единицы “суханҳои хушку холи” от “суханҳои сарбаста” проявляется в том, что если первая означает ‘пустое, беспочвенное злословие’, то вторая в начале высказывания Урманпалвана используется в смысле ‘непонятный; понятный, но трудно усваиваемый’. В процессе своего высказывания Урманпалван, используя таким образом элементы языка, усиливает выражение своих взглядов, а в другом случае для достижения большего эффекта при передаче своих мыслей собеседнику использует другой фразеологизм – “тап-тапи зағома”, который созвучен с фразеологической единицей “суханҳои хушку холи”. Фразеологическая единица “тап-тапи зағома” является фразеологизмом идиоматического характера, поэтому в конце предложения она более ярко демонстрирует отношение говорящего к вопросу, который стал объектом обсуждения. В этом случае мы заранее можем представить и осмыслить три ступени эффективности воздействия фразеологических единиц в процессе речи. Так, выражение “суханҳои сарбаста” имеет меньшее воздействие, фразеологизм “суханҳои хушку холи” зависит от него, а “тап-тапи зағома” создает самый большой эффект, и благодаря этому говорящий доводит до конца свою мысль.

Согласно точке зрения таджикского лингвиста Х. Маджидова, “в большинстве случаев смысл фраземы заключается в одной или двух ее составных частях, а остальные части служат в качестве обязательных элементов фразеологизма” [98, 34]. Например, во фраземе “суханҳои хушку холи” основной смысл заключен в части “хушку холи”, к тому же в ее составе основная смысловая нагрузка падает на слово “холи”. В составе фразеологической единицы “суханҳои хушку холи” эффект создается благодаря порядку слов.

Мудрый наставник Садриддин Айни при использовании подобных исконных элементов языка демонстрирует непревзойденное мастерство и талант. В другом высказывании Урман-палвана употребляет фразу **“суханҳои бесару бун гуфтаанд”** [2.1, 198]. — “Но когда Николая согнали, джадиды начали требовать исправления всей нашей страны, — чтоб с земель вимали налог по размеру поля, независимо от урожая, чтоб запрещена была торговля кельями в медресе, чтоб над доходами и расходами государства был установлен присмотр, а для всех этих реформ, наряду с эмиром, должны быть эти люди из джадидов” [2.2, 151].

В этом случае фраза **“суханҳои бесару бун”** употребляется в смысле ‘бессвязный, путанный, сбивчивый’. Следует подчеркнуть, что фразеологические единицы с частью **“сухан”** (слово, предложение) на таджикском языке применяются очень часто. В **“Словаре фразеологических оборотов”** рассматриваются разнообразные варианты фразеологических единиц с компонентом **“сухан”**: **сухани касеро аз даҳонаш гирифтаан, сухан ба даҳон мондан, сухани касеро ба замин задан, сухан ба миён омадан, сухани касеро бурида шудан, сухани касеро буридан, ба сухан даомадан, сухане касе гузаштан, сухан кушодан, сухан дар миён овардан, касеро ба сухан овардан, сухан партофтаан, сухани пасту баланд, сухани талх, аз сухани худ гаштан, сухани хушк, сухани ширин, сухани ҳавоӣ, ба сухан чома пӯшондан и т. п.** [224, 118-120].

В другом случае Садриддин Айни мастерски и совершенно оправданно использовал фразу **“сухани касеро буридан”** (буквально: резать чье-либо слово; прерывать) в значении ‘прервать человека, пока он не закончил говорить, не давать возможности для полного выражения своего мнения’: **“Илоҳӣ, тавба, — гуфт муллои калон сухани Ҷурмон-полвонро бурида, — магар инҳо мамлакатислоҳкунӣ аст? Ин корҳо шариат ва мамлакатро вайрон кардан аст”** [2.1, 199]. — **“О господи! — прервал Урман-палвана старший мулла. — Это разрушит и шариат, и государство”** [2.2, 199].

Как видим, в каждом отдельном случае писатель использовал в речи разных персонажей на протяжении их беседы различные виды фразем. Описание одного момента беседы благодаря фраземе с составной частью “сухан” выглядит более полновесным и выразительным, и это, несомненно, свидетельствует о художественном мастерстве писателя и его глубоком знании языка. В течение этой беседы писатель использовал еще одну фразему с составным компонентом “сухан” в форме “суханҳои бепарда” в значении ‘низкие и небоязливые — откровенные или бессмысленные (грубые и опасные) слова’: “Шумо бисёр кӯтоҳ фикр мекунед, домулло! — гуфт Ӯрмон-полвон. — Ҳоло ин аввали кор аст, дар аввали ҳамин кор ҳам суханҳои бепарда шунда мешавад. Агар кор ба ҳамин ҳол рафтад гирад, ачаб нест, ки ин як, даҳ ва сад бепардагӯён ба ҳазорҳо расанд ва тамоман бесарупоёни мамлакат ба инҳо ҳамроҳ шаванд” [2.1, 199]. - “Да, но в их словах — откровенная угроза. К ним присоединятся люди еще и еще. Сотни превратятся в тысячи, — возразил Урман-палван” [2.2, 151].

Подчеркнуть эту грань, по нашему мнению, очень важно, ибо в произведении часто используются фраземы с разнообразными словарными компонентами. Так, фразеологический оборот “мехнати сиёҳ кардан” (делать черную работу; заняться тяжелым трудом) используется в следующем случае: “Худат ба чанд даромадӣ, ки ба ришат сафедӣ афтадааст? — Ман ба чилу панҷ даромадам, — гуфт Рузӣ, — аммо маро умр пир накардааст, балки мехнати сиёҳе, ки нимсеру нимгурусна карда омадам, риши маро сафед кардааст” [2. 2, 231]. - “А тебе, Рузи, сколько? У тебя ведь тоже уже проседь. — Сорок пять. Меня не годы состарили. Работа тяжелая, сам всегда наполовину голодный” [2.2, 170].

Анализируя индивидуальный стиль устода Айни, исследователь М.М. Мирзоева, демонстрирует пример из романа «Дохунда», и по поводу фразеологизма «мехнати сиёҳ кардан» (делать черную работу) отмечает: *«Баъд аз сари падарам ман ҳам монанди як гуломи хоназод ба дари*

*ин одам мондам, ҷойи рафтани ва кори кардани надорам, ночор хоҳ гушина бошам, хоҳ сер, кори ин касро мекунам. Ман арақи ҷабин мерезам, донаҳои гандуми тиллоранг насиби ин одам мешавад; ман меҳнати сиёҳ мекунам, гӯзаҳои сафеди пахтаро ин кас дар анбори худ меандозад: ба сабаби бисёр **кор кардан** иликҳои ман хушк мешавад, загиру кунҷит ба ҷувози ин одам даромада равган мегардад (Дохунда, 50) // После смерти отца я остался в его доме как раб, мне некуда было идти и не было, чем заниматься. Что поделаешь, сыт ли голоден ли, я продолжаю работать у него. Я тружусь в поте лица, а золотые колосья пшеницы достаются ему; я занимаюсь черной работой, а белые коробочки хлопка он тащит в свой амбар; от тяжелой работы мои кости сохнут, а зигир и кунджут превращаются в масло в его маслобойне.*

С.Айни, чтобы передать тяжелую участь персонажа из его собственных уст использует эти слова и фразеологизмы: *кор кардан* (работать) и ФЕ *арақи ҷабин рехтан* (проливать пот и кровь), *меҳнати сиёҳ кардан* (выполнять чёрную работу).

Глагол *кор кардан* обозначает «заниматься делом, трудиться» вообще, *арақи ҷабин рехтан* «работать очень много, честно», *меҳнати сиёҳ кардан* – делать тяжелую черную работу. По нашему мнению, *меҳнати сиёҳ кардан* исходит от русского выражения (*делать*) *черную работу* (отсюда *чёрнорабочий* – неквалифицированный рабочий) – всякого рода тяжёлая физическая работа» [111, 263-264].

Фразеологическое выражение “**меҳнати сиёҳ кардан**” означает ‘заняться тяжелым физическим трудом, приносящим мало пользы’. Первым его компонентом является слово “меҳнат” (работа), которое употребляется в своем изначальном смысле, а вторым — слово “сиёҳ” (черная) как аллегория. Писатель использует такие фраземы в языке героев всегда к месту и согласует их с изображаемой ситуацией. Без всякого сомнения, следует сказать, что отбор таких фразеологических единиц при создании произведения предполагает художественное мастерство, знание языка и осознанный выбор.

Писатель всегда тщательно отбирает соответствующие фразеологические единицы. Фраземы, использованные в произведении, также можно классифицировать по морфологическому составу, то есть их составные компоненты могут быть отнесены к тем или иным именованным частям речи. Итак, проанализированные выше фраземы, в основном состоят из имени существительного и прилагательного: “суханҳои бесару бун”, “суханҳои бепарда”, “меҳнати сиёх”. Другая группа фразем состоит из именованных компонентов, и особенно из имени и глагола, к этой группе относятся фраземы “сухани касеро буридан” (прервать кого-л.), “суханро ба тарафи дигар бурдан” (отвлекать от разговора), “кор ранги дигар гирифтан” (изменение обстановки). Например, фразема **“чашм андохтан”** используется в таком случае: “Дар аввали инқилоб, вақте ки раиси чаноби олі гурехт ва раисхона тороч шуд, ман ин дарраро аз раисхона гирифта бурдам. Дар ҳақиқат, имрӯз даркор шуд, — гуфт раис ва ба катри томошабинон чашм андохта, аз он ҷо як касеро ишора карда, ба пеши худ ҷеғ зад” [2.1, 371]. – “Когда раис его высочества сбежал и его управление разгромили, я прихватил эту плеть: “Авось когда-нибудь пригодится”. И спрятал. И вот сегодня она опять нужна. И раис позвал какого-то человека из зевак” [2.2, 256].

А вот другой пример: “Вақте ки кӯрбошиҳо ба Чорсӯ расиданд, Мулло Қаҳҳор аспашро нигоҳ дошта, ба пушташ чашм андохта: — Наим-полвон! — гӯён бародари худаашро ҷеғ зад” [2.1, 371]. — “Доехав до базарного перекрестка, Мулла Каххар остановил лошадь и позвал своего младшего брата: — Наим-палван!” [2.2, 256].

Как видим, в обоих случаях фразема “чашм андохтан” имеет один смысл: ‘смотреть, присмотреть, разглядеть’. Первый компонент этой фраземы, слово “чашм” (глаза), употребляется в своем первоначальном значении, а вторая его часть, слово “андохтан”, используется в аллегорическом смысле.

Поскольку объектом нашего анализа являются не только семантические особенности фразеологических единиц, уже

рассмотренные нами, но и особенности их морфологического состава, нам необходимо провести исследование последних. Так как фраземы в соответствии с особенностями своего значения близки к идиомам, со временем они могут перейти в группу идиом. По этому поводу Х. Маджидов отмечает: “Фраземы, по одному составному компоненту имеющие аллегорическое значение, по своей выразительности близки к идиомам. Они, как и идиомы, используются в художественном стиле и под воздействием последующей фразеологизации смогут перейти в группу идиом” [98, 31]. В доказательство своей мысли исследователь приводит фразеологизм “**гавҳараки чашм**” (зрачок глаза) и особо отмечает, что это фразема, но если она используется в форме “чун гавҳараки чашм”, то является идиомой, ибо все компоненты приобретают аллегорическое значение. Известный ученый-языковед Ю. Рубинчик также в своем труде указывает на наличие близости идиом и фразем [135, 30].

Конечно, без всякого сомнения, в произведениях Садриддина Айни широко используются фразеологические единицы — идиомы, фраземы, фразеологизмы неидиоматического характера. В некоторых случаях писатель вместо фраземы “чашм андохтан” использует фразему “чашм дӯхтан”. Например: “Рӯзӣ, ки дар ин вақт ба риши Шокир чашм дӯхта истода буд: — Шокир-ака, пир шуда мондед-а. Ба ришатон сафедӣ афтидааст, — гуфт” [2.1, 231]. — “Рузи внимательно посмотрел на Шакира: — Постарели вы, брат Шакир, в бороде уж и седина есть” [2.2, 169].

По нашему мнению, писатель использовал фразему “чашм дӯхтан” в случаях, когда она имеет значения ‘посмотреть’ и ‘разглядеть’. Однако фразема “чашм дӯхтан” употребляется и в значении ‘посмотреть очень внимательно’. То есть, хотя на первый взгляд эти две фраземы целиком совпадают по смыслу, однако при использовании в соответствии с их стилистическими особенностями и художественной выразительностью каждый раз приобретают другой вид. В другом случае фразема “чашм

дӯхтан” используется наилучшим способом: “Амин ба чашми бандӣ чашм дӯхта: — Росташро гӯй! — гуфт, — Дар ин тарафҳо чӣ кор мекардӣ? Чашмони бандӣ, ки амин ба вай чашмони худро дӯхта буд, беҳол гардида пӯшида шуданд ва лабҳои беҳунгардидаи кабудчатоб нимкушо шуда, аз он ҷо садои заиф баромад” [2.1, 297]. – “Пристально глядя на пленника, амин спросил: — Говори правду: что ты тут делал? Глаза хатырчинца (пленный – Ш.А.) оставались закрытыми, но бледные, посиневшие губы шевельнулись” [2. 2, 210].

Как видим, в приведенном выше примере фразема “чашм дӯхтан” имеет смысл ‘серьезно, внимательно смотреть’.

В другом же случае фразема “чашм дӯхтан” применяется в значении ‘долгое ожидание’. “Ба ҳамин тариқа, бо гузаронидани якчанд поезд як пули нон меёбанд ва ба он пул якто нон харида, ба таги девор дароз кашида, он нонро хӯрда-хӯрда боз ба роҳи омадани поезд чашм медӯзанд” [2.1, 280].

В другом месте писатель в одном предложении приводит две близкие по смыслу фраземы с первым компонентом “чашм”: “Яке аз он одамони ношинос, ки папиросашро кашида шуда, бо як дасташ аз гӯшаи сандалии дошта, ба тарафи даҳлез ҳам шуда, бо дасти дигараш мехост пасмондаи папиросро бо лаълии дар зери манқалбуда ҳаво диҳад, чашмаш ба дари даҳлез афтод ва дар он ҷо ба ҳудаш чашм дӯхта, аз ҳудаш пичиррос зада, гап зада истодани даридаҷомагонрон дида рӯяш чин шуд, аломати хурсандӣ, ки бо кашидани папирос дар башарааш пайдо шуда буд, якбора барҳам хӯрд ва сари худро бардошта шахси саллааш ба гарданаш печонда ба қозӣ аз тӯда чи гуна баромадани яке аз аспҳои амиро ҳикоя карда буд, ба тарафи худ кашида ба ӯ папирос зада чизе гуфт” [2.1, 251]. — “Один из этих гостей, наклонившись к жаровне, чтобы бросить окурок, взглянул на дверь и под дверью увидел внимательные глаза бедняков. Лицо гостя омрачилось. Он поднял голову и, притянув к себе человека со спустившейся на шею чалмой, что-то

шепнул ему. Тот прервал свой рассказ про одну из лошадей эмира, подозвал хозяина, выражая на лице полное одобрение” [2.2, 181].

Фразема “**чаши касе афтод ба касе**” использовалась в значении ‘посмотреть в сторону необычного лица или вещи и увидеть этого человека или вещь’. В этом примере использован фразеологизм “чашм дӯхтан”, который изначально имеет своеобразный оттенок и отличается особой выразительностью.

Писатель в использовании языковых единиц учитывает все тончайшие стороны жизни и реально описывает их. К примеру, фразеологизм **амри маъруф фурӯхтан** тесно связано с Исламом. Проповедники Ислама оповещали людей о его аятах и суннах и считали это амри маъруф, т.е. заповедь, однако данная фразеологическая единица сегодня отделилась от первоначального своего значения и употребляется в значении «болтовня, пустословие, выставить себя на показ»:

Дар аввали суҳбат пирамард як қадар **амри маъруф фурӯхт** (2.1, 12) // В начале разговора старик начал продавать заповедь (букв.) // молоть вздор.

В произведениях устода Айни, в частности в «Рабь», наблюдаются ряд фразеологизмов, в которых в силу языковой экономии упущен один компонент. Например: *дар фикри касе, чизе афтодан* «думать о ком или о чём-либо»:

*Халифа ҳанӯз ҳам дар рӯйи ҷойнамоз гарқи дарёи муроқабба буд. Кӯ медонад, ӯ «хуру гилмонҳои ҷаннатро» **хаёл карда**, аз онҳо лаззат мебурд, ё ин ки **дар фикри** чӣ гуна тақсим намудани ганимат ва асирон ва чӣ гуна барои худ саҳми бузург гирифтани аз онон **афтода** ва барои кадом бозорҳо **фиристода ба баҳои хуб** об кардани саҳмҳои худ нақша мекашид* (2.1, 39) // Халифа ещё был погружен в созерцание. Кто знает, о чем он думал, о «райских девицах и юношах» и наслаждался ими, или же (раздумывал) о том, как разделить добычу и пленных и как забрать большую часть для себя; он хотел реализовать её за большие деньги на базарах.

ФЕ *дар фикри касе, чизе афтодан* сформирована на основе принципа эконимии усилий. Со временем из её состава выпало слово *дарё* (река). В данном тексте существует глагол *хаёл кардан* (думать), который кроме значения «думать» может употребляться в значении «представлять, подумать», отсутствующие во фразеологизме. Данная лексическая единица дополняет смысл фразеологизма.

Такие яркие примеры употребления фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни являются доказательством того, что писатель приложил все усилия к тому, чтобы приблизить язык произведения к реальной жизни, благодаря чему панорама изображения стала еще более реалистичной.

Таким образом, в романе “Рабы” (“Фуломон”) Садриддин Айни всегда к месту и широко использовал фразеологические единицы, в том числе фраземы. Мы можем назвать несколько фразем, которые часто встречаются в этом произведении: «даст кашидан» (отказаться) (81), “гарки арак” (вспотевший) (123, 229), «ғам хўрдан» (печалиться) (125) “гапи бекор” (пустое слово) (235), “сари оташдон” (у камина) (232), “сухбати гарм” (горячая беседа) (247), “муносибатро буридан” (разорвать отношения) (263), “диққатро кашидан” (привлечь внимание) (331), “ба андеша фуру рафтан” (погрузиться в мысли) (365), “ахд бастан” (договориться) (201), “корро хобондан” (приостановить работу) (448).

На основании изложенного можно сделать вывод, что великий мастер слова Садриддин Айни достиг неподражаемого мастерства в использовании фразеологических единиц, в том числе фразем.

1.3. Фразеологизмы неидиоматического характера

Место и роль фразеологизмов неидиоматического характера в художественных произведениях Садриддина Айни и, в частности, в романе “Рабы” достойны особого внимания. Обороты неидиоматического характера отличаются от других фразеологических единиц тем, что они, сохраняя свое словарное значение, имеют единую

форму образования. “Обороты неидиоматического характера представляют реальные явления жизни, предметы, их признаки и особенности, действие, состояние и тому подобное в форме составного оборота. Они выражают понятия ясно и упорядоченно в связке с двумя и более словами. Большинство таких понятий в языке не имеют и не могут иметь одночленного выражения” [98, 35].

Целостность значения фразеологизмов возникает тремя способами: на базе основного значения, ограниченный или узкий круг употребления или переосмысление составных компонентов. Эту особенность фразеологизмов особо подчеркивает и профессор Х. Маджидов: «Цельное значение фразеологических единиц образуется на фоне основного содержания, ограничения одного из составных компонентов, переосмысленности всего словосочетания» [98, 71]. Таким образом, один из способов возникновения целого значения фразеологизмов является её формирование на базе лексического значения их составляющих. Данная группа фразеологических единиц подобно свободным синтаксическим оборотом имеют определенное значение. Они лишены художественного оттенка, и имеют определенное место употребления. Они отличаются от свободных конструкций в выражении целого значения, сложной устойчивой структурой и использования в одной форме. К примеру, фразеологизмы **мусобикаи сотсиалистӣ – социалистическое соревнование, чаноби олий – ваше превосходительство, муборизаи синфӣ – классовая борьба, худ ба худ – сам по себе, сари сина – грудная клетка** являются из числа перечисленных фразеологизмов:

Вақте ки ман наряди ин корро гирифта овардам, бояд ин корро ба инҳо таксим карда дода дар байни худҳошон **мусобикаи сотсиалистӣ** мебандондам [2.1, 353] – Когда я взялся за эту работу, я должен был разделить ее между ними и начать между ними социалистическое соревнование. **Чаноби олий** гурехтанд ва ба чойи он кас ҳукуматҳо омада нишастаанд [2.1, 437] – Его высочество сбежали, а вместо них пришли власти. “Ҳар касе ки ба муқобили чадидҳо, кофирҳо, муртадҳо, хулоса ба

мукобили касоне, ки ба чаноби олий ёғӣ шуда, ба он зоти хумоюн тег
кашидаанд, ба чазо набарояд – хунаш халол, молаш тороч, занаш талок,
ва бачагонаш асир аст” [2.1, 304] – Всякий, кто выступил против
джадидов, неверных, отступников, короче, против тех, кто ослушался его
величества и напал на него, если не будет участвовать в наказании, то
можно пролить его кровь, забрать его имущество, его жене талак, а детей
взять в плен. Акнун ба одами дар чукурӣ хобида маълум шуд, ки он
«сиёҳӣ» одам будааст ва **худ ба худ**: – охир омад, – гуфта хурсанд шудам
[2.1, 358] – Теперь человеку, лежащему в яме, стало ясно, что это
«чернота» человек, и я с радостью сказал себе: «наконец пришёл». –
Эргаш-ака, дидед? – гуфт, яке аз даридачомагон, ки **сари синаи** худро ба
остонаи дахлез ниҳода, ин ҳолро аз назараш мегузаронид [2.1, 253] – Брат
Эргаш, видели? – сказал один из бедняков, который положил свою грудь
на порог прихожей и смотрел на ситуацию.

В произведениях Айни обороты неидиоматического характера
используются в разной форме и имеют различное содержание.
Например: “Сагон, — гуфт худ ба худ савор, — одамҳои амир барин, ту
ба инҳо нарасӣ ҳам, инҳо ба ту чакқида аз қонат безор мекунанд. Аз
дасти инҳо гурехта халос шудан мумкин нест” [2.1, 210]. — “Всадник
усмехнулся: “Собаки подобны людям эмира, с той лишь разницей, что у
одних четыре ноги, у других их две. Их не трогаешь, а все равно лезут,
пока не надоест им, даже бегством от них не спасешься” [2.2, 158].

В этом предложении выражение “**худ ба худ**” (**сам по себе**) является
фразеологизмом неидиоматического характера, имеющим значение
‘разговаривать с самим собой; в согласии со своими убеждениями’ и
‘говорить самому себе и рассуждать’. Отличительная особенность
оборотов неидиоматического характера состоит в том, что
составляющие их компоненты сохраняют свое первоначальное словарное
значение и в некоторых случаях — значение основного компонента,
закрывающего в себе основной смысл, который слегка обособляется и
теряет свое первоначальное значение.

В произведениях Садриддина Айни широко используются обороты неидиоматического характера “азоб кашидан” (мучаться), “аз ёд баровардан” (забыть), “фоли хайр” (хорошая примета), “худо хоҳад” (Даст Бог) и т.п. Попробуем проанализировать их. Например: “Бандӣ, ки дар аввалҳои кор “вой чонам, вой чонам” гӯён фарёд мекашид, рафта-рафта хомӯш монд. Бандӣ аз ҳуш рафта ва баданаш ҳам карахт шуда буд” [2.1, 297]. — “Хатырчинец застонал, потом закричал, но постепенно смолк. Он потерял сознание, и тело его отяжелело” [2.2, 210].

В этом примере выражение “аз хуш рафтагӣ” (потерять сознание) является фразеологизмом неидиоматического характера.

В другом случае выражение неидиоматического характера “марҳамат кардан” устами персонажа передается в свободной форме — в виде беседы. Например: “Хуб ин тавр бошад, ту барои мо чой деҳ! — Марҳамат кунетон, ҳавлии беруну дарун холи аст, меҳмонхона бо палосаш истодааст. Биринҷ, равшан, орд, чав, қанд ва чой ҳам ҳаст” [2.1, 332]. — “Ну, тогда размещай нас. — Пожалуйста, пожалуйста, занимайте хоть весь дом, в нем никого нет. В прихожей есть ковры. В амбаре рис, сахар, мука, ячмень, чай — все есть!” [2.2, 232].

Выражение неидиоматического характера “ҳаққи хизмат” также стоит на своем месте: “Ин ҳаққи худат, ҳаққи хизмати худат аст. Ҳамаи моли бой аз хизмати ту ва аз хизмати монанди ту меҳнаткашон пайдо шудааст” [2.1, 333]. - “Меня благодарить не за что. Ты это одеяло заработал за двадцать лет. Всё это богатство твоими руками хозяин заработал” [2.2, 233].

Подобные фразеологизмы неидиоматического характера часто употребляются в произведении и в большинстве случаев приводятся в одной форме. “Одной из важнейших особенностей фразеологизмов неидиоматического характера являются преимущества образования. Эта особенность проявляется в постоянстве составных компонентов и их взаимозаменяемости. По этой же причине они лишились многих важнейших свойств фразеологизмов, из-за этого в таких

фразеологических единицах очень ярко проявляются свойства доминантности” [98, 36].

Садриддин Айни широко использует в своих художественных произведениях такие фразеологизмы.

Например, когда Караван-баши выходит из приемной Бухарского эмира, придворные, окружив его во дворе, поздравляют, желают всего наилучшего и за все это хотят получить от него какой-нибудь подарок. Писатель изображает это событие так: “Дар берун аҳли дарбор гирду пеши карвонбоширо монанди мӯру малах фаро гирифтанд. Инро хашорати мурдорхор мехостанд аз бадани фарбеҳи чиркини карвонбоши, ки аз пеши амир ба обу арақ Қӯтида, монанди мурдаи кӯҳна бӯй гирифта баромада буд, порчаҳои равқанин канда гиранд: — Муборак бод! — Худо мубораку хайр гардонад!” [2.1, 62]. – “Во дворе его, вспотевшего и провонявшего, окружили люди, как мухи падаль. Каждый норовил получить с удостоенного на чай: — Поздравляем! — Желаем и впредь подобного сподобиться! — Дай вам бог!” [2.2, 58].

Фразеологическая единица неидиоматического характера “**муборак бод**” имеет также варианты “муборак бошад”, “муборак шавад” и “муборак”. Например: “Карвонбошӣ, дар вақте ки аз дарбор ба сарой бозмегардид, дар роҳ мардуми бозор ба тани у жомаи кимхоб ва ба сараш коҚази калони ёрликро, ки монанди бодбараки ба дарахт андармоншудаи бачағони шум он аз пушти сараш овезон буд, дида, ба у бо ҳурмат салом меоданд, баъзеҳо ҳарчанд ки будан ва чи будани уро намешинохтанд аз вай як: — Муборак бошад! — гуфтанро ҳам дарег намедоштанд” [2.1, 63]. — “На улицах, где проезжал Карим-бай, встречные, видя его шитый золотом халат и торчавшую из необъятной чалмы бумагу, кланялись, и хотя не знали, что за человек, но догадывались крикнуть: — Поздравляем! Грамота торчала из чалмы как детский бумажный змей, застрявший в листе” [2.2, 58].

Другой формой этой фразеологической единицы является “муборак”, и хотя глагол “бод” или “бошад” исчез, но он

подразумевается. Например: Вақте ки чилавдори корвонбоши “пӯшт-пӯшт” гуфта ба кори фарроше, ки дар рӯфтани роҳ машул буд, халал расонд, ӯ ҳам худро канортари роҳ кашида ба корвонбошӣ: — Марги нав муборак! — гуфта писханд кард” [2.1, 63]. - “И когда конюх работорговца, бежавший впереди хозяина, крикнул какому-то бедняку, подметавшему улицу: “Берегись! Берегись!” — бедняк отошел и с горькой усмешкой крикнул: — Поздравляем!.. С новой жертвой” [2.2, 58-59].

Как видно, полной формой предложения “Марги нав муборак” является “Марги нав муборак бод”, а в тексте глагол опущен, и хотя он отсутствует, но подразумевается.

Таким образом, писатель, исходя из речевой ситуации и особенностей художественного описания, мастерски использует фразеологические единицы. Например: “Аз тӯда ғулғулаи сахт баромад: — Нест бод амир ва амалдорони ӯ! Нест бод зулмҳои феодалии асримиёнагӣ!” [2.1, 264]. — “В толпе поднялся сильный шум: — Долой эмира и его чиновников! — Долой тиранов!” [2.2, 190].

Фразеологическая единица неидиоматического характера “**нест бод**” и сейчас имеет значение отрицания предмета или понятия и с точки зрения образования является весьма распространенной. Даже местоположение компонентов и способ их использования не претерпели изменений.

Соответственно используется писателем неидиоматический фразеологизм “хотири касе чамъ шуд”: “Чавонон ин кори амиро аломати қисман қабул ёфтани талаботи худ шумурда, як дараҷа хотирашон чамъ шуд” [2.1, 264]. В произведении использованы также неидиоматические фразеологизмы, характерные для того времени, которые возникли для выражения новых понятий той эпохи. В их числе: “Лекин то ҳол аз онҳо ҳам дарак нест, ду шаб боз бо Самарқанд ҳам алоқаи телеграфӣ бурида шудааст. Барои васеътар маълумот додан дар бораи аҳволи ҳозира ба коргари деринаи прессхона — ба рафиқ Сияркул

дода мешавад” [2.1, 263]. – “Где он — неизвестно. Телеграфная связь с Самаркандом сегодня ночью также прервалась. О создавшемся положении слово имеет рабочий пресовального цеха товарищ Сийаркул” [2.2, 189].

В приведенном примере неидиоматический фразеологизм **“алокаи телеграфӣ”** выражает новое понятие — телеграфная связь.

Неидиоматический фразеологизм **“раиси комитет”** также обозначал в то время новое понятие. “Рафиқон, — гуфт раиси комитети завод ва коргарон, дар ҳолате ки ба пой хеста буданд, хомуш монда гӯш доданд. Раиси комитет ба сухан даромад” [2.1, 265]. — “Когда шум слегка улегся, председатель заводского комитета крикнул: — Товарищи!” [2.2, 191].

Как уже было указано, все компоненты фразеологических единиц неидиоматического характера сохраняют свое первоначальное значение. В некоторых фразеологических единицах компоненты, которые несут основную смысловую нагрузку, частично претерпевают изменение значения. Компонентами таких фразеологических единиц могут быть глаголы **“эҷод кардан”**, **“озод кардан”**, **“ширкат доштан”**, **“вучуд доштан”** и т. п. [135, 2].

В произведениях Садриддина Айни можно встретить и такие фразеологические единицы неидиоматического характера: **“Аз дунболи касе афтидан”**: **“Хуб, ки, ки бошад, кардааст, чи, ки бошад шудааст. Акнун фурсатро аз даст надода аз дунболи он пирсаг афтодан даркор аст, — гуфт он милтиқдор”** [2.1, 294]. — **“Ладно. Что бы там ни случилось, а случилось то, что случилось. Не надо терять времени, догонять этого старого пса!”** (сказал караульный) [2.2, 209].

Как видим, эта неидиоматическая фразеологическая единица имеет значение ‘идти за человеком в поисках его’, и глагол **“афтодан”** (буквально: падать, спускаться) выражает значение глагола **“рафтан”** (идти).

Другой пример — **“аз хуш рафтан”** (потерять сознание): “Бандӣ, ки дар аввалҳои кор “вой чонам, вой чонам” гуён фарёд мекашид, рафта-рафта хомӯш монд. Бандӣ аз хуш рафта ва баданаш ҳам карахт шуда буд” [2.1, 297]. - “Хатырчинец застонал, потом закричал, но постепенно смолк. Он потерял сознание, и тело его отяжелело” [2.2, 210].

В этом тексте (в таджикском оригинале) использованы составные компоненты “вой чонам, вой чонам”, которые языковед Ю. Рубинчик называл экспрессивно-возгласными фразеологическими единицами неидиоматического характера [135, 31].

А фразеологический оборот **“аз хуш рафтан”** является неидиоматическим, и его глагольный компонент **“рафтан”** по отношению к именному компоненту **“хуш”** имеет переносный смысл.

“Ўй мардум, ба иғво напаред, ба ман нигоҳ кунед, ба гап гуш диҳед! — гуён фарёд кашид Эргаш. Аммо мардум ба ҳеч сухан гуш надода шавкун мекардаанд” [2.1, 497]. — “Эргаш крикнул: — Люди! Слушайте! Не верьте брехне! – Но народ шумел” [2.2, 331-332].

В приведенном фрагменте **“ба гап гуш додан”** является фразеологической единицей неидиоматического характера в значении ‘прислушаться к сказанному другим человеком, слушать слова другого человека’, ее глагольный компонент — **“додан”** — приобретает новый смысловой оттенок. Фразеологическая единица **“ба иғво паридан”** в тексте означает ‘положиться на ложные сведения, поверить брехне’. В современном таджикском языке она чаще используется в форме **“ба иғво дода шудан”**. Писатель в этом случае придает языку персонажа особую выразительность, благодаря которой в полной мере раскрывается его замысел.

Подобно этому и выражение **“шурои деҳа”** (сельский совет) также является неидиоматическим фразеологизмом, который во время создания произведения обозначал новое понятие. Писатель и это выражение использовал подобающим образом: “Дар шурои деҳа якчанд колхоз барпо шуда, ба онҳо гуё ҳамаи мардум даромада, ҳамон хайвоноти корӣ,

асбоби деҳқонӣ ва ҳайвоноти хонагиҳошонро ҳам, ки аз нобудкорӣ боқӣ монда буд, якҷоя карда буданд” [2.1, 497].

В этом тексте фразеологическая единица неидиоматического характера “ба колхоз даромадан” (вступление в колхоз), которая широко практиковалась в 1930-х годах, находится в составе оборота “ба онҳо (колхозҳо — А.Ш.) гӯё ҳамаи мардум даромада” (будто в них (колхозы) вступил весь народ). Следует особо подчеркнуть, что в связи с преобразованиями в жизни общества, возникновением новых понятий и общественных отношений появляются и новые фразеологические единицы неидиоматического характера: “ба колхоз даромадан” (497), “раиси комитет” (381), “ислоҳоти замин” (469), “шурои деҳа” (466), “чамъияти камбағалон” (498), “ширкати хочагии қишлоқ” (498). В этом вопросе позиция таджикского лингвиста Х. Маджидова такова: “Достойный внимания аспект состоит в том, что фразеологические единицы неидиоматического характера свойственны тому или иному периоду времени” [98, 37].

Такая же точка зрения освещена и в исследованиях русских ученых-лингвистов, и можно сказать, что некоторые фразеологические обороты имеют неидиоматический характер [127, 206].

Так, фразеологизмы “шурои деҳа” (466), “ҳочагии қишлоқ” (499), “интизоми меҳнат” (511) в 1930-е годы были новыми фразеологическими единицами, и до сегодняшнего дня их форма является устойчивой и широко употребляется в языке. Неидиоматические фразеологизмы “душманони синфӣ” (классовые враги) (498), “идораи колхоз” (правление колхоза) (505) в связи с уходом в прошлое понятий и отношений, связанных с ними, вышли из употребления. Например, фразеологический оборот неидиоматического характера “интизоми меҳнат” (трудовая дисциплина, или дисциплина труда) представлен в форме “интизоми сотсиалистии меҳнат” (социалистическая дисциплина труда): “Ин чизҳо, аз як тараф, як қисм колхозчӣ ва яккахочагиро ба тарафи худ кашида, интизоми сотсиалистии меҳнатро вайрон мекунад”

[2. 1] // Эти вещи, с одной стороны, привлекают на свою сторону часть колхозников и индивидуальных хозяйств, нарушают социалистическую дисциплину труда.

На современном этапе развития таджикского языка используется форма “интизоми меҳнат”, а другие ее варианты вышли из употребления. А фразеологическое выражение “роҳи оҳан” (железная дорога), и сегодня имеющее постоянный и преимущественный характер, в произведении используется так: “Аз рӯйи шуниди ман дар он вақтҳо пахтаро дар кӯрпаҳо андохта савдогарӣ кардан бисёр ривоч гирифтааст. Дар ҳар ду кӯрпа ду пуд пахта андохта бо роҳи оҳан бағоч карда, ба ҳар тараф, ки хоҳанд, мефиристанд” [2. 1, 519] – Насколько я слышал, в то время было очень популярно торговать одеялами из хлопка. Они наполняли курпачи двумя пудами хлопка и отправляли их по железной дороге любое направление.

Словосочетание **роҳи оҳан** наблюдается и в следующем примере. Её употребление связано с определенными историческими событиями, с борьбой народа против угнетения правителей:

“Мурдаи ӯро бо чадидони Бухоро мардикорони заводҳои пахта ва равғани Когон, коргарони роҳи оҳан, солдатҳои рус ва деҳқонони бесару по, ки аз деҳаҳои атрофи Когон чамъ шуда буданд, гирифта бурданд. Дар вақти гӯрондани ӯ ҳар гуна суҳанҳо гуфтанд — баъзе чадидҳо баромада “мо ниқори туро хоҳем гирифт” барин суҳанҳои сарбаста гуфта бошанд ҳам, яке аз мардикорони заводи пахта баромада кушоду равшан карда гуфт, ки “мо ниқори туро аз амир хоҳем гирифт, ба мо амир даркор нест” [2.1, 198]. — “Когда понесли на кладбище Мирзу Назруллу, который не выдержал эмирского гнева и умер от семидесяти палок, на улицах было немало рабочих хлопковых и маслобойных заводов, русских солдат, деревенской бедноты, сбежавшейся с окрестных мест. Некоторые говорили опасные речи. Один из рабочих с хлопкового завода даже так сказал: “Мы отомстим за тебя эмиру, нам не нужен эмир!” [2.2, 150].

Приведенный текст устами Урман-палвана наглядным образом показывает отношение говорящего к событию. Сначала писатель приводит фразеологизм **“дехқони бесару по”** (деревенская беднота), который свидетельствует об ограниченных возможностях крестьян. Как мы видим, первая часть фразеологизма передает свой изначальный смысл, а вторая часть, то есть **“бесару по”**, используется для характеристики первой части и имеет аллегорический смысл. Как видно, благодаря этой особенности фраземы близки к идиомам.

Фразеологическое выражение **“нархи арзон”** также используется подобным образом: **“Сатине, ки аз кооперативи районҳои пахтакори бо нархи арзон гирифта мешавад, дар дигар районҳо панж баробар фоида мекунад, мегӯянд”** [2. 1, 519].

Неидиоматический фразеологизм **“кооперативи районҳо”** является одной из фразеологических единиц, которая вышла из употребления в связи с уходом в прошлое определенных общественных отношений. А фразеологизм **“нархи арзон”** используется до сегодняшнего дня.

Некоторые фразеологические единицы неидиоматического характера в один период могут выражать одно понятие, а в последующем, в связи с изменением общественных отношений, — другое. Так, фразеологическая единица неидиоматического характера **“мудири хочагӣ”** присутствует в произведении для выражения определенного общественного понятия того времени: **“Сатинҳои ҳеч кас нагирифтаре мудири хочагӣ “базӯр” ба ҳамин кас фурӯхта тамом карда будааст-дия, — гуфт Эргаш”** [2. 1, 519].

Сегодня в условиях новых общественных отношений используются выражения **“дехқони”** (дехканство, земледелие), **“мудири хочагии фермерӣ”** (руководитель фермерского хозяйства) и т. п.

Фразеологические единицы неидиоматического характера с точки зрения образования, морфологического состава и семантики имеют различные особенности, и их классификация будет рассматриваться в следующих главах.

Таким образом, исследование и анализ различных примеров свидетельствует о том, что неидиоматические фразеологизмы играют большую роль в художественном изображении реальной жизни и ярко отражают особенности языка. Художественные произведения большого мастера слова Садриддина Айни, и особенно его роман “Рабы”, являются богатейшим источником, анализ которого вносит ясность в решение различных проблем таджикского литературного языка.

Глава II. СЕМАСИОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРОИЗВЕДЕНИЙ САДРИДДИНА АЙНИ

Вводные замечания. Семантические особенности фразеологических единиц весьма широки и в настоящее время требуют своего изучения и

исследования. Таджикский языковед Х. Маджидов в отношении смысловых особенностей фразеологических единиц в таджикском языке придерживается такой точки зрения: “Наличие определенной смысловой системы фразеологических единиц обеспечивает всестороннюю взаимосвязь между ними. Это положение касается не только смысла того или иного фразеологизма, но и связей между двумя и более разными фразеологизмами. В результате, с одной стороны, возникает вопрос анализа и толкования полисемии (многозначности) фразеологических единиц, а с другой, – их стилистической принадлежности. Фразеологическим единицам таджикского языка свойственны омонимические, паронимические отношения и многовариантность.

В своих произведениях великий учитель слова Садриддин Айни при использовании фразеологических единиц учитывает все их семантические особенности. Наряду с этим объектом нашего анализа являются особые способы использования писателем фразеологических единиц, обогатившие изображение благодаря его художественному мастерству.

2.1. Полисемия фразеологических единиц

Говоря о многозначности фразеологических единиц, следует подчеркнуть, что в зависимости от значения они, прежде всего, разделяются на: 1) фразеологические единицы с одним значением (моносемантические) и 2) многозначные (полисемические). К группе фразеологических единиц, которые имеют единственное значение, относятся составные названия той или иной профессии или ремесла и сферы науки и техники [98, 48]. В произведениях Садриддина Айни широко используются моносемантические фразеологические единицы. В его произведениях они в основном представлены составными терминами, относящимися к периоду существования бывшего Союза, а также некоторыми терминами и понятиями дореволюционного периода. К этой группе фразеологических единиц относятся следующие: “**тангаи бухорӣ**”

(13), “**атри равганигулӣ**” (52), “**тарозуи каппон**” (64), “**душманони синфӣ**” (449), “**ширкати хочагии кишлок**” (ТОЗ) (498) и т. п. Например: “Бо ин суханҳои охири даллол дили бой аз камоли орзу дар тапиш омада, ба тарафи карвонбошӣ, ки ханӯз ёрлиғи элликбошӣ бар сари вай монанди ялавҳои саримазори дар лаппиш буд, як нигоҳ кард” [2.1, 88]. — “От этих слов Абдурахим-бай разволновался. Украдкой взглянул он на Карим-бая, в чалме которого еще торчал, как бунчук на мазаре, милостивый ярлык эмира” [2.2, 77].

Фразеологическое выражение “**ялавҳои саримазорӣ**” (бунчук на мазаре) означает кусок какой-нибудь ткани, привязанной к кончику палки, а писатель уподобляет ее ярлыку элликбаши — пятидесятника, тем самым выражая, по сути, его бессмысленность. Фразеологическое выражение “ялавҳои сари мазори” моносеманлично.

А другая группа фразеологических единиц в противоположность фразеологическим единицам с единственным значением обладает многозначностью. Многозначные (полисемические) выражения составляют основную группу фразеологических единиц таджикского языка. Итак, фразеологические единицы, которые могут выражать два или более значений, находящихся во взаимосвязи, называются многозначными, или полисемическими фразеологическими единицами.

Особенности многозначных фразеологических единиц особенно ярко проявляются в тексте, тогда как за его пределами возможность выявить их многозначность отсутствует.

В романе “Рабы” Садриддин Айни мастерски использовал фразеологические единицы, отличающиеся многозначностью. Так, например, фразеологическая единица “**рост омадан**” используется в значениях ‘достигнуть чего-то и поравняться’, ‘поравняться’, ‘пройти прямо или идти прямо’, ‘встретиться, встать лицом к лицу’. “Вақте ки савор ба деҳаи Болои Руд наздик расид, ба пеши як боғе, ки аз регпахшкунӣ халос шуда монда буд, **рост омад** [2.1, 211]. — “У селения

Балаи-Руд всадник оказался возле какого-то сада, который был пощажен сыпучими песками” [2.2, 158].

В этом предложении “рост омадан” означает “оказаться”. А в нижеследующем предложении “рост омадан” демонстрирует многозначность и выражает значение ‘встать лицом к лицу, встретиться’: “Эхтимол, то рафтани шумо онҳо гӯсфанданошонро ба чаро гирифта бароранд, ҳозир бачагони мо рамаро ба чаро мебароранд. Ба инҳо таъин мекунем, ба онҳо рост омада гуфта мефиристанд” [2. 2. 227]. — “Но ехать к ним нет нужды. Они, верно, скоро погонят скот на пастбище. Наши ребята тоже сейчас выгонят. Мы скажем пастушатам, они пришлют сюда и Рузи, и Сафар-гуляма” [2.2, 168].

А в этом фрагменте выражение “рост омадан” использовано в значении ‘встретить кого-нибудь’. “Шокир дар он тараф ба хало ёзида, бо офтобае, ки дар пеши оташдон буд, дасту рӯйи худро шуста бо миёнбандаш пок карда, ба пеши Рӯзимурод ва Сафар-Қулом омад. Инҳо ҳам, ки то ҳол рост омадани ўро интизорӣ мебурданд, пештар рафта бо ў вохӯрӣ карданд” [2.1, 230]. — “Он умылся из тяжелого кувшина и поздоровался. — Как ты поживаешь, Рузи? А как ты, Сафар? — Слава богу! Слава богу! — отвечали пастухи. — А вы как?” [2.2, 169].

Однако в нижеследующем тексте “рост омадан” означает ‘находить правильно’, ‘идти правильно’. “Аммо агар ба як тараф нигоҳ карда рафтан гирем, агар рохро гум кунем ҳам, ба ягон кӯраи кӯтан, ё ба сари чоҳе рост омаданамон мумкин аст” [2.1, 285].

Как видим, “рост омадан” — одна из широко используемых в произведениях Садриддина Айни многозначная и продуктивная фразеологическая единица, и здесь упоминалось о четырех случаях ее использования. Следует особо подчеркнуть, что многозначность фразеологической единицы и многозначность словарных единиц различаются. То есть фразеологические единицы отличаются от словарных единиц и по значимости, и по выражению, и по свободным синтаксическим связям. На самом деле выразительные особенности

фразеологических единиц связаны с коммуникативностью, и это чаще и глубже проявляется в тексте и в целом - в сфере употребления, хотя некоторые исследователи фразеологических единиц отделяют выразительные особенности от фразеологических единиц, лишая их изобразительных свойств [162, 160]. Однако ирановед Ю. Рубинчик, отрицая это утверждение, особо подчеркивает, что вопрос выразительной особенности фразеологической единицы до сих пор не изучен, и в современном языкознании должно быть продолжено ее исследование [135, 29].

В произведениях Садриддина Айни эта особенность фразеологических единиц наглядно представлена и требует анализа. Так, фразеологическая единица **“ба чизе нигоҳ кардан”** (буквально: смотреть на что-либо) используется в значениях **“марҳамат кардан”** (проявить щедрость или пожаловать), **“эйтибор додан”** (обратить внимание), **“мушоҳида кардан”** (размышлять), **“мунтазир шудан”** (ожидать), **“дикқат додан”** (сконцентрировать внимание), **“рӯй овардан”** (повернуться лицом), **“поидан”** (поджидать), **“посбонӣ кардан”** (охранять), **“назорат кардан”** (контролировать) и **“нигаристан”** (бросить взгляд). Например, в значении **“марҳамат кардан”** (пожаловать) она используется таким образом: **“Шокир, ки табиаташ андак гирифт карда буд, холо ҳам гоҳо ба осмон, гоҳо ба замин нигоҳ карда ба тарафи дастархон ва ош ҳеч чашм намеандохт. — Ба ош нигоҳ кунед! — гуфт Рӯзӣ ба Шокир”** [2.1, 239]. — **“Шакир задумчиво и невесело смотрел то в ясное высокое небо, то на горячий бесконечный простор пустыни. — Пожалуйте, похлебка остынет! — сказал Рузи”** [2.2, 174].

В некоторых случаях **“нигоҳ кардан”** выступает как составной глагол в значении ‘обратить внимание, пристально смотреть’ и в нижеследующем примере проявляется в форме отрицания ‘не обращать внимания’, ‘искать повод’: **“Чаро қаҳр мекумед, ин чакчадӣ-я, — гуфт ба ӯ Рӯзӣ. Аммо ӯ ба тарафи Рӯзӣ баргашта нигоҳ ҳам накард”** [2.1, 243]. — **“Шакир отмахнулся с расстроенным видом: — Ешьте сами”** [2.2, 174].

В другой ситуации “нигоҳ кардан” означает ‘пристально и внимательно разглядывать’, ‘рассуждать’: “Дар дахлезии хафтболор, дар зери нури лампаи овезаи сеюм як тӯда деҳқонон ва чӯпонони даридаҷома нишаста буданд, ки инҳо якдигарашонро паҳш карда ва сару гарданашонро ҳамонда аз болои остонаи дахлез ба даруни меҳмонхона нигоҳ мекарданд” [2.1, 248]. — “Небольшую прихожую битком набили крестьяне и пастухи, одетые в рваные ветхие халаты. Крестьяне сидели тут при свете тусклой лампы и, наваливаясь друг на друга, вытягивая шеи, опуская головы до полу, заглядывали в комнату через щель, светившуюся между порогом и дверью” [2.2, 180].

Глагол “нигоҳ кардан” употребляется также в значениях ‘повернуть лицо’ и определенного ритма движения. Следует заметить, что в указанном случае фразеологическое выражение “нигоҳ кардан” употребляется вместе с глаголами типа “рафтан” (идти), “ҳаракат кардан” (двигаться), “давидан” (забегать), “тохтан” (бегать), например: “Коргарон ба тарафи вокзал нигоҳ карда ба роҳ афтоданд” [2.1, 271]. — “Народ пошел к вокзалу” [2.2, 194].

Таким образом, в приведенном ниже примере оно обозначает направление и способ движения: “Ҳар вақт, ки поезд омад, ба вагонҳо нигоҳ карда медаванд, раванда ва ояндагон агар бори боркардани, ё фурувардани дошта бошанд, мебардоранд ва аз онҳо панж-дах тин мегиранд” [2.1, 280]. — “Носят с поезда грузы и зарабатывают только по гривеннику, а то и по пятаку — на одну, на две лепешки. Усядутся тут же и едят, а сами глаз не сводят с дороги. Как поезд покажется, опять кидаются к вагонам” [2.2, 201].

А в следующем предложении данный глагол означает обращение: “Ба мардум, ки бақияи ҳикояро интизори бурда истода буданд, нигоҳ кард: — Ҳар ки хезад, гуноҳаш резад, — гуфт” [2.1, 307]. — “Затем, поглядев на людей, сидевших на корточках в ожидании его рассказа, он крикнул: — С каждого, кто встанет, да упадет его грязь!” [2.2, 217].

В равной степени “нигоҳ кардан” может быть использовано и в значении ‘дождаться’. В приведенном ниже примере оно употребляется в форме отрицания: “Агар бетартибӣ намешуда бошад, ба ман сухан диҳед, гуфт ва ба рухсати ӯ нигоҳ накарда сухан сар кард” [2.1, 598]. — “Тогда поднялся Нормурад и попросил слова. И, не дожидаясь согласия председателя, заговорил” [2.2, 393].

А в этом фрагменте “нигоҳ кардан” выражает склонность не обращать внимания, однако на самом деле или преимущественно оно означает ожидание:

“Фотима!

— ...

— Фотима!

— ...

— Ба ман нигоҳ кун!

— ... Фотима, маро бубахш!” [2.1, 582]. —

“— Фатима!

Она молчала. Руки быстро, чуть нарушая принятый ритм, собирали урожай.

— Фатима!

Она молча продолжала работать.

— Слушай, Фатима! Прости меня, Фатима! Я виноват” [2.2, 383].

В романе «Фуломон» (Рабы) можно констатировать наличие множества фразеологических единиц, выражающих многозначность. Проанализировав некоторые из них, в заключение определим их особенности.

Фразеологическое выражение “роҳ надодан” (буквально: не давать дороги) означает ‘мешать, не допускать, предотвращать, не давать возможности, не давать разрешения’. В приведенном ниже примере оно использовано в значении ‘не допускать, мешать’: “Ман ҳоло намураам, — гуфт бандии нав бо овози паст даҳанаширо ба гӯши бандии хатирчиги часпонида, — ба кушта шудани шумо ҳам роҳ намедихам” [2.1, 314]. — “А

я не собираюсь умирать! — тихо ответил новый узник. — Не дам и вас убивать!” [2.2, 221].

В следующем примере фразеологическое выражение “роҳ надодан” означает ‘не давать возможности’: “Ин хари сабилмонда, — гуфт як хезумкаш, дар ҳолате ки сари хараширо дар миёнаи пойҳои пешаш гирифта истода аз сақираш тела меод, — ба гурехтан ҳеч роҳ намедиҳад” [2.1, 285]. – “Осел не дает мне бежать! Уверен, как пень!” [2.2, 204].

С. Айни обладает своеобразной творческой индивидуальностью, неповторимой манерой письма, язык его оригинален по стилю.

Как видим, писатель, очень тонко подходя к использованию фразеологических единиц, в своих художественных произведениях всегда демонстрировал скрытые возможности народного языка. Если обратить внимание на приведенные примеры, то все они соотносятся с речью героев. Садриддин Айни всегда чувствовал в народном языке его потенциальную мощь и богатство и бережно сохранял его. “Садриддин Айни при определении положения таджикского литературного языка брал за основу то, чтобы прежде всего служить таджикскому народу, новому обществу на основе идей того времени, которые выражали стремление к новой жизни. Поэтому его язык, выражая образ жизни, психологию и своеобразие таджикского народа, стал приобретать национальное своеобразие” [133, 14]. Да, по сути, исследователь прав, Садриддин Айни воспринимал язык и народ как две стороны одного понятия. Поэтому художественные произведения Садриддина Айни реалистичны, очень близки к народной жизни и во многих случаях тождественны с жизнью его народа. Заслуга Садриддина Айни как народного героя, писателя с мировым именем, корифея словесности состоит в том, что он значительно обогатил современный таджикский литературный язык. Далек не каждому дано поднять и выразить такое обилие значений и смыслов, такой пласт словесности, каким являются фразеологические единицы.

Наряду с фразеологическими единицами, отличающимися многозначностью, выше уже проанализированными нами, необходимо отметить ряд полисемических фразеологических выражений, которые даются ниже с толкованием и указанием страниц книги. К этой группе фразеологических единиц относятся следующие: “**фаро гирифтан**” (буквально: охватить, или включать в себя) (209) в значении “пахн шудан” (расширение), “**фаро гирифтан**” (231) в значении “пур кардан” (заполнять, или дополнять), “**сар задан**” (205) в значении ‘появление’, ‘образование’, “**сар задан**” (113) в значении ‘отрезать голову’ или ‘полоснуть по шее’, “**нигоҳ доштан**” (256) в значении ‘дать крышу над головой’, “**нигоҳ доштан**” в значении ‘соблюдать’ (дисциплинаро нигоҳ доштан — соблюдать дисциплину), “**нигоҳ доштан**” (298) в значении ‘укрывать, оставлять про запас’, “**дароз кашидан**” (280) в значении ‘лечь на землю боком’, “**дароз кашидан**” (280) в значении ‘продолжать долго’ и т. п.

В заключение стоит отметить, что многозначность является важной особенностью фразеологических единиц, оказывающей влияние на глубину изложения мысли и выразительность текста. Следует подчеркнуть также и то, что большинство фразеологических единиц, отличающихся многозначностью, имеют глагольную основу. “Среди фразеологических единиц основную группу составляют фразеологизмы глагольного характера. В персидском (в том числе и таджикском — А.Ш.) языке они очень широко используются, и это не случайно, ибо этот язык является особо категоризованным типологически аналитическим языком. В языках аналитического типа такое явление, как многозначность глаголов и, исходя из этого, многозначность фразеологических единиц глагольного характера — очень распространено” [135, 113]. Таким образом, многозначность фразеологических единиц глагольного типа эффективно используется на практике, и все коммуникативные функции основного значения возлагаются именно на глаголы. По этой причине глаголы и

фразеологические единицы глагольного характера оказывают большое влияние на формирование смысловой универсальности фразеологизмов.

Смысловая универсальность фразеологических единиц проявляется и в том, что они обладают синонимическими, омонимическими и антонимическими особенностями, которые еще больше расширяют возможности их использования.

2.2. Синонимия фразеологических единиц

Известный русский ученый В.В. Виноградов писал, что «стилистика общенародного, национального языка рассматривает соответствующие языковые явления с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения, а также с точки зрения соответствия экспрессивных красок и оттенков разных речевых явлений» [26, 66].

Синонимия является одним из актуальных проблем языкознания, которая никогда не утратит свою теоретическую и практическую ценность. Данное явление можно наблюдать не только в лексике, но и в других частях языка: фразеологии, морфологии, синтаксисе. В частности, во фразеологии разноструктурные конструкции (имеется ввиду сочетание, словосочетание, предложение – А.Ш.) вступают между собой в синонимические отношения и служат для определенных стилистических целей: избежание от повтора одной и той же единицы, подчеркивания значений друг друга, уточнения семантики, придания оригинального оттенка объекту описания, раскрытия характерных черт персонажей и героев и т.д.

Фразеология — один из наиболее сложных, одновременно интересных разделов языкознания. Кроме того, еще мало разработанной проблемой остаются речевые и смысловые особенности фразеологических единиц. В этом отношении значительное место

отводится синонимии фразеологических единиц. Таджикский языковед Х. Маджидов, говоря о синонимии фразеологических единиц, высказывает такое мнение: “Две или более фразеологические единицы, близкие друг другу по фразеологическому значению и имеющие одинаковое происхождение, но отличающиеся друг от друга по художественной выразительности и статусу употребления, называются фразеологическими синонимами” [98, 55].

Садриддин Айни продемонстрировал высокое мастерство в области использования фразеологических единиц. Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что его фразеологический запас очень богат. Об этом свидетельствует использование им различных видов фразеологических единиц и множества их вариантов при выражении одного и того же значения. Кроме того, использование в его сочинениях разнообразных источников говорит о том, что при этом стиль писателя претерпевал эволюцию [84, 135].

Фразеологические единицы, имеющие вышеназванные особенности, являются фразеологизмами, которые выражают общее значение и близки между собой. В художественных произведениях Садриддина Айни использованы синонимические фразеологические единицы, и их анализ позволяет сделать вывод о том, что при их использовании ярко проявились художественное мастерство писателя и его языковедческий талант. Об этом утверждают и другие исследователи, в чьих работах объектом исследования становились отдельные произведения писателя [111].

Говоря о синонимии фразеологизмов, таджикский языковед М. Курбонов подчеркивает, что “фразеологические синонимы не совпадают с вариантами фразеологизмов. Фразеологические синонимы отличаются и по словарному составу, и по стилистической окраске. Экспрессивно-эмоциональные оттенки у одних более слабые, а у других выражены ярче” [84, 88].

Таким образом, исследователь убежден в том, что экспрессивно-эмоциональные оттенки фразеологических синонимов имеют особые отличия, а вариантов фразеологизмов – весьма близки. В этой связи следует указать, что одна или несколько фразеологических единиц, являющихся созвучными, наряду с этим имеют свои варианты. В романе Садриддина Айни “Рабы” можно отметить множество фразеологизмов, которые являются синонимами. Так, к примеру, фразеологическая единица “дар андешаи саргум фурӯ рафтан” (566) созвучна с фразеологизмом “ба дарёи хаёл гӯтавар шудан” (352) и наряду с этим фразеологизм “ба хаёлот ғарқ шудан” (579) является синонимом первого фразеологизма и используется как вариант второго. А теперь проанализируем контекст: “Агар ӯ то ба хона даромадани Ҳасан аз хоб бедор шуда он чумлаҳоро пок карда напартофта бошад, дар ин бора чӣ мегуфта бошад? — гӯён дар ташвиши сахт ва **андешаи саргум фурӯ рафт**” [2.1, 566].

В приведенном примере нас привлекает основной компонент “ба андешаи саргум фурӯ рафтан”, который может быть синонимом фразеологической единицы “ба хаёлот ғарқ шудан”, поскольку “андешаи саргум” и слово “хаёлот” имеют одно и то же значение, так же, как и “фурӯ рафтан” и “ғарқ шудан”. То есть эти две фразеологические единицы использованы для выражения близких между собой понятий и являются синонимами. Фразеологизм “ба хаёлот ғарқ шудан” в тексте использован аналогичным образом: “Дар ҳақиқат ҳам, Фотима мошинавор кор мекард, ӯ боз ба **хаёлот ғарқ шуда рафт**” [2.1, 579]. — “Она работала, словно вела какой-то замечательный, четкий, быстрый танец. Но мысли ее летали, как ласточки, вокруг Хасана” [2.2, 381].

В обоих случаях подразумеваются значения ‘раздумывать’ и ‘мыслить’. И только при использовании этих фразеологических единиц изображение ситуации и в целом событий становится глубже, более индивидуализированным и выразительным. Так, если фразеологизм “дар андешаи саргум фурӯ рафан” указывает на состояние полного отчаяния

человека, то фразеологизм “ба хаёлот ғарқ шудан” — на ограничение мысли, т. е. на размышление о какой-то вещи, однако в обоих случаях они передают общий смысл. Фразеологизм “ба хаёлот ғарқ шудан” использован также в форме “ба дарёи хаёл ғарқ шудан”, что свидетельствует о его многовариантности. В этом случае в одном из компонентов данных фразеологизмов можно наблюдать явление синонимии: с одной стороны, слово “ғарқ” арабского происхождения, с другой — “ғўтидан /ғўта”, являющиеся синонимами. Пример: “Чаро ӯ имшаб ин қадар дер монд-а? — гуфт ва ба ситорагоне, ки болои сараш дурахшида нури худро пошида меистоданд, чашм дӯхта **ба дарёи хаёл ғўтида рафт**” [2.1, 352].

О многовариантности фразеологических единиц речь будет идти в отдельной главе, а здесь мы более подробно рассмотрим вопрос взаимодействия различных вариантов.

Фразеологические единицы “калонӣ фуруҳтан” и “аз бинӣ боло гап задан” означают ‘горделивость’, ‘испытывать гордость и самодовольство’. Пример: “Агар хамин вақт амлокдорат ё қозият, ё хоҷӣ Латиф девонбегиат, ки дар пешгоҳи меҳмонхонаи бой нишаста ба фуқаро **калонӣ фуруҳта истодаанд**, ба яке аз моён ягон даҳан гап зада бинад-чӣ? Мо хамагӣ даррав каҳр карда меравем, дар он вақт хамаи асп ва аробахояшон беодам мемонад” [2.1, 246]. — “Пускай теперь твой амлякдар, казий или хоть Хаджи Латиф-диванбеги, что сидят сейчас в приемной и чванятся и кичатся перед народом, пускай скажут хоть одно слово вам не по праву, мы сейчас же рассердимся и уйдем. И тогда им самим придется ломать голову, что делать с лошадьми и арбами! Сами пусть чистят и запрягают” [2.2, 178].

Так как чванство, горделивость, высокомерие являются негативными качествами, для их выражения используются фразеологические единицы с отрицательным содержанием, выразительно характеризующие их обладателей. Кстати, фразеологическое выражение “аз бинӣ боло гап задан” характеризует

как отрицательных героев, так и безнравственное поведение. “Хуррият хамин аст, ки, — гуфт Шокир, — бой, бечора, мулло, авом, гулом, асилзода, кофир ва мусулмон хама баробар мешаванд. **Ў ба ҳеч кас аз бинӣ боло гап зада** наметавонад. Чунончи, хозир мову шуморо аз ҳар ду даҳон гап дар як даҳанаш “гулом”, “бадраг” ва “сагзот” гуфта дашном медиҳанд. Дар замони хуррият ана хамин гуна гапҳо бархам мехӯрад” [2.1, 236]. — “Когда богач, бедняк, неграмотный раб, свободнорожденный, неверный и мусульманин станут равны между собой, тогда никто никому не посмеет приказать, — вот это свобода. Например, нас с вами через каждые два слова попрекают тем, что мы “рабы”, “низкорожденные”, потомки рабов. А при свободе такие слова будут уничтожены” [2.2, 172].

Естественно, использование фразеологических единиц обусловлено местом слов говорящего, их особой выразительностью и содержанием.

Понятия чванства, высокомерия, горделивости по своему содержанию близки к действиям ‘придираться к кому-либо’, ‘унижать кого-либо’, ‘поносить кого-либо’, и для выражения их смысла используются особые фразеологические единицы, составляющие одну синонимическую группу. Ниже мы рассмотрим это на отдельных примерах.

Ака Эргаш дар замони амир дар ҳар кор аз ман бадгумон шуда, ба ман дарафтида, **ба рӯям давида мегашт**. Бо вужуди ин ман аз вай наранжидам” [2.1, 341]. — “Вот Эргаш-ака в эмирское время во всех несчастьях обвинял меня. Даже руку на меня поднял. А я не сержусь. Я простой, зла не помню” [2.2, 238].

В приведенном примере фразеологическая единица “ба рӯй давидан” означает ‘придираться к кому-либо’ или ‘наезжать на кого-либо’. Эти значения находят свое выражение и в ряду других синонимов. “Оҳ... агар замонҳои пеш мебуд, ман ба ин тавр канизакзодагон обкаширо ҳам намефармудам. Акнун **ӯ ба ман пешхезӣ мекунад**” [2.1,

590]. — “Эх, мне бы прежнее время, — я ей дала бы работу! Она бы у меня поработала! А теперь смеет еще смеяться!” [2.2, 388].

Как видим, в данном примере фразеологическая единица “**ба касе пешхезӣ кардан**” означает ‘наезжать на кого-то’, ‘нападать на кого-либо’, а ее основной смысл в тексте — ‘придираться к кому-либо’, ‘проявить горделивость по отношению к кому-либо’, ‘ставить себя выше кого-либо’, т. е. этот фразеологизм является многозначным или полисемическим.

Ряд фразеологических синонимов “гӯш додан”, “ба касе гардан додан”, “ба касе гардан фаровардан” писатель использовал в соответствующих ситуациях в форме отрицания. “Албатта, ин кор ба осони ба амал наёмад, барои аз худ кардани номи нав, ватани нав, асосҳои мазҳаби нав ва “забони модарии нав” якчанд рӯз машқ кардан ва дарс гирифтани даркор буд. Баъзеҳо саркашӣ карда ба ёд гирифтани ва азхуд кардани инҳо **гардан намефароварданд** ва забони баъзеи онҳо ба лаҳҷаи нав ҳеҷ намегашт” [2.1, 43]. — “Это давалось нелегко. Ушло несколько дней, пока люди забыли свое имя и запомнили новое, пока отвергли основы прежней веры и приняли новые основы, пока родным языком не стал персидский. Некоторые упрямылись, у других язык не мог произносить непривычные звуки. Упрямец исправляли плетками, языки, неподатливые к чистому произношению необходимых слов, калечились” [2.2, 44].

“Үй бачаи шум! — гуфт, — ҳеҷ **гардантобӣ ва ноухдабароӣ нишон надода**, чизҳоеро, ки ба ту ёд медиҳанд, омӯхтани гир. Ҳанӯз аз хотир бояд набароварда бошӣ, ки дар боғи худат, дар вақте ки **ба сухани ман гӯш надода** гиря кардӣ, қариб буд, ки туро бидушам. Агар боз **гардангафсӣ карда**, ба сухан гӯш надиҳӣ, на ин ки танҳо забонатро кашида мегирам, ҳатто саратро ҳам канда ҳаво медиҳам” [2.1, 44]. — “Учись без упрямства, негодяй! Повинуйся тому, чему тебя учат. Забыл, как чуть не убил тебя в саду, когда ты вздумал реветь. То было в твоём саду, когда

ты не слушался, плакал. Будешь упрямец, я тебе не только язык вырву, я голову с тебя сорву” [2.2, 44].

Как видим, отфразеологизмы “саркашй кардан”, “гардангафсй кардан” и фразеологические выражения “гардан нафаровардан”, “гардантоби нишон додан”, “ба сухан гӯш надодан” использованы в значении ‘не выполнять какой-либо работы, отказаться от выполнения той или иной работы, приказа, указа или поручения’. И в этом случае выражение “ба лахцаи нав ҳеҷ нагаштани забон” приобрело новую смысловую и стилистическую окраску в дополнение к своему основному смыслу — ‘неумение разговаривать на чужом языке’, что также означает ‘приспособление естества человека к чужим нормам и обычаям’. По этой причине данная фразеологическая единица по смысловой и стилистической выразительности близка к приведенным выше фразеологизмам. В произведениях писателя можно встретить и другие синонимы. Например: “Магар намебинй? Ин хуни ту аст! Ҳозир андакашро рехтам. Агар баъд аз ин боз **сари нобошамиро гирифта, ба гап гӯш надихй**, ҳамаи хунатро мерезам, дар он вақт мурда мемонй, — гуфт ва ба бандиён нигоҳ кард” [2.1, 29]. — “Видишь свою кровь? Будешь кричать, всю твою кровь пролью до смерти” [2.2, 34].

В отмеченном примере выражение “сари нобошамиро гирифта” означает ‘упрямиться, уклоняться, отказываться выполнять чей-либо приказ или поручение’. Этот фразеологизм не встречается в словарях, писатель заимствовал его из сокровищницы живого народного языка и ввел в литературно-художественный оборот. В другой ситуации это выражение используется в форме “ба гап гӯш надодан”. В литературно-художественном языке такие случаи одновременного использования редко употребляемых фразеологизмов наряду с широко распространенными — явление обычное. Писатель, чтобы не повторяться, часто использует семантические варианты фразеологических единиц, преимущественно различные фразеологические синонимы. Включая по необходимости в свое

произведение фразеологические единицы отдельных региональных языков и их диалектов, он стилистически точно передает их смысл и содержание, обогащает их выразительность и стилистические особенности, придает им прицельное воздействие. Эту группу фразеологических единиц он использует в форме утверждения, и это помогает понять смысл и содержание большинства из них. Например: “Дисциплинаро нигоҳ доштан ва ба интизоми ҳарбӣ **гардан додан даркор** аст, рафиқон! — гуфт *ӯ* ва давом кард” [2.1, 265]. – “Товарищи! Первое дело — дисциплина! Пусть подойдут те, кто умеет метко стрелять” [2.2, 191].

Фразеологическое выражение “гардан додан” использовано в значении подчинения, соблюдения, послушания, исполнения, т. е. является в этой фразе довольно уместным.

Важно отметить и то, что каждая фразеологическая единица в синонимическом ряду имеет свои индивидуальные особенности и занимает особое положение. “По причине того, что фразеологические единицы синонимического ряда по своей семантике и художественной выразительности подразделяются на разные группы, каждый фразеологизм синонимического характера, в свою очередь, своими тончайшими смысловыми оттенками отличается от других членов этого ряда. Большинство фразеологизмов синонимического характера указывает на какой-либо один аспект выражаемого понятия. Тот или иной фразеологизм синонимического ряда не всегда может целиком обозначить это понятие” [98, 58].

Таким образом, фразеологические единицы занимают своеобразное положение в синонимическом ряду, и их употребление зависит от ситуации. По приведенным ниже примерам мы сможем оценить это явление в каждом отдельном случае. “Барои ин ки, — гуфт имом, — вақте ки каси дигари омада ижрои ин вақфро зиёд карда мегирад ва Орифи рангубор аз миёна мебарояд, он **дасти хушк намонад**, хароҷоти ба козихона ва васиқакардааш ширинкомаи ба мадраса додааш насӯзад ва

чанд рӯзе, ки дар пай ин кор сарф кардааст, муфт наравад” [2.1, 181]. — “Потому что, если придет кто-нибудь другой и даст за аренду дороже, Ариф выпадет из дела. Чтоб он не остался с пустыми руками, этой тысячью мы возмещаем ему расходы по составлению договора у судьи и затраты, сделанные им в медресе при заключении сделок” [2.2, 139].

“Яъне ҳазор танга ба ҳаво рафт, — гуфт он одам. — Хуб, шумо он маблағро ба ҳаво рафта шуморед, — гуфт имом ва боз ҳикояи худро давом дод” [2.1, 181]. — “Это я тоже понял. Одну тысячу бросили на ветер. — Считайте, что деньги выброшены на ветер, — ответил имам и продолжил” [2.2, 139].

“Дар ин миён кулчаҳои ширмоли ман сӯхт, — гӯён ин ҳам гурехт” [2.1, 178]. — “Зря пропали мои молочные лепешки, — с досадой проговорил дервиш. Вскочив в седло, он ускакал от места...” [2.2, 137].

В приведенных примерах фразеологизмы “дасти хушк мондан”, “харочоту ширинкома сӯхтан”, “чанд рӯз (меҳнат – А.Ш.) муфт рафтан”, “ба ҳаво рафтан”, “кулчаҳои ширмол сӯхтан” стоят в одном синонимическом ряду и имеют общее значение — ‘бессмысленная трата денег и напрасные затраты труда’, ‘много тратить — трудиться зря’; часть из них употребляется в форме отрицания и часть — в форме утверждения. Они отличаются друг от друга по положению в тексте, стилистическим особенностям, художественной выразительности и особому способу воздействия. По выразительным особенностям языковед Х. Маджидов подразделяет фразеологизмы на две группы: 1) родственные фразеологические синонимы; 2) фразеологические синонимы с близким значением [98, 56-57].

Так, например, ряд фразеологизмов “харочот сӯхтан”, “ширинкома сӯхтан”, “ҳазор танга ба ҳаво рафтан”, “кулчаи ширмол сӯхтан” созвучны друг с другом. Наряду с этим упомянутые фразеологизмы во фразеологических единицах “дасти хушк мондан” и “муфт рафтан” являются близкими по смыслу.

Фразеологизмы синонимического характера в произведениях Садриддина Айни используются весьма разнообразно, изящно, выразительно, эффектно, уместно, прицельно. Разнообразие синонимических фразеологизмов в романе “Рабы” свидетельствует о богатстве словарного и языкового запаса писателя. Благодаря использованию фразеологических синонимов язык произведения становится душевным, привлекательным и увлекательным, он не наскучит ни одному любителю словесности, наоборот, еще больше привлечет его внимание. Фразеологические синонимы индивидуализируют речь различных персонажей, указывают на их особый статус, положение и мировоззрение. Кроме того, фразеологические единицы в синонимическом ряду обладают особой выразительностью: выражения “хазор танга ба ҳаво рафтан” и “дасти хушк мондан” могут служить прекрасным доказательством этого.

Садриддин Айни в своих произведениях всегда стремился избежать от повтора одной и той же единицы и чаще обращался к их синонимам. Данную стилистическую цель осуществлял различными способами. К примеру, в следующем отрывке писатель употребляет фразеологические синонимы – *тушбераро хом шумурдан, чӯчаро дар вақти сихпариаиш ба ҳисоб гирифтаи* и обобщает их результат другим фразеологизмом – *фоидаи хаёли*:

Хулоса, ҳосили кори ғуломони чавон **фоидаи нақд аст**, аммо ғулом ва канизони хоназод **рӯёндан аз инҳо бошад, тушбераро хом шумурдан** ва ё ин ки **чӯчаро дар вақти сихпариаиш ба ҳисоб гирифтаи** барин як **фоидаи хаёлист** (2.1, 115) // Одним словом, результат труда молодых рабов – это наличная прибыль, однако производить от них доморощенных рабов и служанок, всё равно что допускать просчет или же считать птенцов во время оперения. Это пустое дело³.

Фразеологическая единица *чӯчаро дар вақти сихпариаиш ба ҳисоб*

³ Поскольку переводы некоторых отрывков не соответствуют исходному тексту, автор предлагает свой авторский перевод для правильного восприятия содержания оригинала.

гирифтан сформирована на основе поговорки *чўчаро дар тирамоҳ мешуморанд* и проявляет синонимичность с фразеологизмом *тушбераро хом шумурдан*. *Чўчаро дар вақти сихпариаиш ба ҳисоб гирифтан* обозначает «о хороших и плохих результатах нужно рассуждать по окончании работы» [224, 422]. *Тушбераро хом шумурдан* охватывает следующие значения: 1. Неоценить объективно достоинство и силу кого-л.; 2. Считать легким что-л.; 3. Незрело рассчитывать, быть нерассудительным [224, 209]. Оба фразеологизма как и пословицы и поговорки употребляются при определенных жизненных ситуациях. Чаще встречаются в современной литературе.

С. Айни в своём творчестве мастерски применял всевозможные выразительные средства. Например, в словосочетаниях *ба тақдири худовандӣ розӣ нашудан* и *аз сарнавишт шикоят кардан* (не покоряться судьбе) слова *тақдир* и *сарнавишт* (судьба, рок, участь), *рози нашудан* и *шикоят кардан* (не соглашаться, жаловаться) проявляют идентичность между собой. Вышеназванные словосочетания также однозначны и в семантическом плане:

– *Лекин ба тақдири худовандӣ розӣ нашудан ва аз сарнавишт шикоят кардан ҳам кори одамони мусулмон нест. – Оре, ба қазо ризо шудан даркор аст, – гӯён имом сухани бойи тоторро қувват дод* [2.1, 118]
// – Однако не покоряться судьбе и жаловаться на неё – это не мусульмански. – Конечно, следует покориться судьбе, – сказал имам, подтверждая слова татарского бая.

Обычно, подобные выражения поучительного характера звучат из уст пожилых, в том числе верующих, во время какого-либо происшествия (чьей-либо смерти). Эти слова принадлежат татарскому баю. В речи имама писатель применяет ФЕ *ба қазо ризо шудан* (вариант ФЕ *ризо ба қазо додан*) в качестве ответа на его слова.

Писатель во всех своих произведениях стремится употребить единицы языка в новых обликах, ещё ярче, образнее и эффектнее. Этим способом он наглядно демонстрирует лексико-фразеологические

синонимы *ба чаши тофтан* и *намудан* и их варианты *ба назар тофтан* и *намоён гардидан* (шудан):

Охирҳои моҳи ҳамал буд, осмон ба чашимо монанди баҳри софи ором обيرانг метофт. Дар ҳаво гоҳо парчаҳои абр намоён шаванд ҳам, инҳо ба тарзи киштиҳое менамуданд, ки дар баҳри бепоён шинокунон гашта бошанд; гоҳо борон ҳам меборид: аммо донаҳои ин борон бо акси офтобе, ки дар он вақт аз канори дигари осмон намоён мегардид, ба назарҳо ба ранги марворидҳои дурахшон метофтанд [2.1, 127] // Была середина месяца апреля, небо было казалось цветом чистого спокойного моря. Хотя иногда в нём показывались кусочки облаков, они выглядели как корабли, плавающие в бесконечном море; иногда шел дождь; но капельки этого дождя и отражение солнца, показавшееся с другой стороны неба, бросались в глаза, подобно ярким жемчужинам.

Фразеологизмы *ба чаши тофтан* и *ба назар тофтан* (бросаться в глаза) нейтрально, т.е. без каких-либо оттенков выражают смысл и являются широко употребляемыми. Данные устойчивые обороты в разговорной речи встречаются как *ба (дар) назар намудан*. Их лексический синоним также нейтрален, значит, стилистически не окрашен.

Глагол *ҳақорат кардан* и ФЕ *ба касе, чизе забон расондан* применены последовательно в целях дополнения значений друг друга:

– *Уламоро ҳақорат кард, ба шарият забон расонид* [2.1, 190] //

Обидел улемов и оскорбил шарият.

И в этом случае лексико-фразеологические синонимы дополняют и подчеркивают значение. *Ҳақорат кардан* «оскорблять» и *ба касе, чизе забон расондан* «говорить плохо о ком-то». При других обстоятельствах они имеют значение «иметь дело, отношение, делать замечания». Лексический синоним употребим во всех стилях, ФЕ же в свою очередь – только в письменной речи. Оба выражают нежелательное действие.

ФЕ *сар бардоштан* (восстать), глагол *хезондан* (поднять) и ФЕ *ба балво афтондан* проявляют синонимичность в общем значении «поднять

мятеж»:

Магар гуломон ва эронӣни атрофи Когонро надидед, ки бо бардошта шудани воқеаи ҷадидӣ бо игвои Мулло Шарифи гурбунӣ ҳама сар бардоштанд. Мулло Шарифи гурбунӣ онҳоро чӣ гуна хезонда ба балво афтонда метавонад [2.1, 204) // Разве вы не видели рабов и иранцев в округе Кагана, которые с началом джадидских событий с провокацией Муллы Шарифа гурбунского все подняли головы (восстали). Как Мулла Шариф гурбунский сможет их поднять на восстание?

Сар бардоштан значит в числе тех ФЕ, которые используются в прямом и переносном значениях и в вышеупомянутом примере обозначает совершенное однократное действие. Писатель параллельно с ФЕ применяет свободную синтаксическую конструкцию – *бардошта шудани воқеаи ҷадидӣ* (начало джадидских событий) и удерживает внимание читателя. Глагол *хезонда тавонистан* (уметь поднять) и ФЕ *ба балво афтонда тавонистан* – это ещё не выполненное действие. Данные синонимы имеют ограниченный круг употребления в значении, отраженном в тексте и употребляются при описании исторических событий. Глагол *хезондан* употребляется чаще, нежели фразеологизм (потому что обладает политическо-социальным оттенком).

Таким образом, синонимия фразеологических единиц в языке требует специального исследования. Как лингвистическое явление синонимия фразеологических единиц в некоторых случаях связана с их многозначностью, т. е. некоторые фразеологические единицы наряду с многозначностью приобретают характерные признаки синонимов.

В произведениях устода Айни, в частности в романе «Рабы», наблюдается синонимические ряды, которые точно и отчетливо выражают замысел автора. При использовании указанных единиц писатель применяет различные способы и при этом, он целенаправленно выбирает и употребляет фразеологизмы. Всё это свидетельствует о его высоком мастерстве и совершенных знаниях по своему родному языку.

Синонимия фразеологических единиц в языке требует специального исследования. Как лингвистическое явление синонимия фразеологических единиц в некоторых случаях связана с их многозначностью, т. е. некоторые фразеологические единицы наряду с многозначностью приобретают характерные признаки синонимов.

2.3. Антонимия фразеологических единиц

Явление противоположности значений фразеологических единиц в языке есть отражение реальной жизни, и в результате изображения противоположных явлений любое высказывание становится более понятным. Более того, не подлежит сомнению, что большинство фразеологических единиц имеют свои антонимические смысловые варианты.

К их числу относятся “роҳи рост” — “роҳи қач” (буквально: правильная дорога — кривая дорога, т. е. верный путь — ошибочный путь), “дили нарм” — “дили сахт” (буквально: мягкое сердце — жесткое сердце), “дасти дароз доштан” — “дасти кӯтоҳ доштан” (буквально: иметь длинные руки — иметь короткие руки). Кстати, в таджикском языке антонимия фразеологических единиц считается одним из широко распространенных явлений.

Особенность фразеологических единиц антонимического характера еще более ярко проявляется в том, что один из составных компонентов фразеологической единицы может выступать как основной фактор противоположного значения фразеологизма. “Основную группу фразеологических антонимов составляют фразеологические единицы с противоположным значением. Фразеологические антонимы, как и фразеологические синонимы, могут быть противопоставлены друг другу по образованию и лексическому составу. Как правило, противоположный смысл могут выражать два компонента фразеологических выражений, относящихся к одной части речи. Кстати, выражения глагольного характера “дили касеро бардоштан” и “дили

касери шикастан”, “ба роҳ андохтан” и “аз роҳ задан”, “ба осмон бардоштан” и “ба замин задан” относятся к их числу” [98, 62].

Художественные произведения Садриддина Айни — отражение оригинальности живого диалектного языка и таджикской речи. Писатель хорошо знает стилистические и смысловые особенности и возможности фразеологических единиц и использует их таким образом, что читатель сразу же понимает суть его замысла и в то же время ощущает эмоциональное воздействие.

Фразеологические антонимы играют заметную роль в произведениях Садриддина Айни. Мы попытаемся на разнообразных примерах обстоятельно проанализировать случаи использования фразеологических антонимов. Так, фразеологические антонимы “гап фуруҳтан” и “гап чиндан” использованы в соответствующих примерах.

“Як мирзои кухнаи хуашро дар колхоз мудирӣ хоҷаги карда гузаронидааст. Сафар акем, ки ба ёбон баромада рафтанд, ӯ ба идораи колхоз меравад, ба мудирӣ хоҷаи нишаста **гап мефурушад** ва мол мехарад” [2.1, 509]. — “Целые дни там сидит, — своего прежнего писаря проташил завхозом, а как только дядя Сафар выедет на поле, так Хаджиназар садится в правлении и рассуждает с завхозом, как дальше жить” [2.2, 341].

Наглядность этого примера проявляется в том, что писатель смог фразеологизм со свободным синтаксическим выражением перевести в противоположное значение. То есть “гап фуруҳтан” в значении ‘говорить о том о сем, говорить бессмыслицу, сообщать кому-либо ложные и правдивые вести’ противоположно по значению выражению “мол фуруҳтан”. В этом случае противоположность значений проявляется в основном в глаголах “фуруҳтан” и “харидан”.

Выражение “гап чиндан” в отдельных случаях имеет значение, противоположное значению фразеологического выражения “гап фуруҳтан”: “Хуб, рав акнун. Ҳар вақт, ки дастархонро ғундошта ба чойнӯши нишастанд, агар рӯи ҳавлии берун беодам бошад, рафта ба

пушти дар нишин, **хар гапе, ки гӯянд, ягонтоашро ҳам нагурезонда чида гир.** Онҳо, ки хобиданд, омада ба ман гуфта медиҳӣ” [2.1, 354]. — “Ладно, иди. Когда уберешь скатерть и подашь чай, стань за дверью и слушай, если во дворе никого не будет. Смотри, не пропусти ни слова, а когда улягутся и заснут, приходи сюда” [2.2, 246].

Фразеологическое выражение “гапро нагурезонда чида гирифтаг” означает ‘внимательно слушать и запоминать чьи-нибудь слова с целью рассказать об этом другому лицу’, и наиболее известной его формой является “гап чидан”. В “Словаре фразеологических выражений” М. Фозилова фразеологические выражения “гап фурӯхтан” [223, 174] и “гап чидан” [223, 190] выступают в указанном выше значении.

В некоторых случаях слова “гап” и “сухан” использованы как синонимы. Например, в романе Садриддина Айни встречаются фразеологическая единица “гапро кӯтоҳ кардан” и ее антонимическая форма “гапро дароз кардан” со словом “сухан”: “Ана, — гуфт козӣ, — **сухани худро кӯтоҳ карда,** — ман аз қозикалони маъзул — Бурҳониддин махдум ва аз вакилҳои муллоён — чаноби домолло Қутбиддин ва домолло Холмурод ба хамин мазмун хат гирифтаг” [2.1, 202]. — “И вот получил я ответ отставленного от должности главного казия Бухары Бурханиддин-Махдума и от высоких мулл, от Кутбиддина и от Халмурада письмо, где сказано...” [2.2, 153].

В указанном примере фразеологическое выражение “суханро кӯтоҳ кардан” означает ‘сказать кратко, быстрее закончить беседу’. Наряду с этим фразеологическое выражение “**суханро дароз кардан**” используется в значении ‘долго беседовать, много болтать, говорить сверх нормы’: “Хуб... Суханро ин гуна дароз карда вақтро гузаронидан дуруст нест. Агар мо фурсатро аз даст диҳем, хамин замон рӯз мешавад ва босмачиён кам будани моро мебинанд, дар он вақт кори мо вазнин мешавад” [2.1, 374]. — “Главное: нам нельзя терять время. Напасть мы должны до рассвета. Если басмачи увидят, что нас мало, наше положение ухудшится” [2.2, 258].

Из этого следует, что смысл фразеологической единицы оказывает большое влияние на содержание текста. Фразеологическое выражение “суханро дароз кардан” означает и ‘тратить время впустую’, и ‘упустить удобный момент’.

В произведениях Садриддина Айни присутствует еще одна группа фразеологизмов, выражающих противоположные значения, именованным компонентом которых выступает слово “дил” (сердце): “дил бастан”, “дил кандан”, “дил бардоштан” и т. п. Писатель использует подобные фразеологические единицы в нижеследующем случае.

“То хол ту аз Фотима **дил наканда будӣ-дия**, — гуфт Қутбия бо оҳанги ишвабозона. — Ман, — гуфт Ҳасан, — ба вай **дил набастаам**, ки **дил канданам** лозим ояд” [2.1, 529]. — “Ты все еще не **разлюбил** ее? — Я ее **не любил**, поэтому не мог и **разлюбить**” [2.22. 353].

Эти фразеологические единицы, придающие речи особую выразительность и обогащающие ее содержание, использованы в разговоре Хасана и Кутбии.

Выражение “дил шикастан” использовано в качестве антонима фразеологического выражения “дил бастан” и как антоним фразеологического выражения “дил кандан”. Например: “Мо дар вақте, ки ҳезумкашӣ мекардем, ҳафт нафар будем. Дар вақти дастгир шуданамон яке аз мо гурехта шумораи моро ба шаш фароварда **диламонро шикаста рафта буд**. Ҳар чи ту дар вақти мурданамон шумораи моро боз ба ҳафт расонда моро хурсанд кардӣ” [2.1, 314]. — “Когда мы собирали топливо, нас было семеро. Когда нас схватили, один убежал, уменьшив наше число и опечалив наши сердца. И вот, в минуту смерти, снова нас семеро” [2.2, 221].

И другой пример: “Дар аввал ту **дили ўро шикастӣ**. **Дили шикаста** бо узру маъзаратҳои хушку холи дуруст нахоҳад шуд” [2.1, 584]. — “Сначала ты причинил ей большую боль. А эта боль не проходит от пустых извинений” [2.2, 384].

Фразеологические выражения “дил шикастан” и “дил кандан” отличаются тем, что первое означает ‘печалиться, находиться в состоянии душевного уныния, огорчаться’. В случае со значением ‘обидеться на кого-либо’ оба приведенных фразеологизма являются синонимичными.

Таким образом, фразеологические единицы выражают в произведении разнообразные значения. Одна группа фразеологических единиц используется для выражения душевного состояния и его влияния на изменение облика человека и особенно для обозначения этих изменений на лице. К таким фразеологическим единицам могут быть отнесены “ба рӯй кадре хун давидан”, “рӯй сурх шудан”, “ранг паридан”, некоторые из которых имеют противоположное значение по отношению к другим. Например: “Дар ҳолате, ки **ба рӯи Ҷрмон-полвон** бо шунидани сухани ширини милитсионер **кадре хун давида** буд. — Ҳозир! — гӯён аз жояш хест ва либосашро пӯшидан гирифт” [2.1, 328]. — “Эй, палван, вставайте скорее! — Что там? — побледнел Урман-палван. — Комиссия из Бухары приехала. Велели вам сейчас же явиться. - Урман-палван стал торопливо одеваться [2.2, 230].

Фразеологическое выражение “ба рӯй хун давидан” обозначает возврат из напряженного состояния в нормальное, стабилизацию состояния человека.

А в другом случае выражение “рӯй сурх шудан” используется в значении ‘стыдиться чего-то’ и ‘немного испытывать напряжение от чего-либо’: “Аммо дар ин чапакзани, чунон ки дар чапакзани аввали шуда буд, мулло ба ғазаб наёмад, лекин рӯяш монанди зери думи маймун кадре сурх шуд” [2.1, 359]. — “Молодежь и за нею старики захлопали в ладоши. Такой знак одобрения не по душе пришелся мулле, он покраснел от гнева” [2.2, 248].

В приведенном ниже примере фразеологическое выражение “ранги касе парیداгӣ” (вариант “ранги рӯяш парیداгӣ”) выступает антонимом фразеологического выражения “ба рӯй хун давидан”. “Рӯи ҳавлии

идораи шурои деха бо одам пура шуда буд, дар як тараф камбағалон, ятим ва батракон, безамин ва камзаминон хандон ва шукуфон ба хам **чақ-чақ карда нишаста бошанд**, дар тарафи дигар боён, судхӯрон ва умуман заминдорони калон, дар ҳолате ки **рангашон паридагӣ** буд, ба девор така карда сари дупо бо якдигар **пичир-пичир мекарданд**” [2.1, 456].

— “Двор сельсовета заполняли разные люди. С одной стороны, толпились бедняки, хозяйские работники, безземельные и малоземельные крестьяне. Их лица были возбуждены и радостны, разговор громок и весел. А на другой стороне двора сидели на корточках, привалившись к стенам, торговцы и землевладельцы. Лица их были синевато-бледными, щеки осунулись, и только глаза выражали напряженную, встревоженную жизнь, то выглядывая с негодованием, ненавистью и гневом в сторону бедноты, то потупившись. Здесь никто не говорил громко, а только перешептывались” [2.2, 304].

В этом примере фразеологические выражения “чақ-чақ карда нишастан” и “пичир-пичир кардан” выступают антонимами по отношению друг к другу. Первое указывает на душевный подъем, а второе — на душевный спад. Фразеологическое выражение “пичир-пичир кардан” имеет и значение ‘говорить низким голосом и про себя’.

В творчестве Садриддина Айни фразеологизмы антонимического характера используются довольно продуктивно. Некоторые выражения, в которых именные компоненты близки между собой, а глагольные претерпевают изменения, становятся фразеологизмами с противоположным значением. Даже при замене глагольного компонента образуется фразеологическое выражение с противоположным значением, например: “дил бастан” и “дил кандан”, “гап додан” и “гап гирифтан”, “суханро дароз кардан” и “суханро кӯтоҳ кардан”. Наряду с этим, есть и другие антонимические фразеологизмы, некоторые компоненты которых тождественны, а другие по-разному выражают содержание. В их числе: “Ҳоло вақт ҳаст, — гуфт худ ба худ, — маҷлиси умумӣ мешудааст, то он вақт, гӯши мардумро тофтанд, бештарин камбағалон ва мардикоронро аз

роҳ задан даркор аст, ки ба колхоз шудан розӣ нашаванд” [2.1, 467]. — “Садык попытался втиснуть свою надежду в эту узенькую щель. — Вот и надо не терять времени. Надо до собрания отговорить середняков” [2.2, 316].

Фразеологическое выражение “аз роҳи задан” (буквально: сбить с пути; отговорить) в значении ‘изменить чье-либо мнение’, ‘ориентировать кого-либо на другое’, а ‘стать путеводной звездой’, используется в смысле ‘указывать дорогу’, ‘стать спутником’.

“Ин мақола барои коркунони маҳаллӣ, ки аз “муваффақиятҳо саргаранг шуда” комёбиҳои ба даст даромадаро мустаҳкам накарда аз паи “фоиз” медавйданд ва ҳатто аз болои пой поинии ҳаракати колхозӣ, ки “ширкати хоҷагии қишлоқ” (ТОЗ) ва артели хоҷагии қишлоқ мебошад, ҷаҳида ба колхоз гузаштан мехостанд, **як ситораи роҳнамо шуд**” [2.1, 498]. — “В это время товарищ Сталин написал статью “Головокружение от успехов”. Встала задача закрепить деҳканство, исправить ошибки и повести борьбу с клеветой богачей и мулл” [2.2, 328].

Фразеологическое выражение “аз роҳ задан” выступает как вариант выражения “аз роҳ баровардан”, а для второго фразеологического выражения “ситораи раҳнамо шудан” является антонимом.

“На танҳо деҳқонони миёнаҳодро, агар мумкин бошад ва ба гап гӯш диҳанд, камбағалонро ба тарафи худ кашидан, хусусан он камбағалонро, ки аз ислоҳоти замин заминдор шуда, мазаи мулки хусусиро ҷашидаанд, **аз роҳ баровардан даркор аст**” [2.1, 474]. — “Не одних середняков. Надо попробовать и кое-кого из бедноты отколоть. Ведь иные после реформы впервые в жизни стали хозяевами. Только было почувствовали сладость от хозяйства, поняли, как хорошо иметь собственную землю” [2.2, 336].

Фразеологическое выражение “ба роҳ андохтан” является антонимом выражения “аз роҳ баровардан” и в приведенном ниже примере используется в форме отрицания: “Агар деҳқонони миёнаҳол вайрон намешуданд, камбағалон ҳеҷ қор қарда наметавонистанд, агар қолхоз шаванд ҳам, онро **ба роҳ андохта наметавонистанд**” [2.1, 474]. — “Если б середняки не свихнулись, одна беднота ничего бы не добилаь. Если б и создали колхоз, прогорели бы!” [2.2,315].

В представленном примере фразеологическое выражение “ба роҳ андохта тавонистан (натавонистан)” имеет значение ‘наладить (не наладить) дела’, ‘придавать (не придавать) работе определенную систему (порядок)’.

В составе некоторых фразеологических единиц антонимического характера используются компоненты с противоположным значением, и это делает общее значение фразеологизма еще более концентрированным и широким. Такие фразеологические выражения следует называть особыми фразеологическими выражениями — двухкомпонентными или двусоставными.

“Бо ҳамаи инҳо планамон аз ҳафтад нагузашт. Надонам, пахтаҳои мо **ба осмон париданд ва ё дар замин фуру рафтанд?**” [2.1, 512]. — “Собрали только семьдесят процентов. Что же это такое? — в раздумье говорил Сафар-гулам” [2.2, 343].

Данное выражение состоит из двух компонентов с противоположным значением — “ба осмон паридан” (парить в небе) и “дар замин фуру рафтан” (уйти под землю), что в комплексе обозначает невозвратимую потерю чего-либо.

Или же на очередном примере видим, что составные компоненты фразеологических единиц выступают между собой как антонимы, и благодаря их содержанию и смыслу фразеологизмы становятся безупречными, охватывающими и понятия, и общее содержание.

“Агар роҳи пайдову пасандоз меҳнат бошад, чаро ман **бо вучуди шабу рӯз қор қарданам**, чизе надорам, аммо бой, ки ҳеҷ гоҳ дасташро ба

оби сарду гарм намезанад, **тамоми дехаро соҳиби кардааст**” [2.1, 237]. — “Труд? Я работаю день и ночь. И у меня ничего нет. А бай, хоть он не опустит рук в холодную воду, имеет все и прибрал к рукам всю нашу деревню” [2.2, 173].

Подобные отличительные особенности фразеологических единиц таджикского языка постоянно находятся в поле нашего зрения. Даже на примере творчества Садриддина Айни мы сможем представить такие ситуации, когда выражения и вообще фразеологические единицы внешне указывают на противоположные значения, а на самом деле имеют признаки однозначности.

Проанализируем фразеологические выражения “касоро сӯзондан”, “ба сари касе об рехтан” и “ба сари касе оташ гирондан”. Обратимся к примерам:

“Ана агар кор ба дасти ҳамин гуна одамҳо монад, дар он вақт ҳоли мо чи тавр хоҳад шуд. Дар он вақт аввал ба сари аъзои марказ, ки Нуриддинхӯча аст, агар **об резанд**, баъд аз он **ба сари мо оташ хоҳанд даргиронид**. Мо бояд пешомадҳоморо аз рӯи аҳволи Туркистон ва Русия дидан гирем” [2.1, 323]. — “А если власть заберут водоносы, тогда что нам делать? Первой водой они окатят Нуриддин-ходжу каршинского, но и на наши головы воды хватит. Наше будущее легко угадать, — посмотрите на Туркистан и на Россию” [2.2, 219].

Фразеологическое выражение “ба сари касе об рехтан” означает ‘заставить человека выпасть из среды и даже уничтожить его’.

Фразеологическое выражение “ба сар оташ сӯзондан” здесь также использовано в целях усиления значения ‘уничтожить кого-либо’, а также ‘заставить кого-либо выйти из дела’.

Другой пример: “Ў... падарлаънати, — гуфт Нормурод, дар холате, ки мушташро гирех карда дасташро ба ҳаво бардошта мечунбонид, — душман дар ин чо будаасту ман аз тезгузариён бадгумон шуда гаштаам. Падарлаънат охир **ба сари кишти мо об рехт-дия**. **Ў ба сари киштзори мо об рехта бошад**, **мо ба сари ӯ оташ мегиронем**, — гуфт

Самад” [2.1, 451]. — “Ух, негодяй! Я из-за него на тезгузарцев грешил! Затопил наши поля, весь урожай хотел загубить. А? — Он нашу воду выпустил, а мы на его голове зажжем такой огонь, что ему жарко станет!” [2.2, 301].

Хотя фразеологические выражения “ба сар об рехтан” и “ба сар оташ даргирондан” в приведенном выше примере выступают в значении ‘уничтожить что-либо’, в то же время в них дается сравнение двух вещей, указывается на два понятия. Во втором случае фразеологическое выражение имеет и значение ‘наказать’.

Весьма показательное использование фразеологического выражения “ба сар об рехтан” связано с эпизодом, когда один из персонажей романа “Рабы” по имени Бабамурад, умышленно выпуская на поле много воды, таким образом уничтожает хлопчатник. В ответ на это другой герой произведения Самад говорит: “Мы на его голове зажжем такой огонь, что ему жарко станет!”, то есть накажем. Такое эффективное использование жемчужин из сокровищницы народного языка удастся писателю только тогда, когда он достигает интеллектуальных высот и озарен вдохновением.

Как видим, “фразеологическая антонимия, прежде всего, семантическое явление, тесно взаимосвязанное с другими семантическими явлениями: полисемией и синонимией. В определенных случаях антонимические отношения разнообразных фразеологических единиц помогают выявить систему значений фразеологизмов или установить связь с синонимией. И по этой причине явления фразеологической антонимии можно использовать как ключ к определению фразеологической полисемии и синонимии” [98, 64].

Итак, антонимические отношения фразеологических единиц создают возможность для классификации фразеологизмов по многозначности, созвучности и близости значений на основе конкретного сравнения и сопоставления значений фразеологических единиц.

Роман Садриддина Айни “Фуломон” (“Рабы”) — один из шедевров таджикской литературы XX века, – от начала до конца пронизанный и украшенный жемчужинами сокровищницы народного языка, и чтобы изучить и проанализировать этот литературный шедевр, обратим конкретный взгляд на другие его лингвистические достоинства.

2.4. Фразеологическая омонимия и вариантность

Фразеологическая омонимия как одно из редких языковых явлений есть продукт полноценного осмысления различных сторон языка. В отношении одной из групп фразеологических омонимов современного таджикского литературного языка ученый-языковед Х. Маджидов отмечает: “Фразеологические омонимы образуют самостоятельную группу фразеологических выражений фразеологического запаса языка, с точки зрения значения не имеющих между собой общности. В настоящее время в силу определенных исторических причин они остались идентичными только по форме и произношению” [98, 52]. В подтверждение этого можно привести такие примеры: “**ба қиём омадан**” (сгущение джема или другого жидкого вещества путем кипячения), “**ба қиём омадан**” (солнце в зените), “**ба қиём омадан**” (приход народа толпой, группами), “**занг задан**” (звенеть зангуле; бить по зангуле), “**занг задан**” (разрушение или коррозия железа, металла). Однако наряду с этим очень важно отметить и то, что происхождение фразеологических омонимов обусловлено полисемией фразеологических единиц, и этот вопрос рассмотрен и изучен исследователями [98, 53]. Ярким примером в подтверждение сказанного может быть фразеологическое выражение “сар задан”, прежде проанализированное нами как многозначное в форме “сар задани шӯриш” и “гӯсфандонро сар задан”. Это фразеологическое выражение в дальнейшем приобретает признаки омонима.

В творчестве Садриддина Айни, в частности в его романе “Рабы”, фразеологические омонимы встречаются часто, и способ их

использования представляется довольно интересным. Например, фразеологическое выражение “ба кор омадан” в двух случаях используется в качестве омонимов с разными значениями.

“Дар вакте ки хезуми бар пуштам бударо дар чӯл партофтам, досамро, ки дар хезум халондагӣ буд, “ягон вақт даркор мешавад” гуфта, гирифта ба миёнбандам аз таги жома халонда монда будам. Дар ҳақиқат, дар вақти бисёр зарур **ба кор омад** [2.1, 290]. — “Подожди, я нашел! — вспомнил Эргаш и, с трудом просунув пальцы под халат, вытащил из-за пояса свой серп. — Что это у вас, брат Эргаш? — Хворост я оставил, а эту вот штуку прихватил с собой, а она и **пригодилась**” [2.2, 206].

В приведенном тексте фразеологическое выражение “ба кор омадан” использовано в значении ‘стать нужным, пригодиться при необходимости’.

Однако следующее предложение предусматривает другое значение: “Дирӯз бегохонӣ, — гуфт Ҳасан, — баъд аз кор аспро аз култиватор яла карда гирифта, “фардо пагоҳи боз **ба кор меоем**” гуфта култиваторро ба сари замин монда рафта будам. Ҳоло рафтам, ки дар чояш нест” [2.1, 563]. — “Вчера я выпряг лошадь, оставил культиватор на поле, там, где с утра надо было продолжить работу. А сейчас прихожу — его там нет” [2.2, 371].

Таким образом, использование фразеологических омонимов, прежде всего, оказывает большое влияние на общий смысл и содержание текста. Индивидуальные особенности фразеологических омонимов в отличие от свободных синтаксических выражений можно определить только исходя из текста.

“Мард, ки аз пагоҳ то бегоҳ кор карда монда шуда масти шароби хоб буд, бо бедор кардани занаш бо як тарзи танбалона **сарашро базӯр аз болиш бардошта**, ба тарафи раҳгузар як чашм андохт” [2.1, 121].

В этом примере фразеологическая единица “сар бардоштан” выступает в значении ‘высоко поднять голову’.

Другой пример: “Магар ғуломон ва эрониёни атрофи Когонро надидед, ки бо бардошта шудани воқеаи чадида бо иғвои Мулло Шарифи урбунӣ ҳамагӣ **сар бардоштан**” [2.1, 204]. — “Разве вам не известно, что натворили рабы и персы из окрестностей Кагана? Как только поднялись джадида по наущению Мулла Шарифа Гурбанского, они все оживились” [2.2, 154].

Как видно, фразеологическое выражение “сар бардоштан” в последнем предложении выступает в значениях ‘возразить’, ‘встать на ноги’, ‘поднять восстание’. Вне всякого сомнения, смысловые особенности фразеологических омонимов становятся объектом рассмотрения только в контексте. В любом случае значение и содержание, выполняемая задача и ситуация, в которой используются фразеологические единицы, становятся конкретными лишь при их использовании в тексте.

Фразеологическая омонимия представляет собой яркое языковое явление, находящее применение, прежде всего, в языке и произведениях писателей как лучших знатоков его красоты. Наряду с этим явление фразеологической омонимии обуславливает яркость и выразительность письменной и устной речи.

В связи с приведенными примерами следует особо подчеркнуть точку зрения лингвиста Х. Маджидова: “Фразеологические единицы омонимического характера могут возникать и на основе одного из многочисленных значений фразеологизмов” [98, 54].

Таким образом, эволюция значений фразеологизмов, имеющих признаки многозначности, является ярким примером ослабления смысловых связей фразеологической единицы “сар бардоштан” и подтверждением вышесказанного.

Наряду с явлением фразеологической омонимии существует и другое не менее важное явление — вариантность фразеологических

единиц, — исследование которого становится одним из важнейших этапов современного таджикского языкознания.

Языковед А. Ломов, анализируя вариантность фразеологизмов, особо отмечает, что “вариантность фразеологизмов имеет довольно тесную связь с явлением синонимии фразеологических единиц, и некоторые исследователи, в том числе А. Хазанович и Н. Шанский, называют ее соответственно вариантами фразеологических синонимов и фразеологическим гнездом” [89, 84].

В современном таджикском языкознании проблема вариантности фразеологизмов получила свое теоретическое и практическое решение. Так, Х. Маджидов отмечает: “От фразеологических синонимов необходимо отличать варианты фразеологизмов. Варианты фразеологических единиц по своему составу являются видоизмененной формой одного и того же фразеологизма. Варианты фразеологических единиц отличаются от этого и от всех других вариантов, которые имеют общую основу, отдельными компонентами или грамматическими элементами. Общая грань варианта с этим инвариантом — единство структуры, общность значения и образа” [98, 58].

Языковеды А. Ломов и Х. Маджидов довольно точно определили признаки, по которым варианты фразеологизмов и фразеологические синонимы отличаются друг от друга. Так, вариантами фразеологизмов являются фразеологические единицы, которые имеют общую основу и в которых в зависимости от различных ситуаций заменяются составляющие их компоненты — слова, функции и монозначения. Так, в романе “Рабы” варианты фразеологических единиц “оби дахон аз лаб шоридан” (370) и “оби дахон чакидан” (564) используются для обозначения состояния крайнего удивления и забвения. Варианты фразеологических единиц в романе Садриддина Айни “Рабы” используются довольно часто. Фразеологические единицы “оҳу фарёд ба осмон расидан” (42), “фарёд ба осмон печидан” (382), “аҳволи касе сахт

будан” (198) и **“ахволи касе танг будан”** (199) являются вариантами фразеологизмов.

Писатель, считая варианты фразеологизмов следствием разнообразия живого языка, каждый вариант использовал с целью наилучшей демонстрации речевой ситуации, языковых и стилистических особенностей произведения, а также эффективности его воздействия на читателя. В таджикском языке некоторые фразеологические единицы имеют довольно много вариантов. Садриддин Айни, учитывая особенности отдельных фразеологических единиц, тщательно отбирал их и приложил все усилия к тому, чтобы использовать их в произведении в соответствии с ситуацией и стилем речи. Приведем несколько примеров вариантов фразеологической единицы **“чилави суханро ба тарафе бурдан”** (буквально: ‘отвести узду слова в другую сторону’ или ‘изменить направление или ход беседы’):

“Ҳамин тавр аст, ҳамин тавр аст, — гӯён бо хурсандӣ ҷавоб дода бошад ҳам, аз суханони ӯ як навъ ғуссаро дар худаш пай бурд ва барои пинҳон кардани ин аломат аз дигарон, **чилави суханро ба тарафи дигар бурда гуфт**” [2.1, 540] // Так оно и есть, так оно и есть, - хоть он и ответил радостно, но заметил в его словах какую-то печаль, и, чтобы скрыть этот знак от других, перевел разговор в другую сторону и сказал. “Ба ёрмандии Шокир, ки дар ҷавоби ин сухани бечавоби Сафар-ғулом очиз монда буд, Рӯзӣ расид ва ӯ **суханро ба тарафи дигар бурда ба Шокир гуфт**” [2.1, 237] // Рузи пришел на помощь Шакиру, который не смог ответить на оставшиеся без ответа слова Сафар-Гуляма, и он перевел беседу на другую сторону и сказал Шакиру... “Шокир, ки ин суханҳои Қулмудро шунид, сурх шуда, дар шаш дари хайрат монд ва чи ҷавоб гуфтандро надониста, сари худро ҳам кард. Аммо боз худи Қулмурад барои сабук кардани бори ӯ **суханро ба тарафи дигар гардонд**” [2.1, 239] // Шакир, услышав эти слова Кулмурада, покраснел, остолбенел и склонил голову, не зная, что сказать. Но снова Кулмурад перевел разговор на другую сторону, чтобы облегчить свое бремя. **“Барои гапро**

ба дигар тараф бурдан: — Магар ин саг хӯрок намехӯрад? — гуфта пурсид” [2.1, 224] // С целью перевести разговор в другую сторону, он спросил: - А разве эта собака не ест еду?

Как видим, фразеологические выражения “чилави суханро ба тарафи дигар бурдан”, “суханро ба тарафи дигар гардондан” и “гапро ба дигар тараф бурдан” являются вариантами, относятся к одному смысловому и грамматическому гнезду.

В другом примере наблюдается фразеологические варианты **ба чашм тофтан – ба назар тофтан** (казаться):

Охирҳои моҳи ҳамал буд, осмон **ба чашмҳо** монанди баҳри софи ором обираи **метофт**. Дар ҳаво гоҳо парчаҳои абр **намоён шаванд** ҳам, инҳо ба тарзи киштиҳои **менабуданд**, ки дар баҳри бепоён шинокунон гашта бошанд; гоҳо борон ҳам меборид: аммо донаҳои ин борон бо акси офтобе, ки дар он вақт аз канори дигари осмон **намоён мегардид**, **ба назарҳо** ба ранги марворидҳои дурахшон **метофтанд** (2.1, 127) – Был конец месяца ҳамал (апрель – А.Ш.), небо было похоже на чистое спокойное море. Даже если на небе и были облака, они были похожи на корабли, плывущие по бескрайнему морю; иногда шел дождь: но крупницы этого дождя при отражении солнца, которое было видно с другой стороны неба в это время, казалось, сияли цветом ярких жемчужин.

Как мы видим, фразеологические варианты **ба чашм тофтан – ба назар тофтан** формированы посредством лексических синонимов **чашм – назар** (глаза, взгляд), но семантически они не отличаются.

Вариантность фразеологических единиц сама по себе — это еще одна возможность для образования новых фразеологизмов, выхода из ограниченных рамок однообразия на широкий простор бесконечного преобразования живого языка.

ГЛАВА III. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СТИЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Вводные замечания. В творческом арсенале любого писателя, создающего художественное произведение, присутствует все многообразие фразеологических выражений и других языковых средств.

Фразеологические единицы являются продуктом многовековой истории творческого развития языка и в целом языкознания. Непрерывный процесс развития и совершенствования языка сделал их выразительными, простыми, понятными, яркими, изящными, гармоничными, впечатляющими и разнообразными. Поэтому фразеологические единицы способствуют реалистическому описанию событий, фактов и их мотивации, раскрытию образов героев и их типизации. Уровень и глубина, возможности практически неограниченного использования фразеологических оборотов и фразеологизмов обусловлены темой, жанром, стилем и мастерством писателя.

В художественной литературе в соответствии с темой и задачами повествования используются фразеологические единицы, которые черпаются из различных источников — художественная, научная и техническая литература, разговорный язык, быденная речь, другие языки, устное народное творчество и т. п. Поэтому выявление и определение источников, которыми пользовался тот или иной писатель, очень важно как для оценки особенностей его творчества, так и для конкретизации стиля [43, 284].

Так как фразеологические единицы с точки зрения употребления, эффективности воздействия, окраски, ситуации и выразительности разделяются на различные группы, естественно, и фразеологический арсенал Садриддина Айни охватывает все эти группы. Особенности воздействия, выразительности и образности фразеологических единиц имеют непосредственное отношение к ситуации, в которой они используются писателем. Именно поэтому стилистические и другие отличительные особенности фразеологических единиц наиболее ярко характеризуют его художественное мастерство.

Важность исследования стилистических особенностей фразеологических единиц обусловлена той ролью, которую они играют в языке. “Характерной чертой фразеологических единиц, которая отличает

их от других единиц языка, является их особая выразительность. Такая особенность свойственна даже наиболее часто употребляемым фразеологическим единицам. Их непревзойденная выразительность непосредственно связана с изначально заложенным в них образом” [98, 62].

В трудах исследователей фразеологические единицы подразделяются на различные группы по ситуации и нормам употребления, по выразительности, а также по отношению к степени употребительности (устарелые фразеологизмы – историзмы и архаизмы и фразеологические неологизмы). В отдельных исследованиях фразеологические единицы подразделяются по стилистическим слоям (пластам, разновидностям). Это, естественно, является доказательством того, что фразеологические единицы — довольно сложное языковое явление.

Таджикский лингвист Х. Маджидов по окраске и выразительности подразделяет фразеологические единицы на нейтральные фразеологические единицы, фразеологические вульгаризмы, фразеологические эвфемизмы, по выходу из употребления — на фразеологические архаизмы и фразеологические неологизмы, по норме употребления — на стилистические пласты: общеупотребительные фразеологизмы, книжные фразеологизмы, литературно-книжные фразеологические единицы, литературно-разговорные фразеологические единицы, народно-разговорные фразеологические единицы, фразеологические диалектизмы [98, 63].

Фразеологические единицы классифицируются и с точки зрения образования. В таджикском языкознании фразеологические единицы подразделяются на фразеологические обороты, выражения и предложения. Фразеологические единицы также можно классифицировать по тематике, по эмоциональной окраске: выражение печали и горечи, уныния (“толеъ пастӣ кардан”, “рӯзи сиёх”, “ноомади кор”, “хуни чигар шудан”), радости и удачи (“кордаш болои равған”,

“кораш омад кардан”, “бахти сафед”, “такдир баландӣ кардан”, омади кор” и т.п.), что и будет рассматриваться в содержании данной главы.

Фразеологический арсенал творческой мастерской Садриддина Айни весьма богат, многогранен и безупречен. В данной главе будут исследованы стилистические особенности и возможности фразеологических единиц, используемых в творчестве Садриддина Айни. Так как стилистические возможности фразеологических единиц таджикского языка весьма широки и в то же время очень разнообразны, в творчестве такого выдающегося писателя они проявились еще более ярко и выразительно.

Таким образом, как подчеркивает таджикский языковед И. Хасанов, “национальный таджикский язык изобилует широко распространенными и вызывающими интерес элементами, изучение и анализ которых имеет большое научное и практическое значение для выявления и определения объема, распространения, выполняемых задач, содержания и экспрессивно-эмоциональных особенностей фразеологических единиц” [179, 89].

Рассмотрим классификацию фразеологических единиц по окраске и выразительности, в которой они делятся на нейтральные, выразительные и образные.

Раздел I. Стилиевая принадлежность фразеологизмов

3.1.1. Фразеологические единицы с точки зрения их окраски и выразительности

Развитие языка предполагает его постоянное совершенствование. В этой связи возникают новые единицы, новые формы, новые закономерности. С развитием языка многие слова и выражения в связи с

изменением условий их употребления приобретают прямое или переносное значение. Иногда они теряют свое первоначальное значение и превращаются в выражения и продуктивные обороты речи, выражающие переносное значение. В этом отношении статус фразеологических единиц является объектом особого внимания и изучения. С точки зрения выразительности и символичности фразеологические единицы имеют более высокий статус, чем все другие единицы языка. Следует особо подчеркнуть, что фразеологические единицы, выражающие целостное значение предметов, понятий, явлений и событий, обладают неповторимым и ни с чем не сравнимым воздействием. Поэтому с точки зрения эффективности воздействия и выразительности фразеологические единицы можно подразделить на две группы. В первую группу входят фразеологические единицы с нормальным (нейтральным) значением, которые называют отдельные понятия и явления. Такие фразеологические единицы некоторые исследователи называют нейтральными фразеологизмами [90, 37].

1. Нейтральные фразеологические единицы, как и большинство выразительных фразеологических единиц, имеют устойчивую, одностороннюю и непосредственную связь с содержанием и смыслом выражаемых явлений, событий и понятий.

Нейтральные фразеологические единицы не имеют стилевой принадлежности, не относятся ни к высокому, ни к сниженному стилю. Этим свойством они отличаются от книжных и разговорных оборотов. Кроме того, они употребляются во всех стилях языка. Отсутствие экспрессивно-стилистической окраски, а также то, что нейтральные фразеологические единицы являются «простыми наименованиями явлений объективной действительности» служит основанием, чтобы в составе межстилевой фразеологии вычленить, с одной стороны, а) собственно нейтральную группу фразеологизмов (весьма многочисленную) и, с другой, б) составные термины, т.е. научные и профессиональные выражения.

Терминологические же выражения, как известно, в основном характеризуются отсутствием каких-либо экспрессивно-эмоциональных признаков. Поэтому их можно рассматривать как пласт фразеологизмов среди межстилевых фразеологических оборотов.

В семантическом плане роль таких фразеологизмов в романе «Рабы» чрезвычайно велика: составные наименования отражают реальные предметы и явления общественной жизни конца XIX и начала XX веков.

Нормальные фразеологические единицы немногочисленны по своему объему по сравнению с выразительными. Нейтральные фразеологические единицы в таджикском языке, как правило, не имеют переносного значения и синонимов.

В творчестве Садриддина Айни нормальные фразеологические единицы используются постоянно, упорядоченно и соответственно ситуации. Так, в приведенных ниже примерах фразеологические выражения “нишон гирифтан”, “барои дидбонӣ баромадан” и “фотиҳа гирифтан” являются нейтральными фразеологическими единицами.

“Ҳасан шохи милтиқро ба замин гузошта пас аз нишон гирифта дидани душмани ҳанӯз наёмада часуруна: — Имрӯз барои дидбонӣ ман мебароям, рӯзҳои дигар ҳамсояғони дигар хоҳанд баромад, — гуён милтиқро ба китфаш бардошт ва пас аз **фотиҳа гирифттан** аз ҳамсоягон ба тарафи дашт баромада рафт” [2.1, 23]. — “Сегодня наблюдать выйду я. В другие дни будут выходить другие. И, взяв тяжелое ружье на плечо, помолившись, он ушел от соседей в пески” [2.2, 30].

Отмеченные фразеологические выражения с устойчивым значением непосредственно выражают обычные явления, не имеют переносного значения и не отличаются эмоциональными особенностями.

Фразеологические выражения “ба роҳ баромадан”, “ба манзил расидан”, “аспро хунук кардан” также используются в других ситуациях как нейтральные фразеологические единицы: “Равандагон баъди аз ташнагӣ халос кардани аспонашон боз **ба роҳ даромаданд**, боз аспҳоро

дар тоз андохтанд. Кӣ медонад, то расиданашон ба манзилҳои бо обу алафи ором, ки **аспхоро хунук карда** обу алаф додан мумкин шавад, ба халқуми онҳо чанд бор парчаҳои равшани дунбаи ногудохта хаво дода бошанд” [2.1, 33]. — “Долго скакавших, разгоряченных лошадей поить было опасно. А ломоть сала утолял и жажду, и голод лошадей. И кони, много раз ходившие в долгие походы по безводным пескам, хорошо запоминали место, где зарыт белый жир, спасающий их от мук и гибели. Утолив жажду коней, туркмены снова погнали их вскачь” [2.2, 36].

Таджикский лингвист Х. Маджидов, рассуждая об особенностях нормальных фразеологических единиц, дает им индивидуальную оценку: “Нейтральные фразеологические единицы выражают понятия, объективные явления и события, не давая им никакой оценки. Они находят свое применение через простое выражение отдельных понятий” [98, 82].

Таким образом, нормальные фразеологические единицы являются средством выражения отдельных понятий, и вместе с тем их стилистические функции проявляются в том, что понятия и события называются конкретно и индивидуально, поэтому такие языковые единицы делают речь героев произведения и самого писателя прицельной и точной. В связи с этим нормальные фразеологические единицы обладают стилистическими функциями, не предполагающими неконкретного и всеобъемлющего изложения мысли. Языковед А. Ломов, говоря об особенностях нормальных фразеологических единиц, отмечает, что отличие нормальных фразеологизмов состоит в использовании их в разговорном языке и в книжной речи. Таким образом, только нормальные фразеологизмы имеют самый широкий круг употребления. Нормальные фразеологические единицы свободны от выразительности, нейтральны по воздействию и оригинальности, поэтому по стилистическим свойствам их можно назвать фразеологизмами с нулевой стилистической характеристикой [89, 37].

Нейтральные фразеологические единицы в некоторых случаях в контексте чаще всего следуют одна за другой. Итак: “Дар работи Қилич-халифа занон дар қолинбофӣ машғул буданд. Лекин **дасту панҷаи** Бибичоргул **ба кор намерафт**, ҳар замон зағӯтаи худ аз дасташ меафтад ва ресмонаш кушода шуда, ба **хасу хошоки** замин меолид” [2.1, 33]. — “Во дворе Клыча-халифы женщины ткали ковры и тихо, почти одними губами, разговаривали. В этот день челнок слишком часто падал из рук биби Чаргуль, нитка пылилась на земле, к ней приставали соринки” [2.2, 36].

Выражения “дасту панҷаи касе ба кор рафтан” (нарафтан) и “хасу хошок” являются нормальными фразеологическими единицами, обуславливающими логику изложения мысли и ее реальность.

Другой пример:

“Бибичоргул пас аз дақиқае хомӯш мондан илова кард: — Агар мамлакат **сериву пурӣ** мешуд, аз бароварда пеш карданаш ҳам наметарсидам; ҳунар, ки дорам **як даҳон нонро** ҳар кучо меёфтам. Аммо агар ҳамин вақт маро бароварда пеш кунад, аз **кути лоямут**, аз як зағорачае ҳам, ки дар ин ҷо мехӯрам, чудо мешавам” [2.1, 33]. — “Помолчав, биби Чаргуль вздохнула: — Если бы в хозяйстве было изобилие, я бы не боялась, заработала бы на хлеб. Но сейчас чем я заработаю. Мне и этой просяной лепешки не оправдать, которую он дает. Я боюсь потерять просяную лепешку” [2.2, 37].

Фразеологические единицы “як даҳон нон”, “кути лоямут” имеют нейтральное значение.

И фразеологическая единица “хешу табор”, также имея нейтральное значение, часто употребляется в народном языке и обозначает домочадцев (детей), родственников и близких:

“Аз **хешу табори** ман мапурс, хамшира, — гуфт гадозан ва катраҳои ашкери, ки аз чашмонаш ҷорӣ шуда буданд, бо остинаш пок карда давом намуд” [2.1, 144]. — “Не спрашивайте о родных, сестра. — И вдруг заплакала. — Не спрашивайте о родных” [2.2, 115].

Другой пример:

“Хуб, холо шумо дар бораи **хешу таборхотон** гап зада истода будед” [2.1, 144]. — “Ну, вот вы говорили о своей родине и о родных” [2.2, 115].

Как отмечает в своем труде русский языковед Н. Шанский, нормальные, межстилевые, или нейтральные, фразеологические единицы используются во всех стилях языка, потому что эта особенность присуща только фразеологическим единицам с нейтральным значением [190, 198]. Например, нейтральное фразеологическое выражение используется в большинстве стилей — в литературном, художественном, публицистическом, деловом и даже в разговорной речи. Итак:

“Бисёр хуб, — гуфт **раиси комиссия**, — худи ман усули пӯписаро хуб медонам [2.1, 339]. — “Ну, ладно. Попробую их прижать, — согласился председатель комиссии” [2.2, 237].

Таким образом, фразеологические единицы с нейтральным значением имеют более широкий круг употребления. Ниже приводятся несколько других примеров фразеологических единиц с нейтральным значением.

Ҳақ гирифта: “Акнун лозим меояд, ки ин кас аз шумо зиёдтар **ҳақ гиранд**-дия, — гуфт чавони якдаста, ки аз тарафи бой Йулдошев хитоб ёфта буд, пичингомезона ба бой” [2.1, 495]. — “Однорукий Юлдашев сказал: — Вот, дядюшка, выходит, что Садыку придется больше получать урожая, чем вам” [2.1, 493].

В этом примере фразеологизм “**ҳақ гирифта**” означает ‘приобретение доли за усердие в работе’, ‘оплата за труд’, ‘получение премии и, в том числе, урожая’.

Ҳақ додан: “Фарқи онҳо аз ятимҳои дигар аввал дар ин аст, ки онҳо ҳеч кас ятими ман ҳисоб намекунад, дуюм ин аст, ки ба инҳо ҳеч **ҳақ додан** лозим намешавад, танҳо бо ошу нонашон кор карда мегарданд (2.1, 477). — “За работников их не считают, плату за работу они не берут, работают за хлеб-соль. Вот ведь как” (2.2, 317].

Приведенное в этом примере фразеологическое выражение “ҳақ додан” выступает в значении ‘оплата за труд’, ‘поощрение за усердие в труде’.

Дар он дунё: “Якчанд кас як касро хобонда зада истодаанд, “кампирамро куштед, маро ҳам кушед, ки ман бе ӯ зинда монданро намехоҳам” гуфтани каси хобидаро ва “сабр кун, туро ҳам мекушем, аммо ба тарзе азоб дода мекушем, ки **дар он дунё** ҳам **аз хотир набарорӣ**” гуфта ҷавоб додани яке занандагонро шунидам” (2.1, 464]. — “Скорее! Там несколько человек избивают кого-то. Сафар-гулям услышал: — Убили ее, убили! Убивайте и меня! Мне без нее не жить! И на эту жалобу хриплый голос ответил: — И тебя убьем. А сперва поглядим, как тебе сейчас сладко, чтоб ты и на том свете эту ночь помнил, раб подлый!” [2.2, 310].

Фразеологическое выражение “дар он дунё” (на том свете) означает ‘мир после смерти’, ‘тот свет’, ‘Судный день, Апокалипсис’. В этом примере имеет место весьма необычный и мотивирующий наши рассуждения случай — одновременное употребление двух выражений с нейтральным значением “дар он дунё” и “аз хотир набаровардан”, использованных в значении ‘испытывать небывалый гнет’. Это соединение дало очень яркий образец продуктивного значения.

Корди ош: “Дастгоҳи чиноятчиён ба ҳаво бардошта шуда, кордҳо, **корди ошҳо** ва табарҳо ба замин афтодаанд” [2.1, 465]. — “Выронив ножи и откинув топор, затрясшиеся злодеи от неожиданного ужаса подняли руки” [2.2, 310].

Выражение “корди ош” выступает в значении ‘нож, который используется для приготовления еды и для измельчения продуктов питания’. Оно и сегодня широко распространено.

Аз роҳ задан: “Магар чорае нест, ки камбағалонро **аз роҳ занем**, то ки худи онҳо “колхозро намехоҳем” гӯянд [2.1, 474]. — “А нельзя ли что-нибудь сделать, чтоб бедняки не захотели идти в колхоз? Чтоб заявили: “Не хотим!” [2.2, 315].

Выражение “аз рох задан” означает ‘принудить кого-либо отказаться от своей цели’, ‘изменить направление чьего-либо движения’, ‘сбить кого-либо с пути’.

Рохи халосй: “Ту аз ман, — гуфт Хӯчаназар бо оҳанги қадре дуруштона, — **рохи халосй** аз колхозро пурсидан омадаӣ, ҳамин тавр нест?” [2.1, 475]. — “Ты, значит, пришел меня спросить, идти в колхоз или же не идти. Так что ль?” [2.2, 317].

Выражение “рохи халосй” означает ‘меры, направленные на решение возникших проблем. Выражение “рохи халосй” означает ‘меры, направленные на решение определенной проблемы». Отсутствие выразительности, эффектности и окраски является причиной того, что нейтральные фразеологические единицы, как правило, выражают понятия и явления реальной жизни.

В романе Садриддина Айни “Рабы” (“Ғуломон”) часто можно встретить фразеологические единицы, присущие бывшему социалистическому обществу, большинство из которых являются фразеологическими единицами с нейтральным значением. В эту группу входят фразеологические единицы “ахволи ичтимой” (337), “шурои деҳа” (456), “хукумати шуро” (458), “шуури синфӣ” (510), “маҷлиси ғаёлон” (461) и т. п. Анализ этой группы фразеологизмов как фразеологических неологизмов (какими они являлись в то лингвистическое время, когда роман «Рабы» создавался) будет проведен отдельно.

Таким образом, фразеологические единицы с нейтральным значением используются в языке не очень широко, из-за своей функциональной ограниченности они вышли из употребления или подвергаются обновлению. Так, фразеологизмы “шуури синфӣ”, “сохтмони сотсиалисти”, “хаёти сотсиалистӣ” сегодня вышли из употребления, и их место заняли такие новые фразеологизмы, как “иктисоди бозоргонӣ” – рыночная экономика, “сохтмони демократия” – строительство демократии, “кишвари соҳибхитиёр” – независимое государство и т. п.

Актуальным на сегодняшний день стало такое редкое языковое явление, как словарная регенерация, т.е. повторный ввод в употребление фразеологических единиц из фразеологического фонда таджикского языка. Так, выражения “хочагии дехқонӣ” и “деҳқони миёнахол” в настоящее время входят в активное употребление в таджикском языке.

“Яккахочағӣ то охири умр аз пушти ҳамин хари лоғар кашола шуда гаштан буда, колхоз бошад **хочагии дехқониро** аз чихати кор ва ҳосил ба дараҷаи завод ва фабрика расонидан аст” [2.1, 486]. — “Но техника может развиваться в колхозе, в отдельных, маленьких хозяйствах разве развернешь ее? Надо земледелие поднимать на тот же уровень, что и фабрики” [2.2, 324].

“Хукумат ба **деҳқонони миёнахол** кор надорад, ҳатто ба онҳо ёрмандӣ мерасонад гуфта мегаштед-ку” [2.1, 470]. — “Вы же сами говорили, что середняков власть не трогает, а даже помогает им, если в чем есть нужда” [2.2, 313].

Следует особо подчеркнуть, что приведенные выше выражения сегодня представляют собой такие понятия, которые по смыслу, содержанию и качеству значительно отличаются от прежних, то есть от понятий 1930-х годов.

2. Выразительные фразеологические единицы по окраске отличаются разнообразием, а по объему они значительно шире остальных групп фразеологизмов. Выразительные фразеологические единицы составляют большую часть фразеологического запаса таджикского языка. Такие фразеологизмы включают в себя разнообразные понятия реальной жизни, передают различные эмоционально-экспрессивные оттенки — негативные (отрицательные) и торжественные.

Таджикский лингвист Р. Гаффоров, который рассматривал и изучал фразеологизмы таджикского языка на примере художественных произведений писателя Рахима Джалиля, отдельную часть своего исследования посвятил именно этому вопросу. Исследователь, изучив

фразеологические единицы в произведениях Рахима Джалиля, приводит аргументы и делает весьма ценные выводы о фразеологических единицах таджикского языка. В частности, он подчеркивает: “Хотя фразеологические единицы создаются на основе переноса значения и символического смысла всех структурных компонентов выражения, оттенки и эмоциональные особенности у них неодинаковы. Некоторые фразеологизмы употребляется в качестве единиц лексической определенности и устойчивости. Они не имеют художественных особенностей и стилистических функций” [36, 72].

Ученый, обращаясь к анализу этой группы фразеологизмов, особо отмечает тот факт, что в языке большое количество подобных фразеологических единиц. О художественных выражениях, то есть о выражениях, которые обладают выразительностью и специфическими оттенками, исследователь пишет: “В нашем языке существует и другая группа фразеологизмов, которые по выразительности и эмоциональным особенностям отличаются от предыдущей группы. Такие фразеологические выражения делают речь емкой, яркой, выразительной и впечатляющей. С этой точки зрения фразеологизмы данной группы являются поэтическими и образными синонимами слов и свободных синтаксических выражений” [36, 73].

В продолжение слов исследователя можем сказать, что наряду со всем этим выразительные или художественные фразеологические единицы также подразделяются на различные группы.

Таким образом, согласно классификации лингвистов, фразеологические единицы, выражающие положительное или отрицательное значение, в основном подразделяются на две группы, которые можно назвать фразеологическими вульгаризмами и фразеологическими эвфемизмами.

3.1.2. Фразеологические вульгаризмы

Выразительные фразеологические единицы занимают особое положение при формировании образной и эффектной мысли. При изложении своего мнения и отношения говорящий с целью передачи негативной оценки каких-либо фактов, событий и реалий действительности, естественно, пользуется словарем бранных, грубых и стилистически сниженных слов и выражений. Фразеологические вульгаризмы выражают отрицательную семантику. В них отрицательная характеристика передается с помощью разнообразных стилистических оттенков: истерики, насмешки, ненависти, издевательства и т. п. Они выражают отрицательное отношение говорящего или писателя к предмету или событию.

Садриддин Айни при использовании фразеологических вульгаризмов в соответствии с ситуацией и положением персонажей художественного произведения показал себя как непревзойденный мастер слова, обладающий тонким лингвистическим вкусом.

В своем романе “Рабы” Садриддин Айни использовал фразеологические вульгаризмы в соответствии с ситуацией и очень уместно. Хотя в произведении количество фразеологических вульгаризмов не так велико, но по воздействию на слушателя и читателя при показе изображаемой действительности они занимают значительное место.

“Бас кунед акнун, бойбобо, — гуфт Нормурод, ки ба дасташ аризаашро дошта дар навбат истода буд, — ман метарсам, ки ҳоло “худам хабари колхозро шунида **дилкаф шуда мурда монам**” гуфта сар медихед” [2.1, 493]. — “Ладно, дед! Я боюсь, как бы вы сейчас еще не сказали, что в конце зимы вымерло и все ваше семейство, и вы сами в том числе” [2.2, 329]. В этом примере “дилкаф шудан” // “дилкаф шуда мурдан” выражает сквернословие и беспардонное отношение к другому человеку.

“Чораш гӯед, гӯсола ҳам хаст, — гуфт Содик.

— Гӯсола партав-дия, — гуфт он одам, — як чувол харбуза гиред, ду-се донаашро партав мекунад, ман ки ҳамин қадар моли шуморо гирифтани мехоҳам, магар як гӯсоларо партав намекунад?” [2.1, 490]. — “За четырех. Надо ведь и теленка считать. — Когда покупают мешок с дынями, пару дынь дают в придачу. А я покупаю у вас столько скота, пускай уж теленок пойдет придачей” [2.2, 326].

Стилистические особенности фразеологического выражения **“чизеро партав кардан”** в данном примере связаны с ситуацией его употребления в значении ‘делать исключение в виде бесплатного приобретения при купле-продаже определенного имущества и товара’. Такой порядок купли-продажи соблюдается при продаже свежих фруктов и овощей. При купле-продаже скота использование этой нормы неуместно, и это является свидетельством обесценения самого скота и признаком неуважения к его владельцу.

Фразеологическое выражение **“пояш ба лойдон гӯтидан”** означает ‘попасть в сложную ситуацию’, ‘столкнуться с неудачей’, и это значение передается в грубой форме. “Агар аз дасти касе, ки **пояш ба лойдон гӯтидааст**, гирифта ӯро кашола карда набароред ҳам, аз буни гарданаш пахш карда ӯро тамоман фуру ҳам наравонед-дия” [2.1, 490]. — “Рахим-ака! Если человек тонет в грязи, ему надо руку протянуть. Не хотите руку пачкать, так не толкайте его назад в грязь, если он из нее выбрался” [2.2, 327].

В этом случае, если писатель или говорящий вместо фразеологического выражения **“ба лойдон гӯтидан”** использует свободное синтаксическое словосочетание типа “попасть в трудное положение”, “оказаться в тяжелой ситуации” и т. п., сразу становится ясным, что эффективность этих слов, их окраски при таком подходе слабеет. Фразеологическое выражение **“ба лойдон гӯтидан”** прежде всего само очень действенно, и слова говорящего делают его еще более точным, прицельным и целенаправленным.

Подобные выражения в произведениях Садриддина Айни всегда используются к месту, и фразеологическое выражение “чизеро хомталош кардан” — один из таких примеров: “Як чавонаамро бо як ғуночин зимистон кушта хӯрдам. Харам мурд, шутурам дар лой лағжида ғалтида пояш шикаст, ки вайро **ба мардум хомталош карда додам**” [2.1, 493]. — “Одного быка и корову осенью продал, за зиму съел. Молодого бычка и курдючного барана заколол, за зиму съел. Осел сдох. Понять не могу, отчего. Молодой, сильный осел был, взял и сдох. Беда не приходит одна. Вслед за ослом верблюду в ростепель поскользнулся и сломал ногу. Пришлось прирезать. Мясо я пожертвовал, раздал народу” [2.2, 328].

“**Чизеро хомталош кардан**” означает ‘убой животного и раздача его сырого мяса людям в качестве жертвования’.

В очередном примере фразеологическое выражение использовано также весьма кстати: “Бас кунед акнун, бойбобо, — гуфт Нормурод, ки ба дасташ аризаашро дошта дар навбат истода буд, — ман метарсам, ки холо “худам хабари колхозро шунида дилкаф шуда мурда мондам” гуфта сар медиҳед”.

Фразеологическая единица *дафъ шав* (убирайся) является самой распространенной среди таджиков выражение. В некоторых северных местностях наблюдается употребление *нест шав* наравне с *дафъ шав*. Подобного рода выражения часто употребляются в отношении животных, в частности, собак, но писатель, применяя эти конструкции, демонстрирует своё отношение к отрицательным персонажам. Данная единица имеет негативный оттенок. ФЕ *дафъ шавед* (убирайтесь) в следующем примере употреблено последовательно с его синоним – *гум шавед* (убирайтесь):

– ... *Хезед, дафъ шавед, гум шавед* [2.1, 478] // – ... *Встаньте, убирайтесь прочь.*

В следующем примере, если последовательное использование фразеологических синонимов, с одной стороны, считается признаком индивидуального стиля писателя, с другой стороны, показателем

богатства словарного состава и фразеологических ресурсов таджикского языка в далеком прошлом. При употреблении таких фразеологизмов писатель употребляет подчинительный союз «ё ки» (или) и особо подчеркивает цель:

Бачаи бечора гурусна монад, чӣ кунад? Ночор ягон лукма ош, ё гӯштро хӯрда бошад, хӯрдагист, бо ин **осмон омада ба замин намечаспад** ё ки **дунё вайрон намешавад** [2.1, 113] // Что делать бедному мальчику, если тот проголодался? От безвыходности может и съел ложку плова или кусочек мяса, из-за этого небо не упадет (не прилипнет) на землю или мир не разрушится.

К отдельной группе по уровню употребительности можно отнести некоторые фразеологические выражения, объединённые значением ‘издевательство над человеком’.

“Мурдашӯӣ хизмати ҳамаи колхозчиён нест, балки кори касони чудогонаест, ки **мурдаи худро шӯёндан мехоҳанд**” [2.1, 496]. — “На вашу долю останутся только те, кто завещает обмыть их по старым обрядам. Но сколько будет таких колхозников? Поэтому ваш труд в колхозе, мы надеемся, не найдет себе большого применения [2.2, 331].

Фразеологическое выражение “мурдаи худро шӯёндан хостан” имеет грубый и уничижительный смысл.

Встречаются и такие фразеологизмы, которые имеют значение намека: “Муллобачахоро чамъ карда бурда, вақфкорхоро **касоро хармурд кардан** даркор аст, — гуфт як муллои чавонтар” [2.1, 183]. — “Надо собрать учащих всех медресе и с их помощью избить крестьян, как ослов, — предложил молодой мулла” [2.2, 140].

Фразеологическое выражение “касоро хармурд кандан” в точном переводе на русский язык означает ‘избиение кого-либо’.

“Хӯчаназар ҳеч кор накунад, дар вақти ҳақгирӣ **“ба оши тайёр баковул”** шуда ояд ва чойи сергӯшту серравғанашро ба худаш кашад?” [2.1, 509]. — “А Хаджиназар придет получить доход за три хозяйства. Но

ни на посевной, ни на окучке, ни на поливе, ни на чеканке, ни на сборе никто его и в глаза не видал” [2.2, 341].

Фразеологизм **“ба оши тайёр баковул”** выступает в значении ‘по своему усмотрению вмешиваться в чьи-либо дела, распоряжаться делами другого человека по своему усмотрению’.

В следующем примере фразеологическое выражение указывает на беспардонность, невнимательность и тугодумие какого-либо человека. **“Имрӯз бо дидани чӯе, ки онро Ҳамдам-фӯрма кандааст, даҳани ман яла шуда монд”** [2.1, 542]. — “Сегодня я просто рот раскрыл, когда увидел Хамдамов арык” [2.2, 361].

В этом примере фразеологическое выражение **“даҳони касе яла шудан”** указывает на глубокое удивление. А в большинстве случаев **“даҳан яла шудан”** намекает на тугодумие, непонятливость и даже на сумасбродство.

Итак, мы попытаемся привести еще несколько фразеологических выражений, которые относятся к числу фразеологических вульгаризмов, и проиллюстрировать их соответствующими примерами.

Морбачаи аз мор рӯида (буквально: яблоко от яблони недалеко падает): “Аммо ҳамин бача, ҳамин **морбачаи аз мор рӯида** морвор забонбозӣ карда мегӯяд: “Кучо меравед, Бобо-Ғулом?” [2.1, 140] // Но этот мальчишка, этот змеёныш, пустословничая говорит: «Куда вы едете, Дедушка Гулям?»).

Думи касеро лесидан (буквально: подлизывать хвост другого): “Шумо, ки ба кудрати худо имон доред, — гуфт Сафар ба Мулло Наврӯз, — чаро **думи бекхоро лесида мегардед?**” [2.1, 164] // «Вы же верите в силу Бога, — сказал Сафар Мулле Наврузу, — почему вы лижете хвосты беков?»

Аз кӯчаи одамгарӣ нагузаштан (буквально: вообще не относиться хорошо к кому-либо):

“**Ў** бошад як сагест, ки **аз кӯчаи одамгарӣ нагузаштааст**, як хукест, ки ҳар чи ёбад ба шиками худаш метикқонад” [2.1, 188] // «Он — собака,

не прошедшая по улицам человечества, свинья, которая цепляется за свое брюхо, что бы ни нашла».

Гӯрҳои кӯхнаро кофта (буквально: ковыряться в старых могилах; копаться в отжившем и бессмысленном):

“Ҳозирашро дидан гири-чӣ? — гуфт оқсақол, — гӯрҳои кӯхнаро кофта чӣ мекуни?” “Дар вақте ки шумоён барои ман гӯри нав кофта истодаед, гӯрҳои кӯхнаро кофта ҳуҷҷат нишон додани ман магар дуруст нест?” [2.1, 163] // — Ты бы подумал о сегодняшнем, — сказал старец, — что ты копаешь старые могилы?» «Когда вы копаете мне новую могилу, разве мне не следует копать старые могилы и показывать свои документы?»

Кашфи аврат шудан (буквально: выставлять напоказ части тела, которые запрещено показывать по мусульманским законам):

“Агар ман аз чоям хезам, чойҳои нодидани баданам, кушода мешавад ва раиси ту “**кашфи аврат гунаҳкор шудӣ**”, гӯён маро як қамчин дарра мезанад” [2.1, 455] // «Если я встану, невидимые части моего тела обнажатся, и ваш начальник выпорет меня обвиняя в раскрытии интимных частей тела».

Для иллюстрации фразеологических вульгаризмов можно привести и другие примеры, но мы сочли необходимым ограничиться этими примерами.

Объектом исследования и анализа фразеологических вульгаризмов мы выбрали яркую особенность этой группы фразеологизмов. Она проявляется в том, что практически все вульгаризмы обращены к личности, ибо в каждом случае объектом их использования выступает человек. Другой их особенностью является то, что они просторечные, поэтому чаще всего употребляются среди простонародья, в речи низкого стиля.

3.1.3. Фразеологические эвфемизмы

В таджикском языке наряду с фразеологическими вульгаризмами используются и другие фразеологические единицы — фразеологические

эвфемизмы, которые применяются для того, чтобы, в противоположность вульгаризмам, представить явления и события, отношения и состояние человека снисходительнее и мягче. Посредством эвфемизмов выражается глубокое уважение к человеку и вместо непристойных и грубых слов употребляются неяркие по своей окраске слова. Что касается отдельных особенностей эвфемизмов, таджикский лингвист Х. Маджидов отмечает: “В противопоставлении фразеологических вульгаризмов и эвфемизмов отражается позитивная характеристика описываемого предмета, передаются разнообразные отношения почтения, уважения, чтительности, мягкости и снисходительности. Они чаще всего используются вместо непристойных и грубых выражений: **“ба дунё овардан — таваллуд кардан”**, **“аз ақл бегона шудан — девона шудан”** [98, 83].

В повседневной речи и разговорной практике отсутствие эвфемизмов затрудняет общение людей, разрушает их отношения. Например, в романе Садриддина Айни “Рабы” слова “умирать”, “погибать” даются в виде фразеологического выражения “бандаги худро ба чо овардан”: “Баъд аз ду сол падарашон **бандагии худро ба чо оварданд** (мурданд), ин канизак ба мо ду бародар мерос монд” [2.1, 83]. — “Через два года отец наш скончался. Мир его праху! Рабыня осталась в наследство нам, двум братьям” [2.2, 74].

Этот пример позволяет убедиться в том, что выражение “бандаги худро ба чо овардан” передает значение уважения и почтения к родителям. Относительно эвфемизмов можно привести еще множество фактов и примеров.

В целом анализ фразеологических единиц чаще всего связан с таким понятием, как народность творчества, поскольку фразеологические единицы наряду с пословицами и поговорками есть результат мышления и жизненного опыта людей. “Использование фразеологических выражений относится к вопросу народности творчества. Народность является одним из важнейших понятий

художественной литературы. Когда дается оценка общественному содержанию и значению творчества поэтов и писателей, народность выступает в качестве краеугольного камня” [2, 47]. При этом можно добавить, что краеугольным камнем народного языка в художественном произведении являются пословицы, поговорки и фразеологические единицы, и это бесспорный факт.

В народном языке нагляднее всего представлено созидательное начало и творческий, реалистический подход к жизни. Одно какое-либо понятие в народном языке может иметь сотни оттенков и значений. Для сравнения рассмотрим на основе нескольких примеров и сопоставляемых с ними вариантов эвфемизмов фразеологизмы в значении ‘напрасный, тяжелый труд’: “мол бо араки жабин ёфтан” (буквально: трудиться в поте лица; получать плату за тяжелый и честный труд):

“Имрӯз, — гуфт ӯ, — агар 50 ман ғӯза баркашида бошам, аз моле, ки дехқонони мехнаткаш **бо араки чабин ёфтаанд**, камаш 4 ман зада ба шумо додам” [2.1, 66]. — “Нынче я взвесил двести пятьдесят пудов. Самое меньшее, я урвал двадцать пудов. Самое меньшее, хозяин!” [2.2, 62].

“**Қаймоқи мехнат**” (буквально: “каймак от труда”; результат честного труда, продукт тяжелого труда):

“Мужики мазкур, ки шикамаш аз ҳосили замини хароб сер нашуд ва барои дурусттар кор кардан асбоби дуруст ҳам надошт, маҷбур шуд, ки бо ҳаққи арзон ё ин ки аз он хӯчаини замин ичора мегирифт ва маҷбур мешуд, ки **қаймоқи мехнати** худро боз ба ҳамон соҳиби собиқи худ супорад” [2.1, 124]. — “Крестьянин не мог прокормиться одной этой землей и пошел задешево работать к тому же помещику или брал землю в аренду у того же помещика, принимал условия помещика, отдавал ему свой труд” [2.2, 101].

Как видно, выражения “моли бо араки чабин ёфта” и “қаймоқи мехнат” имеют в виду результат труда и плату за работу и выражают целостное значение. Таким образом, анализ этих фразеологизмов

показал, что они являются достоянием народной речи. Исследователи А. Абдукодиоров и А. Давронов, рассуждая о народности литературы и языка, отмечают: “Понятие народности имеет две грани: содержательную и формальную, которые связаны с особенностями художественной литературы. Формальная грань народности опирается на то, что поэт или писатель при создании произведения по мере возможности мастерски использует народный язык” [2, 47].

Усилия автора важны и при использовании этих драгоценных жемчужин. Их отбор и наиболее удачное употребление с точки зрения содержания и смысла требует от писателя хорошего знания народного языка и опыта.

Эвфемизмы, как правило, придают словам красочность, изящество и выразительность и, наряду с этим, в слове концентрируется содержательность. Итак: “Ҳоло ҳам магар дили ту дар ўст, ҳоло ҳам магар хотири ўро риоя мекуни?” — гуфт Ҳамдам-фўрма” [2.1, 546].

Другой пример:

– Ман дар ин бора ҳам қавл додам. Ман гумон карда будам, ки пас аз қайд кунонда, **ба як болиш сар ниҳодан** ўро ба роҳи худ дароварда метавонам. Аммо...” [2.1, 547]. — “Я обещала. Я думала, что когда мы положим головы на одну подушку, он станет сговорчивей” [2.2, 362].

В этом предложении выражение “ба як болиш сар ниҳодан” использовано в значении ‘завести семью, проживать одной семьей, стать мужем и женой’ и часто употребляется в народном языке.

В таджикском языкознании группа фразеологических единиц – эвфемизмов – с точки зрения выражения запретного значения стоит отдельно от других фразеологических единиц. “Фразеологические эвфемизмы иногда выражают запретные понятия. В этом случае они имеют связь с разнообразными понятиями ереси и традиционными обычаями и нравами” [98, 83].

В творчестве Садриддина Айни наглядно представлены следующие фразеологические эвфемизмы: “Дуруст аст, ки ба давлати чаноби олий

чашми бад расид. Он шахс гурехтанд. Монанди Абдуллобойбача одамони кӯтоҳандеша ҳам бо ҳамроҳии он кас гурехтанд. Ҳатто худи ман ҳам ба **иғвои шайтон даромада,** гурехтанӣ шуда будам. Лекин боз **сабр кардам, ба карами худовандӣ паноҳ бурда, оқибати корро нигарон гардидам**” [2.1, 318]. — “Вот позавидовали люди богатству эмира, сглазили его, на него и пали такие несчастья. А ведь я и сам, по наущению дьявола, собирался бежать. Но остался, положился на бога и дожидаюсь. Жизнь налаживается” [2.2, 225].

Как видим, в некоторых случаях писатель использует фразеологические единицы с наибольшей продуктивностью. В приведенном примере слова Урман-палвана, впечатляющие и выразительные, сообщают читателю и слушателю ценные сведения. Фразеологическое выражение “чашми бад расидан” означает неудачу, неудачное предприятие; “ба иғвои шайтон даромадан” выступает в значении ‘встать на плохую дорогу, совершить злодеяние’; “ба карами худованли паноҳ бурдан” означает ‘уверовать в бога и положиться на него в любой ситуации’; “оқибати корро нигаристан” означает ‘ожидать результатов и последствий какого-либо события’.

Другой пример:

“Ман гумон дорам, ки инҳо ба ҳукуматҳо хабарҳои росту дурӯғро расонда, кӯшиш хоҳанд кард, ки **ба решаи мову шумо теша зананд**” [2.1, 319]. — “Ведь они не перестанут подкапываться под нас, не перестанут клязничать, доносить властям, рассказывать всякие были и небылицы. Ну, если мы будем сидеть сложа руки, они опять осмелеют. Что захотят, то и будут делать. Да мы-то ведь не простаки. Нельзя ждать, пока они ударят нас топором под корень” [2.2, 225].

Фразеологическое выражение “теша ба решаи касе задан” означает ‘физически и морально уничтожать кого-либо’.

Подобные фразеологические единицы со значением, выражающим смысл и содержание аллегорических понятий, составляют другую группу

[98, 83]. Приведенное выше фразеологическое выражение “теша ба реша задан” относится к числу таких фразеологических эвфемизмов.

В художественных произведениях Садриддина Айни можно встретить различные виды эвфемизмов. Напримар: “Бобособир ку, — гуфт Сафар-Гулом ба Бобомурод нигоҳ карда, — замини туро пахш карда гирифта, **хунаш ба ту ҳалол шуда будааст**, аммо гуноҳи ин кампир чӣ буд, ки ўро ҳам куштӣ?” [2.1, 465]. — “Я так понимаю, — сказал Сафар-гулям баю. — Сабир-бобо взял у тебя обратно свою землю, и ты решил ему отомстить. Ты готовился не спеша, посоветовался с муллой, взял у муллы прощение этого греха, спрятал это “отпущение грехов” у себя в груди и несколько дней носил его... А за что ж вы убили жену Сабира-бобо?” [2.2, 311].

Выражение “хуни касе ба касе ҳалол шудан” означает ‘допущение убийства человека определенным человеком’ и представлено в относительно скрытой аллегорической форме. В произведении можно встретить и такие фразеологические выражения, значение которых передано тонко, символически и аллегорически:

“Мо, — гуфт бой, — вакте ки Бобособирро ғалтондем, занак омаду ба мо часпида моро шинохт. Бинобар ин ғайр аз куштан чораи дигар надоштем. Вагарна **сирри мо кушода мешуд**” [2.1, 465]. — “Жену-то? А иначе было нельзя. Когда мы Сабира-бобо повалили, она забежала и закричала. А она всех нас знала. Если бы ее оставили, она выдала бы нас” [2. 2, 463].

Фразеологическое выражение “сир кушода шудан” означает ‘раскрыть тайну’, ‘уличить человека в постыдном поступке’, и его синонимом выступает фразеологическое выражение “баромадани миси касе” (буквально: человек сильно покраснел, ему стало стыдно).

Такие фразеологические выражения, как “дил шикастан” и “аҳд шикастан”, выразительно и символически раскрывают образ: “Кори мову ту ҳамин чо буд, ки ту **аҳди худро шикастӣ**, ман ҳам **аҳди худро шиканам** айб мафармо, — мегуфт ва мехост, ки аз хона баромада равад”

[2.1, 548]. — “Наша любовь только до этого разговора. Ты дала слово об этом не говорить. Нарушишь свое слово, и я свое нарушу. Не пеняй на меня”. И опять потребовалось немало сил, чтобы успокоить и удержать его” [2. 2, 363].

Фразеологическое выражение “ахро шикастан” выступает в значении ‘не сдержать слово или обещание’, ‘лгать’ и ‘совершить предательство’: “Дар аввал ту дили ўро шикастӣ. Дили шикаста ба узру маъзаратҳои хушку холи дуруст нахоҳад шуд” [2.1, 584]. — “Сначала ты причинил ей большую боль. А эта боль не проходит от пустых извинений” [2.2, 384].

Стилистические возможности фразеологических единиц довольно широки и разнообразны, благодаря им язык художественного произведения становится весьма выразительным. Язык художественного произведения нельзя представить без фразеологических эвфемизмов. К тому же фразеологические эвфемизмы играют большую роль в индивидуализации персонажей, их отношений между собой и с другими людьми.

Языковед, относя фразеологические эвфемизмы и фразеологические вульгаризмы к группе образных фразеологических выражений, дает такую оценку: “Отличительной характерной особенностью таких выражений является яркая художественная выразительность и эмоциональность. Образные фразеологические выражения появляются на свет благодаря переносу аллегорического значения слов и выражений в составе фразеологизма и концентрируют в себе эмоционально-экспрессивные особенности повествования и речи персонажей. Писатель чаще всего использует образные фразеологические единицы в языке персонажей, таким способом достигая яркости и индивидуализации речи” [179, 106].

Итак, образные фразеологические единицы можно считать основой языка художественного произведения, и, кроме резкой и грубой отрицательной оценки какого-либо явления (вульгаризмы) и

смягчённого выражения мысли (эвфемизмы), в них можно отметить и другие языковые свойства. Образные фразеологизмы составляют определенную группу фразеологических единиц и чаще всего используются в художественном творчестве.

РАЗДЕЛ II. Стилистические слои фразеологических единиц

Стилистические слои фразеологических единиц в соответствии с ситуациями их употребления пропорционально вливаются в стили таджикского языка. Богатый фразеологический запас нашего языка по стилистическим слоям подразделяется на три больших группы: общеупотребительные (нейтральные или межстилевые), книжные и разговорные фразеологические единицы.

Выявление и определение стилистических слоев фразеологических единиц вносит ясность во многие еще не разработанные вопросы фразеологии. И хотя научно-теоретические исследования фразеологических единиц не имеют такой долгой истории, как другие ветви языкознания, за последние годы, и особенно во второй половине XX века, в таджикском языкознании появились достойные внимания труды, в которых уделено особое внимание исследованию и изучению стилистических слоев фразеологических единиц. Вместе с тем данная тема до настоящего времени не была изучена должным образом.

При выявлении и определении стилистических слоев фразеологических единиц основным источником выступают художественные произведения выдающихся писателей. При исследовании художественного произведения определение стилистических слоев фразеологических единиц является наиболее сложным и ответственным делом, поскольку в этом случае источники фразеологических единиц, способы использования фразеологизмов и даже создания новых фразеологизмов определяются только писателем.

Садриддин Айни в своих произведениях наряду с использованием разнообразных единиц народного языка, диалектов и элементов

литературного языка употреблял и широко распространенные традиционные обороты народной речи, поговорки, пословицы, наставления и афоризмы.

Таким образом, выявление и определение на примере художественного творчества Садриддина Айни объема, состава и выразительных возможностей и особенностей фразеологических единиц имеет непреходящее значение в лингвистической науке.

3.2.1. Общеупотребительные фразеологические единицы

Общеупотребительные фразеологизмы включают в себя большинство фразеологических единиц и используются практически во всех языковых стилях, поскольку находятся в общем употреблении, понятны массам и выполняют задачи нормализации или устойчивости образности. В языковедческих исследованиях ученого-лингвиста Х. Маджидова подробно комментируются и разъясняются характерные особенности фразеологических единиц: “Общеупотребительные фразеологические единицы во многих случаях используются как единственно возможный способ передачи содержания мысли» [97, 98].

В художественных произведениях Садриддина Айни общеупотребительные фразеологизмы используются весьма удачно и продуктивно.

Ниже приведем несколько примеров, которые содержат общеупотребительные фразеологизмы, выражают понятный и доступный как для носителей, так и для знатоков таджикского языка смысл и содержание. Итак: “Замона ҳар касро нарм мекунад, — гуфт Қулмурад, — дар замони амир **бурути инро табар намебурид**” [2.1, 337]. — “Это наше время его размягчило. При эмире ему уста и топором нельзя было разрубить. Верно, узнал, что комиссия из Бухары приехала, вот и поджал хвост” [2.2, 236].

Фразеологическое выражение “бурутро табар (шоф) набуридан” (буквально: уста топором (саблей) нельзя разрубить) означает

‘горделивость, высокомерие, чванство, непризнание других, проявление псевдовеличия, равнодушие к словам других’.

Писатель использует подобные фразеологические единицы для показа истинного облика отдельных персонажей, вкладывая их в уста других героев, чем усиливает правдивость художественного изображения. Такой творческий подход требует от писателя большей ответственности, чем само творчество, опыта и ума, глубоких знаний. Более того, отбор фразеологизмов и их органичное употребление в необходимых ситуациях является весьма трудоемким и тернистым процессом.

Выражение **“суханро ба замин мондан”** (буквально: “бросать слова на землю”) по смыслу и содержанию является весьма гармоничным и эффективным. Писатель использует эту фразеологическую единицу в соответствии с ситуацией: “Карвонбошй нафурӯшанд хам, ман ин бачаро фурӯхтам, барои як ғуломбача карвонбошй **сухани маро дар замин нахоханд монд**, равед, **барака ёбед**, — гӯён дасти Абдурахимбойро сар дод” [2.1, 90]. — “Если хозяин не хочет, я сам продам. Из-за одного мальчишки хозяин не изменит ко мне своего благорасположения. Берите мальчика. Вынимайте деньги. Когда Абдурахим-бай, огорченный и уже уверенный, что сильно промахнулся, нехотя отсчитал деньги, маклер, соединив опять руки работорговца и рабовладельца, вдохновенно воскликнул: — Да будет вам польза от этих денег, а вам от раба!” [2.2, 79].

Приведенное выражение, которое широко распространено в разговорной речи в форме “суханро ба замин намонанд”, писатель приблизил к литературному языку, использовав будущее время глагола в форме “нахоҳад монд”.

Фразеологическое выражение “суханро ба замин намондан” означает ‘не отрицать чьи-либо слова’ и имеет синонимы “суханро нашикастан”, “суханро нагардондан”, антонимической формой которых являются выражения “суханро шикастан” и “суханро гардондан”.

Фразеологическое выражение “суханро ба замин мондан” имеет антоним “суханро ба замин мондан”, который используется в отдельных случаях, но не является широко распространенным.

В “Словаре фразеологических выражений” М. Фозилова данное выражение в форме “сухани касеро ба замин задан (мондан)” иллюстрируется следующим примером из романа Садриддина Айни “Дохунда”: “Чаро дам намезанӣ, магар сӯзани падаратро дар нафаси вопасинаш ба замин мемонӣ?” В данном “Словаре” также приводится другая форма этого выражения: **“сухани касеро ба замин партофтан”**, проиллюстрированная следующим примером: “Агар ту сухани падаратро ба замин партои, духтари ман нести” [224, 116].

Автор “Словаря” так определяет содержание и значение указанных выражений: “не исполнить просьбы, желания, приказания кого-либо, не принимать во внимание чьи-либо слова, отказать и отрицать” [224, 119].

Фразеологическое выражение “аз як гиребон сар баровардан” является одним из самых распространенных в таджикском языке: “Саисҳо, — гуфт саиси якум, — бо иттифоқи якдигар холи худро бехтар карданд. Деҳқонони камбағал, ки **аз як гиребон сар бароварда** наметавонанд, сари ҳар кадомашонро **бо гиребони худашон печонида** мекушанд” [2.1, 134]. — “Конюхи добились этого единством и общим согласием. А крестьяне боятся высунуть голову из воротника и тем губят друг друга” [2.2, 121].

Гармоничность проявляется здесь в том, что писатель, усилив значение фразеологического выражения “аз як гиребон сар баровардан”, создал новый фразеологизм “бо гиребони худ печонидан куштан”. В результате творческого использования фразеологизма общенародного языка у него появилось приращение смысла, и общую семантику следует объяснять таким образом: в момент объединения каждого не следует жить поодиночке.

Здесь проявляется еще одна весьма важная особенность фразеологических единиц, которая выступает как первоисточник создания и совершенствования фразеологических выражений.

Фразеологическое выражение “аз як гиребон сар баровардан” в “Словаре фразеологических выражений” М. Фозилова зафиксировано в виде “аз як гиребон сар кашидан” [223, 50].

Другое широко распространенное в народе выражение “дарди дил кардан” также использовано удачно: “Ин чӣ гуна бедодист, тақсир? — гӯён яке аз пахтакашон ба имоми деҳа **дарди дил кард**” [2.1, 96]. — “Но это же несправедливо, хозяин? — пожаловался один из крестьян имаму” [2.2, 83].

Выражение “дарди дил кардан” выступает в значении ‘жаловаться, выражать недовольство своим положением’.

Общеупотребительное выражение “меҳнат сӯхтан” также использовано мастерски: “Агар қадре об ояд, ягон чиз мерӯидааст, вагарна ҳамроҳи кишт **меҳнати деҳқонон ҳам сӯхта**, ҳамагӣ талаф мешудааст” [2.1, 151]. — “Работал, но воды не хватило, и все выгорело” [2.2, 130].

Если мы обратимся к тексту, то станем свидетелями взлета творческой мысли и мощи художественного замысла. В этом предложении выражение “сӯхтани меҳнат” (сгорел или пропал труд) соседствует с другим о выгорании посевов из-за безводья, т. е. посеянная культура выгорает от безводья под жарким солнцем, а труд крестьян пропадает из-за отсутствия результата, из-за неурожая. Однако соединение этих двух понятий в рамках художественного слова потребовало от писателя колоссального труда и глубокого понимания лингвистических закономерностей таджикского языка.

Объем общеупотребительных фразеологических единиц в языке неисчерпаем, их варианты существуют даже в других языках. Так, фразеологическое выражение “забонро нигоҳ доштан” употребляется в данном случае подобным образом: “**Забонатро нигоҳ дор**, манчалак! —

гуфт бойбача шӯрида, — ман пагоҳонӣ дар вақти хӯрок хӯрданам, устухонҳои нимхоидаро ба ту “ба Хайбар дех!” гуфта будам” [2.1, 129]. “Придержи язык, тварь! Когда тебе говорят, слушай. Когда я поел, я отдал тебе недоглоданные кости и сказал: “Отдай Хайбару” [2.2, 105].

Фразеологическое выражение “забонро нигоҳ доштан” имеет синонимы “дахони касеро бастан”, “дахони касеро маҳкам кардан”, “дахони касеро ғундоштан” [223, 211; 224].

Как уже было отмечено, общеупотребительное фразеологическое выражение “забонро нигоҳ доштан”, как и некоторые другие общеупотребительные фразеологические единицы, имеют эквиваленты даже в других языках, в том числе в русском (“держать язык за зубами”) и узбекском (“тилни тиймоқ”). Но поскольку сопоставление переводов фразеологических единиц не является нашей задачей, мы сочли необходимым привести только этот пример.

Следует отметить и то, что другой отличительной особенностью общеупотребительных фразеологических единиц всегда считалась их функция быть в синонимическом ряду доминантой (“сарсилсила”). Об этом языковед Х. Маджидов говорит так: “Общеупотребительные фразеологические выражения можно легко отличить в цепи явлений синонимического характера и вариантности. В синонимическом ряду общеупотребительные фразеологизмы обычно выполняют роль доминанты — сарсилсилы. Они полнее выражают понятия, ставшие объектом рассмотрения, чем их синонимы” [98, 86].

Фразеологическое выражение “дахони касро бастан” с глаголом, употреблённым в другой временной форме, приводится в нижеследующем примере: “Аз ин бачаи маҳмадоно, ки даҳони касеро мебандад, халос шудам-э, — гуён Нормурод ба Хӯчаназар наздик шуда гуфт” [2.1, 517] // — Я избавился от этого мальчика, который затыкает кому-то рот, — сказал Нормурад, подходя к Ходжаназару.

В этом случае фразеологизм “дахони касеро бастан” означает ‘не давать говорить кому-то’. Стилистические возможности и ситуации

употребления анализируемых фразеологических единиц отличаются своеобразием и в основном, с точки зрения общего значения, являются синонимами.

Использование общеупотребительных фразеологизмов в творчестве Садриддина Айни придает языку основательность и живописность, вместе с тем они выражают чаяния, мировоззрение и характер народа. Объем общеупотребительных фразеологизмов, как уже указывалось, весьма значителен, и к этой группе можно отнести следующие фразеологические единицы: **“толеъ тохтан”** (88) (быть счастливым), **“аз болу пар чудо шудан”** (22) (остатся одиноким), **“чигари касе бирён шудан”** (154) (измучится), **“дили касе танг шудан”** (526) (сузить чьё-либо сердце), **“рӯзи истирохат”** (328) (выходной день), **“рӯзи мехнат”** (534) (трудоуодной день), **“шурои деҳа”** (456) (сельский совет), **“дашном додан”** (360) (бранить), **“сир нигоҳ доштан”** (583) (сохранить тайну), **“аҳволи иҷтимоӣ”** (337) (социальное положение), **“сирро аз дахон баровардан”** (347) (раскрыть тайну), **“сир кушода шудан”** (495) (раскрытие тайны), **“аъзои ҷамъият”** (483) (член общества).

Итак, общеупотребительные фразеологические единицы очень распространены благодаря своему социально закреплённому и известному всем значению и определенности.

3.2.2. Разговорные фразеологические единицы

Многие «вопросы разговорной фразеологии можно считать почти совершенно не разработанными» [4, 110]. Но очевидно, что разговорные фразеологические единицы отличаются непосредственностью, неофициальностью, непринуждённостью, стилистической сниженностью, метафоричностью.

В количественном отношении основным стилистическим пластом таджикской фразеологии являются разговорные фразеологические

единицы. Они служат тем материалом, при помощи которого «писатель добивается яркости и сочности языка» [43, 280].

Разговорные фразеологизмы составляют особую группу фразеологических единиц. В свою очередь, они подразделяются на литературно-разговорные фразеологизмы и фразеологические диалектизмы.

а) Литературно-разговорные фразеологические единицы более распространены, чем фразеологические диалектизмы. Подобные фразеологические единицы, прежде всего, употребляются в литературной речи. По этой причине большая их часть в настоящее время вошла в литературно-книжный язык, но они очень близки к разговорной речи и живому народному языку. Их своеобразие состоит в том, что большинство из них предельно правдиво выражает жизненно необходимые понятия.

Литературно-разговорные фразеологизмы благодаря своей простоте и доступности для народа близки к общеупотребительным фразеологизмам, однако они по сравнению с последними имеют ограниченное распространение с точки зрения возможностей использования в большинстве языковых стилей в письменной и устной речи всех слоев общества. К литературно-разговорным фразеологизмам можно отнести следующие фразеологические единицы:

Димоғи касе сӯхт (расстроиться): “Мулло, ки бо сӯхтани саллааш димоғаш ҳам сӯхта буд, шӯрида овози худро баланд кард” [2.1, 362] // Мулла, который расстроился из-за сгоревшего тюрбана, разгневанный громко кричал.

Выражение “димоғи касе сӯхт” выступает в значении ‘подвергнуться унижению, унижаться’, ‘обидеть, обижаться’. В этом примере писатель сравнивает сгорание чалмы муллы со “сгоранием горла”, т. е. изображает его обиженным, и в этом случае фразеологизм используется весьма показательно.

Ба чон омадан: “Нормурод аз рост истодан ба чон омада ба жояш нишаста бо Содиқ пичиррос зада истода буд, ки Эргаш бо овози баланд ба \bar{u} гуфт” [2.1, 483] // Нормуроду надоело стоять и сев на своё место прошептал Садыку, как Эргаш сказал громким голосом.

Фразеологическое выражение “ба чон омадан” означает ‘тяжело заболеть’ или ‘надоест’. По сравнению с общеупотребительными фразеологизмами оно имеет относительно ограниченный круг употребления.

Дар ба дар гаштан: “Яъне ту дар ба дар гашта чуфти гов талабида ва ё ин ки киро карда намегардӣ” [2.1, 484] // «То есть ты не будешь ходить по дворам, прося пару коров или нанимая их».

Фразеологическое выражение “дар ба дар гаштан” выступает в значении ‘скитаться’ или ‘искать кого-либо’, ‘потребовать что-либо с каждого дома’.

Чашми касе чаппа шудан: Агар надарой, ба корат барака намомонад, тамоми камбагалон, мардикорон ва ятимон ба ин даромада рафта, дар дасти ту дасти корӣ намомоад; ба болои ин чашми болшевикон ба ту чаппа мешавад, ачаб нест, ки ба сарат боз чанд балои дигарро биёранд [2.1, 474] // Если не войдешь, не благословится дело твое, войдут в это все нищие, труженики и сироты, и не будет дела в руках твоих; ко всему этому на вас обратятся взоры большевиков, неудивительно, что они навлекут на вашу голову еще несколько бед.

Выражение “чашми касе ба касе чаппа шудан” выступает в значении ‘возникновение ненависти и равнодушия одного человека к другому’. Круг употребления данного фразеологического выражения более ограничен по сравнению с общеупотребительными фразеологизмами.

Аз таги дил кор кардан: “Бо вучуди ин, ман гумон намекунам, ки \bar{u} ба колхоз хиёнат карда бошад, зеро \bar{u} дар колхоз ҳамеша аз таги дил кор мекунад, ба бачаҳо “Худо нест” гуфта ёд дода бошад хам, ба онҳо

коркуниро ёд додааст” [2.1, 599] // «Тем не менее, я не думаю, что он предал колхоз. Потому что он всегда работает от души в колхозе, хоть и научил детей говорить «Бога нет», но научил их работать.

Фразеологическое выражение “аз таги (таҳи) дил кор кардан” означает ‘самоотверженно трудиться’, ‘трудиться изо всех сил’, ‘честно трудиться’. Данное фразеологическое выражение имеет вариант “аз сидки дил кор кардан”, а в “Словаре фразеологических выражений” зафиксировано как “аз таги дил...” [223, 44]. Оно состоит из элемента “аз таги дил...” в соединении с различными глаголами (“аз таги дил гап задан” и т. п.).

Ба чавобгарӣ кашидан (привлекать к ответственности): “Аз ин чихат, — гуфт Сафар-Ғулом сухани худашро давом кунонида, — чавобгар шудани Ҳасан лозим буд, дар тафтиши аввалӣ, вақте ки асари дасте, ки аз берун ба ин чиноятҳо ҳамроҳ шуда бошад, маълум нашуда буд, Ҳасанро ба чавобгарӣ кашидан қарор ҳам ёфта буд” [2.1, 598] // «С этой точки зрения, — сказал Сафар-Ғулям, продолжая свой разговор, — необходимо было привлечь к ответственности Хасана, на первоначальном следствии, когда не было никаких признаков причастности извне к этим преступлениям, было принято решение о привлечении Хасана к уголовной ответственности».

Фразеологическое выражение “ба чавобгарӣ кашидан” означает ‘назначать наказание за то или иное преступление или правонарушение // привлекать к ответственности’. С точки зрения этимологии о нём можно сказать, что он возник как элемент официально-делового стиля и относится к сфере права, однако в настоящее время перешел в разряд литературно-разговорных фразеологизмов.

Литературно-разговорные фразеологические единицы в процессе развития языка эволюционировали и приобрели признаки общеупотребительных фразеологических выражений.

б) Если многие стилистические группы фразеологических единиц возможно установить на основе языкового чутья, то стилистическую

природу **диалектных фразеологизмов** интуитивно определить нельзя. С коммуникативной точки зрения фразеологические диалектизмы имеют территориально ограниченное употребление.

Фразеологические диалектизмы занимают определенное место в произведениях Садриддина Айни. Фразеологические диалектизмы являются единицами, присущими отдельным диалектам, и концентрируют в себе все отличительные особенности диалектов. Они употребляются в рамках того или иного периода, а в художественных произведениях используются для создания индивидуальных характеристик героев. Отличительная особенность фразеологических диалектизмов состоит в том, что их смысл становится ясен из контекста, и читатель в большинстве случаев осмысливает их значение после знакомства с текстом произведения. Иногда писатель даёт их разъяснение в тексте художественного произведения.

Как известно, совершенствование и эволюция развития словарно-фразеологического фонда литературного таджикского языка происходит за счёт фонда диалектизмов – лексических и фразеологических. Однако их употребление, например, в художественном произведении, требует всестороннего семантико-стилистического анализа. Об этом таджикский языковед Г. Джураев в своем предисловии к книге “Народные выражения” (на основе материалов хозяйств Ура-Тюбе), составителем которой является Р. Абдуллозода, очень точно замечает: “Фразеологические выражения из словарного фонда диалектов рассматриваются как с точки зрения разнообразия словарных единиц, так и с точки зрения выражения ими аллегорического значения и содержания. В этом отношении необходимость употребления каждого выражения или фразеологического оборота в том или ином случае требует отдельного рассмотрения” [225, 7].

В произведениях Садриддина Айни фразеологические диалектизмы используются довольно редко, и писатель, употребляя их в необходимых

случаях, даёт пояснение их значения. Так, например, следующие диалектные фразеологизмы:

Пуштак истодан: “Аммо барои даромадан ба хавлии \bar{u} пуштак истодан лозим нашуда аз девори якунимпохсагии \bar{u} хамашон, гӯё ки мечахида бошанд, бо як хез задан гузашта ва рӯи хавлии берун баромаданд” [2.1, 464] // «Но им не надо было становиться на спину, чтобы войти в его двор, они все перепрыгнули через полуторную стену, как будто прыгали, и вышли на двор».

Выражение “пуштак истодан” означает ‘встать на согнутую спину другого человека и с его помощью залезть, например, на крышу’.

Обро поя кардан (направлять воду в одну сторону): “Вақте ки навбати об ба мо расид, \bar{U} рмон-полвон хамаи обро ба чорбоғи худ поя кард” [2.1, 165] // Когда подошла наша очередь, Урман-Палван распределил всю воду на свой сад.

Садриддин Айни так разъясняет выражение “обро поя кардан”: “Перегородив течение со всех других сторон, направлять воду в одну сторону”. Выражение “обро поя кардан” в этом значении относится к бухарскому диалекту.

Соскан хӯрдан (получить жесткий удар): “Бой соскани сахт хӯрд ва барои вай роҳи халосӣ намонда буд” [2.1, 94] // Бай получил жесткий удар и выхода у него не было.

Писатель разъясняет значение слова “соскан” так: “Соскан — длинный шест со стальным наконечником, при помощи которого ловят рыбу”.

Данное фразеологическое выражение выступает здесь в значении ‘получать жесткий удар от кого-либо’ или ‘принимать чей-то неожиданный удар’.

Гардком задан (термин азартных игроков): “Азбаски инҳо дар сояи ҳамин пеша пули бисёре ёфта, ҳамеша “гардком мезаданд”, киморбозони Бухоро инҳоро ба “шарафи” лақаби “бойбачағони чаноби

олӣ” мушарраф карда буданд” [2.1, 56] // Так как эти люди зарабатывали большие деньги в азартных играх, всегда «били в гардком», азартные игроки Бухары удостоили их «чести» прозвища «богачи его высочества».

Комментарий Садриддина Айни звучит так: “Гардком” — жаргонное слово, которое произносят в процессе игры все начинающие картежники.

Выражение “гардком задан” и сегодня встречается в диалекте жителей Бухары. Айни пишет: “Гардком — термин азартных игроков, который используется во время игры: “Гардком мегӯду бучула мепартод” [102, 64] // Говоря «гардком», кидает бабки.

Как видим, использование диалектизмов имеет немалое значение с точки зрения творческой необходимости и усиления художественной образности. Фразеологические диалектизмы отличаются своеобразной окраской и ограниченным кругом употребления. В языке художественных произведений они используются только в определенных случаях. Кстати, такие фразеологические единицы могут придавать особую выразительность и местный колорит изображению событий и речи персонажей художественного произведения.

Таким образом, фразеологические единицы в художественных произведениях можно назвать особой группой фразеологизмов и одним из основных средств повествования. Вместе с тем этот вопрос в современном таджикском языке еще требует специальных исследований.

3.2.4. Книжные фразеологические единицы

Эта группа фразеологизмов в произведениях писателей, и в том числе Садриддина Айни, не является большой и продуктивной. Книжные фразеологизмы обладают особым значением и звучанием, им присуща риторичность, возвышенность, торжественность, а также официальность. Ученый-лингвист А. Ломов подразделяет книжные фразеологизмы на две группы: а) литературно-книжные фразеологизмы;

б) поэтические фразеологизмы [89, 44]. Круг употребления книжных фразеологизмов относительно других групп фразеологических единиц довольно узок и практически ограничен книжным стилем. “Такие фразеологические единицы относятся к книжному стилю и отличаются особыми поэтическими свойствами от других, и прежде всего — от общеупотребительных фразеологизмов” [98, 86].

В творчестве Садриддина Айни использование книжных фразеологизмов весьма показательно. Писатель наряду с использованием книжных фразеологизмов совершенствовал их.

Книжные фразеологизмы составляют группу важнейших фразеологических единиц, которые относятся к литературному языку. Они являются средствами художественного повествования. Итак, следующими примерами мы проиллюстрируем их употребление в романе «Рабы»:

Бо эхтироми тамом: “Муллоён он қадар такаллуф накарда, ҳар кадом ба мартабаи худ нигоҳ карда, болою поин аз наздиктари Полвон жой гирифтанд, аммо оқсақолон ва калоншавандагон, баъд аз он, ки “шумо гузаред, шумо гузаред” гӯён ба бологузари таклиф карданд, ҳар кадом дар гӯшае хазида ва дузону **бо эхтироми тамом** нишастанд” [2.1, 194]. “Муллы, не церемонясь, расселись около Урман-палвана, каждый сообразно своему рангу и званию, ниже или выше. Но аксакалы и сельские старшины, предлагая друг другу проходить первым, скромно забились по углам и расселись в почтительных позах, опустившись на колени” [2.2, 148].

Фразеологическое выражение “бо эхтироми тамом” выступает в значении ‘выражать глубокое почтение’, и относится к литературно-книжному стилю.

Оташи туғён фурӯ нишастан: “Бо ин боронҳои дам ба дами баҳори хомаҳои реги равон, ки дар айёми гармои тобистон монанди кӯҳи оташ гардида бо андак бод ба ҳар тараф ҳаракат мекарданд, ҳоло вазнин шуда ором гирифта буданд ва оташи туғёнашон фурӯ нишаста буд” [2.1,

127]. “Эти короткие, но частые дожди отяжелили песок, успокоили и уплотнили холмы, которые летом, как степной пожар, передвигались с места на место по просторам пустыни” [2.2, 103].

Хотя фразеологическое выражение “оташи тугён фурӯ нишастан” само по себе имеет образное и выразительное значение, однако оно очень показательно как поэтический фразеологизм.

К литературно-книжным фразеологизмам относятся “**мархамати олий**” (высокая честь) (85), “**ба назар гирифтан**” (принять во внимание, благосклонность) (265), “**гирд омадан**” (объединится) (481), “**ислохоти замин**” (земельная реформа) (484), “**молҳои саноатӣ**” (промышленные товары) (588), “**маълумоти умумӣ**” (общее образование) (593), “**кишти табдилӣ**” (пересев) (586) и т. п.

Среди книжных фразеологизмов, в свою очередь, можно выделить отраслевые фразеологические единицы. “К группе отраслевых фразеологизмов относится большое количество терминов и понятий из различных областей науки и техники. Такие терминологические выражения, как и все фразеологические единицы, являются устойчивыми и продуктивными и выражают целостное значение. Важнейшая особенность этой группы указывает на происхождение фразеологических единиц, на их расположение преимущественно в содержательной системе языка” [98, 88].

Так как большинство художественных произведений Садриддина Айни были созданы в первой половине XX века, в период коренного переустройства общества, укрепления его структуры, он изображает эти преобразования весьма полнокровно, и большинство новых фразеологических выражений, имеющих терминологическое значение, относится к политической, социальной, правовой и другим сферам общественной жизни. В этот ряд можно поставить следующие фразеологические единицы: “**интизоми меҳнат**” (трудовая дисциплина) (511), “**ҳайати раёсат**” (заседание президиума) (602), “**шӯбаи сиёсӣ**” (политический отдел) (594), “**далелҳои модди**” (вещественные

доказательства) (608), “тадбирҳои агротехникӣ” (агротехнические мероприятия) (604), “артели чорводори” (животноводческая артель) (485), “ширкати хочагии кишлоқ” (сельскохозяйственный кооператив или товарищество) (498), “маҷлиси ғаълол” (заседание актива) (513), “хушёрӣи синфӣ” (классовая бдительность) (463), “душмани синфӣ” (классовый враг) (507), “муборизаи синфӣ” (классовая борьба) (463).

б) Другую часть книжных фразеологизмов называют поэтическими. По утверждению А. Ломова, поэтические фразеологизмы отличаются от фразеологизмов других групп тем, что они, как и описательные выражения, являются весьма выразительными и емкими. Они отличаются своей привязанностью к поэтическому жанру – песне, стихотворению, поэме. Они представляют собой лирические формулы, типичные, традиционные сочетания. Поэтическим фразеологическим единицам свойственны мягкость, утонченность, лиричность, напевность, задумчивость и сердечность [89, 101].

В произведениях Садриддина Айни этот вид фразеологических выражений использован весьма удачно и через призму анализа и изучения. Писатель обладает большим мастерством на этом поприще. Итак: “Вақте ки Муҳаббат бо Ҳасан аз пеши Фотима хеле дур рафтанд, аз пасашон садои **суруди дилхароше** баромад, ки Фотима ин шеъри Рофеъро **шаҳд кашида мехонд**” [2.1, 585]. “Тогда и он (Хасан) пошел вслед за Мухаббат. И когда они далеко отошли от Фатимы, до них долетела ее песня” [2.2, 385].

Выражение “**суруди дилхарош**” выступает в значении ‘душевная песня, мелодия, которая приводит в движение скрытые чувства’, и круг его употребления ограничивается книжным стилем. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что некоторые книжные фразеологические единицы, которые по своему словарному составу пригодны для употребления на еще более широком стилистическом поле, вводятся писателем-творцом в литературно-разговорный оборот и, при условии признания большинством, со временем станут народным достоянием.

Другой пример: “Хасан, ки бо шунидани ин **шеъри обдор** аз **садои оташбори** Фотима беқарор гардида буд, дар дили худ дарун-дарун замзамакунон ба \bar{u} ҷавоб медод” [2.1, 585]. “И, уходя, вслушиваясь в легкий далекий напев Фатимы, Хасан шептал” [2.2, 385].

Если внимательно рассмотреть эти два выражения, т. е. “шеъри обдор” и “садои оташбор”, то можно заметить, что, являясь между собой сходными по структуре и даже рифмующимися, они придают словам писателя особую мелодичность и поэтичность. Фразеологическое выражение “шеъри обдор” является книжным фразеологизмом, имеет вариант “сухани обдор”, относится к литературно-разговорному стилю и означает ‘содержательное и выразительное стихотворение’. Фразеологическое выражение “суруди оташбор” так же имеет свой вариант (“сухани оташбор”) и так же означает ‘замечательное и эффектное слово или предложение’. Другой причиной, по которой эти выражения использованы одновременно, является то, что они вступают в антонимические отношения: ключевым компонентом первого является лексема “оташ” (огонь, пламя), а ключевым компонентом второго — “об” (вода).

Другой пример: “**Оташи хичрон** ва андӯху алам, ки дар дилаш хун шуда буд, монанди газҳои дар зери замин гирдомада берун ҷаҳиданд. Фотима бо овози ҳазине, ки **дилхоро метарошид**, баданхоро меларзонид, **синахоро мехарошид** ва **ба ҷонҳо шарора мепошид**, дар ҳавои Гирёнқазок сурудгӯӣ сар кард” [2.1, 581]. — “И стало ей так жаль себя, словно огонь, долго тлевший внутри, вспыхнул, охватывая всю ее. И она негромко запела тоскливую старинную песни” [2.2, 382].

В этом примере писатель, учитывая сходство по структуре (соразмерность) и наличие рифмы (созвучность) данных фразеологических выражений, выстраивает их одно за другим. Всякий высокоинтеллектуальный читатель приходит от этого художественного приёма в изумление и испытывает восторг. Для передачи душевности песни, которую поёт героиня романа, использованы книжные

фразеологические выражения “**дилхоро тапондан**” в значении ‘растревожить сердце’, “**синахоро харошидан**” в значении ‘воздействовать на кого-либо и привести его в волнение’, “**ба чонхо шарора пошидан**” в значении ‘воздействовать на кого-либо, одухотворять кого-либо, взволновать кого-либо’.

Такие фразеологические выражения, как “**манзараи дилрабо**” (очаровательный пейзаж) (579), “**иродаи пӯлодвор устувор**” (сильная как сталь воля) (579), “**вичдони соф**” (чистая совесть) (579), “**табиат гирифтан (озурда шудан)**” (расстроится) (569), “**оташи мухаббат**” (пламя любви) (526), “**шарбати висол**” (шербет свидания) (543) и “**қалби чавонии соф**” (чистое молодое сердце) (548) также относятся к разряду книжных. Следует сказать, что использование книжных фразеологических выражений довольно ограничено в речи персонажей. Использование устойчивых выражений, присущих литературно-книжному стилю, в большинстве случаев характерно для авторской речи, где они служат для передачи авторской позиции в оценке происходящего в романе действия, поступков персонажей художественного произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Художественные произведения выдающегося писателя Садриддина Айни принадлежат к числу ярчайших творений таджикской литературы двадцатого столетия. Неутомимый труд великого учителя словесности Айни в целях становления и развития таджикского литературного языка следует признать титаническим. На основе богатого литературного наследия и народного языка он создал новую художественную прозу, с особым стилем. Фразеологические единицы в его прозе занимают особенное место. Используя эффективные

средства языка классической литературы, он употребил их образно, стилистически окрашенно.

2. Данное диссертационное исследование впервые определяет позицию фразеологических единиц в романе «Рабы» («Фуломон»). Анализ языка, и в частности фразеологических выражений, использованных в романе «Рабы» («Фуломон») в соответствии с их стилистическими особенностями, показал, что писатель как великий учитель слова и пропагандист таджикского общенародного языка поистине мастерски распорядился всеми доступными ему лингвистическими средствами, придавая им благодаря своему перу новые грани и блеск, своим подвижничеством поставил их на службу литературе.

Использование фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни на примере романа «Рабы» наилучшим образом продемонстрировало нам их безупречность и гармоничность с точки зрения содержания, семантико-стилистических особенностей, исторических и современных свойств языка, живого народного языка, традиций, канонов и обычаев и в целом духовности. Большинство фразеологических единиц весьма удачно использовано в произведении в рамках своеобразного творческого стиля, и это сделало язык писателя еще более выразительным, красноречивым, емким и изящным.

3. Как уже отмечалось, изучение языка и стиля таджикских писателей, в том числе исследование и изучение словарных особенностей фразеологических единиц, имеет большое значение в настоящее время и является одним из основных средств совершенствования и развития таджикского литературного языка.

Прежде всего, значение анализа и исследования фразеологических единиц в произведениях различных писателей состоит в том, что своеобразие стиля каждого писателя определяется творческим отбором фразеологизмов. Такие творческие возможности, которые характеризуют выдающихся писателей, прежде всего, как носителей и

пропагандистов данного языка, представляют собой одно из важнейших условий формирования школы будущих служителей литературы.

Язык произведений великого Садриддина Айни всегда привлекал внимание языковедов, и он может стать источником новейших научных достижений в таджикском языкознании. Творческое использование слов, выражений и фразеологических единиц с учетом содержательных и жанровых особенностей произведения дает возможность изобразить широкую панораму событий и придает их описанию особый национальный колорит.

4. Проведенный анализ фактического материала свидетельствует о том, что фразеологические единицы романа «Рабы» в семантическом плане разделяются на идиомы, фраземы и фразеологизмы неидиоматического характера. Среди указанных семантических разрядов фраземы и фразеологизмы неидиоматического характера составляют абсолютное большинство. Они употреблены различными стилистическими целями: для привлекательности и эффектности мысли, реального описания обстановки, предмета и т.д.

5. Талант Садриддина Айни, его творческое мастерство, жизненный опыт и высокий уровень владения языком позволили ему тонко и высокохудожественно отобразить явления и предметы, характеры героев, их социальное положение и статус, мировоззрение, стремления, и при этом использовать всю гамму парадигматических отношений – вариантов, антонимов и синонимов фразеологических единиц, их значения и стилистические возможности.

6. Для достижения эоциональности, точности изображения С. Айни вырабатывает свой индивидуальный стиль. Он использует два, иногда больше фразеологизмов одновременно в одном предложении, или фразеологизм и обычный оборот, у которых один из компонентов является общим. Также, изменив состав фразеологической единицы, вводит в неё новое слово. Игра слов и употребление рифмы в фразеологизмах – один из любимых приёмов писателя.

Благодаря исследованию фразеологических единиц выявлены их естественная красота, редкие и неповторимые особенности. Наряду с этим особым достижением стало открытие новых и до сих пор не известных данных, касающихся использованных в произведении фразеологических единиц, к которым можно отнести некоторые устаревшие выражения и диалектизмы.

Более того, с выявлением и определением места фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни появляется возможность для составления фразеологических словарей, что могло бы стать большим достижением таджикского языкознания.

7. Садриддин Айни использовал фразеологические единицы в соответствии со своеобразными особенностями темы, жанра, стиля повествования. Фразеологические единицы придали языку произведения мощь и выразительность и наряду с этим сделали его живым, простым, понятным и близким народу.

Таким образом, данное исследование, ставившее своей целью изучение особенностей функционирования фразеологических единиц в произведениях гениального учителя слова Садриддина Айни, является лишь каплей в бескрайнем океане живого народного языка. В будущем перед таджикским языкознанием стоит задача осуществить более глубокое и совершенное исследование в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуқодиров А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. — Душанбе: Дониш, 1988. — 126 с.
2. Абдуқодиров А., Давронов А. Каломи Камол. — Хужанд, 1998. — 215 с.
3. Абдуҷабборов Т. Реализми устод С.Айнӣ. // Масъалаҳои филология ва робитаи адабий. — Самарқанд, 1979. — С. 81-89.
4. Авалиани Ю.Ю. К изучению разговорной фразеологии. //Исследования по русскому и славянскому языкознанию. — Самарқанд, СамГУ, 1971. — вып. 205. — С. 210-215.
5. Айнӣ К. Ҳофиз ва тарзи сухани Ҳочу // Садои Шарқ. — 1971. — 4. — С.70-78.
6. Айнӣ С. Дар бораи Фирдавсӣ ва “Шоҳнома”-и ӯ // Куллийёт. Ҷ. II. — Душанбе: Нашрдавлтоҷ., 1963. — С. 7-51.
7. Айнӣ С. Устод Рӯдакӣ // Куллийёт. Ҷ. II. — Душанбе: Нашр. давл. Тоҷикистон, 1963. — С. 129-154.
8. Алдаибани Ареф Али Салах. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих интеллектуальные способности человека, в английском и русском языках: Автореф. дисс... канд. фил. наук. — Казань, 2003. — 25 с.
9. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. — М.: Гнозис, 2005. — 326 с.
10. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. — М., 2008. — 271 с.
11. Ализода И. Фарҳанги мухтасари “Шоҳнома”. — Душанбе: Адиб, 1992. — 496 с.
12. Аловиддинов Б.Д. Выражение категории вида в глагольных фразеологических единицах современного таджикского языка: Автореф. дисс... канд. фил. наук. — Душанбе, 2019. — 22 с.
13. Андреев М.С. Маълумоте чанд андар шинохти тоҷикон. — Душанбе: Адиб, 1992. — С. 36-48.

14. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М., 2010. – 443 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 221 с.
16. Банникова И.А. Об изменении смыслового объема поэтического слова и роли стилистического текста // Лексикологические основы стилистики. – Л., 1973. – С. 23-31.
17. Бахриддин Д. “Чароғи ҳидоят”-и Орзу ва забони тоҷикии форсӣ. – Душанбе: Маориф, 1992. – 92 с.
18. Болдырев А.Н. Из истории развития персидского литературного языка // ВЯ. – 1955. – № 5. – С. 78-92.
19. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников торговцев. Словопроизводство. – Рязань, 1980. – 104 с.
20. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986. – 127 с.
21. Будагов Р.А. Слово и его значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 66 с.
22. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Учпедгиз, 1958. – 435 с.
23. Бурханова Х. Лексика гончарного производства в таджикском языке. Автореф. дис. ... кан. филол. наук. – Душанбе, 1982. – 22 с.
24. Бурхонова Х. Оид ба лексикаи кулолӣ // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1980. – С. 69-77.
25. Валихӯчаев Б., Вохидов Р. Мухаккиқи бузурги ду адабиёт. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 60 с.
26. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов / Вопр. Языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60 - 87.
27. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959. – 653 с.
28. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.

- 29.Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Наука, 1976. – 508 с.
- 30.Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. – М.: Наука, 1990. – 388 с.
- 31.Гадалия К.Т. Региональные элементы в словообразовании языка дари // Лексические заимствования в языках Зарубежного Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 73-78.
- 32.Гадоев Н. Баъзе хусусиятҳои воҳидҳои фразеологӣ дар лаҳҷаи ҷанубии Кӯлоб. – Душанбе, 2017. – 232 с.
- 33.Галкина-Федорук Е.М. О стиле поэзии Сергея Есенина. – М.: МГУ, 1965. – 85 с.
- 34.Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. I. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
- 35.Голева Г.С. Фразеология современного персидского языка. – М.: Муравей, 2006. – 223 с.
- 36.Ғаффоров Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил. – Душанбе: Дониш, 1966. – 225 с.
- 37.Ғаффоров Р. Забони адабиёти бадеӣ. – Самарқанд, 2000. – 84 с.
- 38.Ғаффоров Р. Ваҳдат, миллат ва тақомули забон // Садои Шарқ. – 1974. – № 12. – С. 129-143.
- 39.Ғаффоров Р. Нависанда ва забон. – Душанбе, 1977. – 208 с.
- 40.Ғаффоров Р. Вазифаҳои услубии калимаҳои омонимӣ ва сермаъно // Мактаби советӣ. – 1990. – № 8. – С. 18-28.
- 41.Ғаффоров Р. Чанд сухан оид ба тадвини фарҳанги фразеологии осори Садриддин Айнӣ // Актуалные проблемы фразеологии. (Материалы научной конференции, ноябрь, 1996). – Самарқанд, 1997. – С. 97-103.
- 42.Ғаффоров Р. Забон ва услуби очерки таърихӣ “Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик”. // Ҷашномаи Айнӣ. Ҷузъи IV. – Душанбе, 1971. – С. 171-181.

43. Ғаффоров Р. Устоди бузурги сухан. – Душанбе: Дониш, 1975. – 61 с.
44. Ғафуров Б. Г. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби I. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 701 с.
45. Ғафуров Б. Ғ. Тоҷикон. Охирҳои асри миёна ва давраи нав. Китоби II. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 413 с.
46. Давлатова М. Сермаъноии феълҳои сода дар “Зайнулаҳбор”-и Гардезӣ // Баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1964. – С. 116-139.
47. Давронов А. Языковые особенности “Кобусноме”: автореф. дис. кан. филол. наук. – Душанбе, 1980. – 19 с.
48. Джураева С. Б. Семантические и структурные особенности фразеологических единиц в исторических манускриптах X-XIII веков: автореф. дисс. докт. филол. наук. – Душанбе, 2022. – 57 с.
49. Дӯстов Ҳ. Воҳидҳои фразеологии ташбеҳӣ дар забони адабии муосири тоҷик. – Душанбе, 2014. – 186 с.
50. Дӯстов Ҳ. Воҳидҳои фразеологии ташбеҳӣ бо пасоянди «барин» // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – №4/1 (129). – Душанбе, 2014. – С. 23-25.
51. Дӯстов Ҳ. Ифодаи маъно дар воҳидҳои фразеологии ташбеҳӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – №4/3 (137). – Душанбе, 2014. – С. 16-19.
52. Дӯстов Ҳ. Хусусиятҳои сохториву маъноии ташбеҳоти фразеологӣ дар осори адибони давраи истиқлол // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – №4/1. – Душанбе, 2017. – С. 125-128.
53. Дӯстзода Ҳ. Нақши воситаҳои тасвири бадеӣ дар ифодаи мундариҷаи маъноии воҳидҳои фразеологии забони адабии муосири тоҷикӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – №4. – Душанбе, 2022. – С. 12-21.
54. Дӯстзода Ҳ. Ҷ. Мундариҷаи маъноии воҳиди фразеологӣ ва нақши воситаҳои тасвири бадеӣ дар ташаккули он. – Душанбе, 2023. – 144

- с.
- 55.Ефимов А. И. История русского литературного языка. – М., 1955. – 422 с.
- 56.Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – М.: МГУ, 1961. – 518 с.
- 57.Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
- 58.Забони адабии ҳозираи тоҷик. К. I. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 451 с.
- 59.Забони ҳозираи тоҷик. Лексика. – Душанбе, 1981. – 105 с.
- 60.Зеҳнӣ Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1987. – 236 с.
- 61.Зикриёева Ҷ. Зарбулмасалу мақолаҳои халқӣ дар “Дохунда”// Чашномаи Айни. Ҷ.V. – Душанбе: Дониш, 1978.
62. Зогакова, Г. Идиомы в современном таджикском литературном языке (на материале художественных произведений С. Айни) [Текст]: автореф. дисс... канд. филол. наук/ Зогакова Гурдофарид Исроиловна. – Душанбе, 2011. – 26 с.
63. Зогакова, Г. Унсурҳои маъноии ифодаҳои идиоматикӣ дар насри бадеии Садриддин Айни [Матн] / Г. Зогакова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши филология. – Душанбе: Сино, 2012. – №4/6 (97). – С.161-163.
- 64.Зоҳидов А. Лексикаи забони гуфтугӯии тоҷик. Дастури таълимӣ барои донишҷӯён ва муаллимон // Мухаррирони масъул Н. Шарофов ва Х. Юсуфов. – Самарқанд, 1994. – 78 с.
- 65.Ибрагимов С. Профессиональная лексика узбекского языка. – Ташкент: Изд. Акад. наук. Узб. ССР, 1961. – 164 с.
- 66.Ибрагимов С. Языковые особенности произведений Кори Рахматулло Возеха (XIX в. на материале “Акаид-ун-нисо” и “Савоних-ул-масолик” “Фаросих-ул-мамолик”). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 1974. – 22 с.

67. Ибрагимов Р. Художественно-стилистическая роль фразеологизмов “Бадаи-ал-вакаи” Зайниддина Восифи. Автореф. дис. канд. фил. наук. – Душанбе, 1975. – 25 с.
68. Икромӣ Қ. Мактаби адабии устод Айни // Шарқи Сурх. – 1953. – №4. – С. 48-56.
69. Исаева Н.Ш. Фразеологическая семантика, национальный менталитет и национальная культура // Актуальные вопросы филологических наук: проблемы и перспективы. – Чита, 2011. – С. 82-85.
70. Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. – Орджоникидзе, 1964. – 105 с.
71. Кабиров Ш. Лексические особенности “Таърихи Бадахшон” Автореф. дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 1979. – 24 с.
72. Кабиров Ш. Ибораҳои рехта дар осори таърихии асри XIX// Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: ДДТ, 1990. – С. 20-25.
73. Кабиров Ш. Равобит ва ҳамнишинии воҳидҳои забон дар занҷираи гуфтор. – Душанбе, 2021. – 320 с.
74. Камолитдинов Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 185 с.
75. Камолитдинов Б. Ҳусни баён. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 120 с.
76. Камолова Г. Хусусиятҳои морфологии “Маҷмаъ-ут-таворих” (насири асри XVI). – Душанбе: Дониш, 1984. – 92 с.
77. Каримов Ш. Семантикаи воҳидҳои луғавии ғазалиёти Ҳофиз. – Душанбе: Матбуот, 1993. – 146 с.
78. Керимова А.А. Об основных процессах развития современного таджикского литературного языка// ВЯ. – 1995. – №3. – С. 118-126.
79. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
80. Кӯчаров А. Тадқиқоти текстологии “Одина”-и С. Айни. – Душанбе: Дониш, 1982. – 135 с.

81. Кӯчаров А. Масъалаҳои матншиносии адабиёти тоҷик. – Душанбе, 1994. – 138 с.
82. Қиличев Э. Архаизмы и историзмы в прозе Садриддина Айни. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Т., 1969. – 29 с.
83. Қосимова М. Н. Забони адабии тоҷик дар аҳди Сомониён // Адаб. – 1998. – №1-3. – С. 12-18.
84. Қурбонов М. Асосҳои лингвистӣ ва методии таълими услубшиносии тоҷик дар мактаби миёна. – Душанбе: Маориф, 1988. – 188 с.
85. Қӯшҷонов М. Айни бадииятининг эволюцияси. – Т.: Фан, 1988. – 157 б.
86. Лившиц В. А. О внутренних законах развития таджикского языка // Изв. отд. общ. наук Тадж. ССР, вып. V. – Сталинабад, 1954. – С. 87-102.
87. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. – М.: Высшая школа, 1985. – 256 с.
88. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энц., 1990. – 683 с.
89. Ломов А.Г. Фразеология пьес А.Н. Островского. – Самарканд, 1995. – 162 с.
90. Ломов А.Г. Фразеография: объём фразеологии // Актуальные проблемы фразеологии (Материалы научной конференции, ноябрь, 1996). – Самарканд, 1997. – С.12-18.
91. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. – Душанбе, 2006. – 409 с.
92. Маджидов Х. Система таджикского современного литературного языка: закономерность существования и функционирования. – Душанбе, 2014. – С. 98-115.
93. Мақсудов Т., Зикриёев Ф., Чалилов Ҳ. Дар бораи воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаи синтаксисии онҳо. – Душанбе, 1976. – 86 с.

94. Мақсудов Т. Лексика ва фразеологияи шеваҳои тоҷикон Исфара. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 158 с.
95. Мақсудов Т. Лексика ва фразеологияи тоҷикони Исфара. – Хучанд: Нури маърифат, 2018. – 206 с.
96. Масъалаҳои мубрами забони адабии тоҷик. Маҷмуаи мақолаҳо бахшида ба 80-солагии профессор Ҳ. Маҷидов. – Душанбе, 2017. – 368 с.
97. Маҷидов Ҳ. Ибораҳои фразеологии феълӣ//Мақтаби советӣ. – 1967. – №10. – С. 45-48.
98. Маҷидов Ҳ. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1982. – 104 с.
99. Маҷидов Ҳ. Усулҳои сермаъношавии калимаҳо // Маърифат. – 1998. – №1-2. – С. 10-13.
100. Маҷидов Ҳ. Сехри сухани форсии тоҷикӣ. – Душанбе, 2014. – 352 с.
101. Маҳмадаминов А. Адабиётшиносӣ ва ҳудогоҳии миллӣ. – Душанбе, 1998. – 210 с.
102. Маҳмудов М., Бердиев Б. Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро. – Душанбе, 1989. – 64 с.
103. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкшофи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Сталинобод, 1959. – 294 с.
104. Маъсумӣ Н. Ҷаҳонбинӣ ва маҳорат. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 268 с.
105. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. II. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 390 с.
106. Мирзоев А. Сайидо ва мақоми ӯ дар таърихи адабиёти тоҷик. – Сталинобод: Нашр. давл. Тоҷикстон, 1947. – 230 с.
107. Мирзоев А. Забони адабиёти классикӣ ва муносибати он бо забони имрӯзаи тоҷик // Шарқи Сурх. – 1949. – №4. – С. 7-14.

108. Мирзоев А. Сайфи Бухорой ва мавқеи ӯ дар таърихи адабиёти доираҳои хунарманд // Сездах мақола. – Душанбе: Ирфон, 1977. – С. 265-286.
109. Мирзоева М. М. Фразеологические единицы произведений С. Айни и способы их перевода на русский язык / М.М. Мирзоева. – Душанбе, 2008. – 160 с.
110. Мирзоева М. М. Тарҷумаи синонимҳои луғавии романи «Ғуломон»-и С. Айни ба забони русӣ. – Паёми ДМТ, №6 (70) (Наشري махсус бахшида ба 20-солагии истиқлолияти ҚТ). – Душанбе: Сино, 2011. – С. 289-295.
111. Мирзоева М.М. Лексическая и фразеологическая синонимия в художественных произведениях С. Айни / М.М. Мирзоева. – Душанбе, 2017. – 400 с.
112. Муллоджанова З.А. Стиль Садриддина Айни и перевод. – Душанбе, 2014. – 191 с.
113. Муминов А. Полисемия в таджикском языке. Автореф. дис. канд. филол. Наук. – Душанбе, 1972. – 21 с.
114. Мурватов Ч. Назаре ба лексикаи кордсозӣ // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1980. – С. 39-48.
115. Мухитдинзода Р. А. Концепт «женщина» во фразеологических единицах английского и русского языков // Сб. матер. Международной научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в странах СНГ (8-10 ноября 2023 г.). – Душанбе: ТНУ, 2023. – С. 400-403.
116. Муҳаммадиев М. Манбаъҳои такмили таркиби луғавии воҳидҳои забон дар чараёни гуфтор. – Душанбе, 1995. – С. 64-69.
117. Муҳаммадиев М., Талбакова Х., Нурмуҳаммадов Ю. Лексикаи забони адабии тоҷик. – Душанбе, 1997. – 190 с.
118. Набиева Р. Язык “Тарихи салотини мангития” Мир Абдулазима Сомӣ (Лексика и фразеология). – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе, 1973. – 21 с.

119. Наврузшоев Б.Х. Глагольные фразеологические словосочетания в таджикской периодической печати и способы их перевода на английский язык: автореф. дисс.канд.филол.наук. – Душанбе, 2011. – 22 с.
120. Насимӣ Н. Лугати калимасозии феъл дар насри С.Айнӣ. – Кӯлоб, 1992. – 74 с.
121. Насриддинов А. Лексикаи “Шамс-ул-луғот” ва муносибати он ба забони ҳозираи тоҷик // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1984. – С. 171-180.
122. Неменова Р.Л. Краткий очерк грамматики таджикского языка// Краткий таджикско-русский словарь. – Душанбе: Маориф, 1988. – С. 435-436.
123. Ниёзмухаммадов Б. Хусусиятҳои забони ашъори Мирзо Турсунзода // Садои Шарк. – 1964. – № 9. – С. 106-120.
124. Нурматова М.Р. Сохтори семантикӣ ва грамматикӣ воҳидҳои фразеологии феълӣ дар забони тоҷикӣ // Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – Хучанд, 2019. – №2 (79). – С. 119-128.
125. Нурматова М.Р. Вазифаҳои нахвӣ воҳидҳои фразеологии феълӣ дар забони адабии муосири тоҷикӣ: автореф. дисс. номз. илм. филол. – Хучанд, 2022. – 50 с.
126. Одинаев С.П. Воҳидҳои фразеологии ҳамқолаб дар забони адабии муосири тоҷикӣ. – Душанбе, 2022. – 160 с.
127. Ожегов С.И. О структуре фразеологии, лексикологии, лексикографии, культура речи. – М., 1974. – 206 с.
128. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. – Наука, 1982. – 572 с.
129. Палевская М.Ф. Синонимы в русском языке. – М.: Просвещение, 1964. – 128 с.
130. Пейсиков Л. С. Лексикология современного персидского языка. – М., 1975. – 206 с.

131. Пешчерева Е.Н. Бухарские золотошвей // МАЭ. Т. 16. – М.-Л., 1955. – С. 57-71.
132. Расулова З.Х. Роль художественного перевода в таджикско-узбекских литературных связях периода государственной независимости : автореф. дисс. канд. фил. наук. – Душанбе, 2023. – 26 с.
133. Рауфов Х.С. Айнӣ ва инкишофи лексикаи забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1978. – 46 с.
134. Рахимов Н. Садриддин Айнӣ. – Т.: Фан, 1970. – 160 б.
135. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. – М.: Наука, 1981. – 274 с.
136. Рубинчик Ю.А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке // Иранское языкознание. История, этимология, типология. – М.: Наука, 1976. – С. 199-209.
137. Рубинчик Ю. А. Развитие языка и вопросы иноязычного влияния на языковую систему (Арабизмы и европоизмы в персидском языке) // Лексические заимствования в языках Зарубежного Востока. – М: Наука, 1991. – С. 150-162.
138. Сабзаев С.М. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар. – Душанбе, 2001. – 138 с.
139. Саидов Н.С. Лексические и фразеологические особенности рассказов А. Самада: Монография. – Душанбе, 2016. – 254 с.
140. Саидов Р. Ду хели ибораҳои фразеологӣ дар “Ғуломон”// Чашномаи Айнӣ. Ҷ.V. – Душанбе: Дониш, 1978. – С. 162-167.
141. Саидов Р. Фразеология таджикской народной поэзии: Автореф. дисс... канд. фил. наук. – Душанбе, 1995. – 35 с.
142. Сайфуллоев А. Романи устод Айнӣ “Дохунда”. – Душанбе: Дониш, 1966. – 218 с.
143. Сайфуллоев А. Мактаби Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 352 с.

144. Сайфуллоев А. Садриддин Айни – Қаҳрамони Тоҷикистон. – Хучанд, 1998. – 152 с.
145. Саломов М. Вижагиҳои савтӣ, маъноӣ ва маҷозӣю фразеологии забони шеърӣ тоҷикӣ. – Душанбе: Пойтахт, 2017. – 266 с.
146. Сирочиддин Алихони Орзу. Чароғи ҳидоят. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.
147. Собирова Р. Идеино-художественное своеобразие творчества Садриддина Айни. – Т.: Фан, 1980. – 55 с.
148. Современный русский литературный язык /Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. школа, 1982. – 399 с.
149. Современный русский литературный язык /Под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1988. – 471 с.
150. Сулаймонов С. Становление арабской и таджикской философской терминологии (на базе философского наследия Ибн Сины). Автореф. дисс. докт. филол. наук. – Душанбе, 1997. – 41 с.
151. Суперанская А.В. и др. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
152. Табаров С. Садриддин Айни — асосгузори адабиёти советии тоҷик. – Сталинобод, 1954. – 30 с.
153. Таджиев Д.Т. Слово “об” (вода) в современном таджикском языке // Труды ИЯ АН СССР. Т. I. – М., 1952. – С. 42-60.
154. Таджиев Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском языке. – Сталинабад, 1955. – 70 с.
155. Таджиев Д.Т. Об определительных словосочетаниях типа “Ахмада китобаш”, “гапа камаш”// Уч. зап.. Т. II, Сер. гуманитарных наук. – Сталинабад: ТГУ, 1955. – С. 196-206.
156. Талбакова Х. Истеъмоли калимаҳои ифодакунандаи касбу ҳунар (дӯзандагӣ) дар “Маъвои дил”-и Раҳим Ҷалил // Мақолаҳо доир ба забон ва адабиёти тоҷик. – Душанбе, 1973. – С. 52-73.

157. Талбакова Х. Воҳидҳои фразеологӣ антонимӣ // Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: ДДТ, 1990. – С. 46-50.
158. Талбакова Х. Мавқеи вулгаризмҳо дар ташаккули воҳидҳои фразеологӣ // Паёми Донишгоҳ (забоншиносӣ). – Душанбе, 1990. – №1. – С. 44-48.
159. Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. – Душанбе: Дониш, 1967. – 123 с.
160. Тимофеева В.В. Язык поэта и время. Поэтический язык В. Маяковского. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 237 с.
161. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 148 с.
162. Торобхев И.К. К вопросу о возникновении фразеологизмов// Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. – Т. 160. Вып. 2. Русский язык. Вопросы русской фразеологии. – М., 1966. – С.122-128.
163. Тоҳирова К. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1967. – 80 с.
164. Трегубчак А.В. Семантика сравнения и способы её выражения. Автореф. дисс... канд. фил. наук. – М., 2008. – 23 с.
165. Турсунова Х. Оид ба параллелҳо дар фразеология ва зарбулмасалҳои тоҷикӣ-ӯзбекӣ (дар асоси «Қуллар» ва «Ғулмон» -и С. Айнӣ) // дар кит. «Армуғон», 2. Масъалаҳои филологияи тоҷик. – Душанбе, 1971. – С. 138-150.
166. Турсунова Ф. Инъикоси воқеаҳои иҷтимоӣ-таърихӣ дар фразеологизмҳои романи “Ғулмон”-и С. Айнӣ // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1976. – 200 с.
167. Турсунова Х. Инъикоси воқеаҳои иҷтимоӣ-таърихӣ дар фразеологизмҳои романи «Ғулмон»-и С. Айнӣ. – Душанбе, 1977. – С. 77-82.

168. Убайдуллоева М.А. Ибораҳои фразеології тавсифӣ дар забони адабии муосири тоҷикӣ (дар асоси маводи насри бадеӣ). – Душанбе, 2023. – 65 с.
169. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
170. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Қ.І. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1963. – 452 с.
171. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Қ.ІІ. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1964. – 802 с.
172. Хамидова Т.М. Сопоставление фразеологизмов русского и таджикского языков (на примере произведений русских писателей 19 века) // Сб. матер. Международной научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в странах СНГ (8-10 ноября 2023 г.). – Душанбе: ТНУ, 2023. – С. 444-448.
173. Хашимов С. Лексические особенности “Гулистон”-а Саади Ширази: автореф. дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 1973. – 22 с.
174. Худоёрова Н.З. Фразеологияи забони насри Урун Кӯҳзод. Автореф. дисс... номзади илми филология. – Душанбе, 2023. – 30 с.
175. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. – Душанбе: Дониш, 1974. – 135 с.
176. Ҳалимов С. Ҳ. Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1974. – 135 с.
177. Ҳалимов С. Ҳ. Таърихи забони адабии тоҷик (асри X). – Душанбе, 1979. – 96 с.
178. Ҳалимов С. Ҳ. Таърихи забони адабии тоҷик дар асрҳои XI–XII. Душанбе, 2002. – 94 с.
179. Ҳасанов И. Лексика ва фразеология (дар асоси материали романи “Духтари оташ”-и Ҷ. Иқромӣ). – Душанбе: Ирфон, 1974. – 157 с.

180. Ҳасанов М. Ўзбек адабий публицистикаси. – Т.: Фан, 1978. – 130 б.
181. Ҳасанов М.М. Тадқиқи сохториву талаффузии воҳидҳои фразеологияи забони адабии муосири тоҷикӣ. Автореф. дисс... номзади илми филология. – Душанбе, 2022. – 29 с.
182. Ҳодизода Р., Каримов У., Саъдиев С. Адабиёти тоҷик. Асрҳои XVI-XIX ва ибтидои асри XX. – Душанбе: Маориф, 1988. – 414 с.
183. Ҳочиев С. Забони адабии тоҷик дар ибтидои асри XX. – Душанбе: Дониш, 1987. – 167 с.
184. Ҳошимов С. Якҷанд ҷиҳатҳои семантикии калимаҳои арабӣ дар “Дастур-ул-мулук” // Вазифаҳои воҳидҳои забон дар ҷараёни гуфтор. – Душанбе, 1995. – С. 141-147.
185. Ҳусейнзода Ш. Дар бораи баъзе лаҳзаҳои асосии таърихи адабиёти тоҷик // Шарқи Сурх. – 1946. – № 3. – С. 30-37.
186. Ҳусейнов Х. Забон ва услуби “Одина”-и устод Айнӣ. – Душанбе: Маориф, 1983. – 253 с.
187. Ҷориев Т. Садриддин Айнӣ публицистик асарларининг тили ва услуби. Филол. фан. номз. дис. автореф. – Самарқанд, 2002. – 22 б.
188. Ҷӯраева С.Б. Вижагиҳои маъноиву сохтори воҳидҳои фразеологӣ дар таърихномаҳои садаҳои X-XIII. – Хучанд, 2022. – 328 с.
189. Шанский Н.М. В мире слов. – М.: Просвещение, 1971. – 255 с.
190. Шанский Н.М. Лексикология современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
191. Шарифов Х. Услуб ва камолоти сухан. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 103 с.
192. Шарифов Х. Каломии бадеъ. – Душанбе: Маориф, 1991. – 160 с.

193. Шаропов Н.А. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1991. – 136 с.
194. Шодиев Б.Г. Лексико-фразеологические особенности очерков и рассказов Мутеулло Наджмиддинова: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе, 2012. – 21 с.
195. Шодиев Б.Ф. Хусусиятҳои луғавию фразеологӣи очерку қиссаҳои Мутеулло Начмиддинов. – Душанбе, 2013. – 168 с.
196. Шокиров Т. Адиб, забон ва услуб. – Душанбе, 2001. – 173 с.
197. Шукуров М. Тарҷума ва услуби хоси нависанда // Садои Шарқ, 1970. – № 11. – С.115-124.
198. Шукуров М. Тарҷумаи бадеӣ дар марҳилаи имрӯзаи адабиёти тоҷик // Садои Шарқ, №10, 1983. – С. 113-122.
199. Шукуров М. Забони мо ҳастии мо. – Душанбе: Маориф. 1991. – 231 с.
200. Шукуров М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 368 с.
201. Шукуров М. Забони мо – ҳастии мо. – Душанбе: Маориф, 1991. – 228 с.
202. Шукуров М. Насри реалистӣ ва таҳаввули шуури эстетикӣ. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 452 с.
203. Шукуров М. Пайванди замони ҳоло ва халқҳо. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 224 с.
204. Эдельман Д. И. Ещё раз о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков // ВЯ. – 1995. – № 4. – С. 25-42.
205. Эгамбердиев Р. Меҳвари семантикаи воҳидҳои фразеологӣ. // Масъалаҳои филология ва робитаҳои адабӣ. – Самарқанд, 1979. – С. 100-109.
206. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. – Ҷ. II. – Душанбе: Сарред. илмӣи энцикл. сов. тоҷик, 1989. – 559 с.

207. Юлдошев Ю.М. К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве в XVI-XVII веках // *Общ. науки в Узбекистане*. – Ташкент. – 1961. – № 4. – С. 30-36.
208. Юсуфова, М. Синонимика фразеологизмов / М. Юсуфова // *Гостинец молодых учёных*. – Душанбе, 1966. – С. 139-159.
209. Якубович Т.Д. Новые слова. – М.-Л.: Просвещение, 1966. – 60 с.

2. Источники языкового материала

210. (2.1.) Айнӣ С. Ғуломон. – Душанбе: Адиб, 2012. – 620 с.
211. (2.2.) Аини С. Рабы. Перевод на русский язык С. Бородина. – М.: Изд-во “Художественная литература”, 1975. – 422 с.
212. Айнӣ С. Куллиёт. Ҷилди III. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1960. – 620 с.
213. Айнӣ С. Куллиёт. Ҷилди VII. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1962. – 618 с.
214. Айнӣ С. Куллиёт. Ҷилди VIII. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1963. – 236 с.
215. Айнӣ С. Куллиёт. Ҷилди IX. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 560 с.
216. Бурҳон Муҳаммадхусейн. Бурҳони қотей. Ҷ.I. – Душанбе: Адиб, 1993. – 435 с.
217. Ғиёс-ул-луғот. Ҷ. I. – Душанбе: Адиб, 1987. – 480 с.
218. Ғиёс-ул-луғот. Ҷ. II. – Душанбе: Адиб, 1987. – 416 с.
219. Муҳаммадиев М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ. – Душанбе: Маориф, 1993. – 272 с.
220. Орзу, Сирочиддин Алихон. Ҷароғи ҳидоят. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 292 с.
221. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди I. – М.: Сов. Энцикл., 1969. – 951 с.
222. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди II. – М.: Сов. Энцикл., 1969. – 947 с.
223. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Ҷ.I. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1963. – 452 с.

224. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Қ.П. – Душанбе: Нашрдавлтоҷик, 1964. – 802 с.
225. Фарҳанги ибораҳои халқӣ. – Душанбе, Адиб, 1988. – 400 с.
226. Ҳофизи Ӯбаҳӣ. Тухфат-ул-аҳбоб. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.

Список сокращений

ФЕ – фразеологическая единица